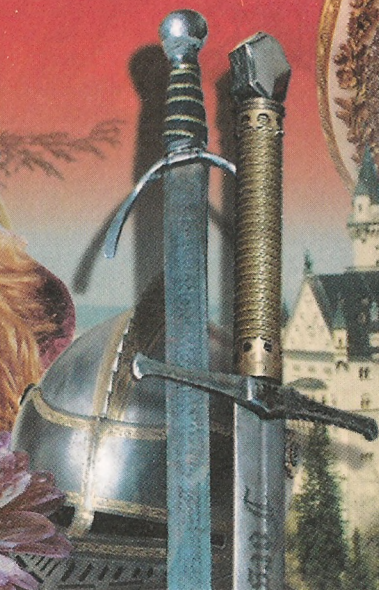

84(2P-1)
КГ4 5

детектив для девочек и мальчиков

Старый Дворец

детектив для девочек и мальчиков

Егор Конев

Старый Дворец

Минск
СОВРЕМЕННЫЙ
литератор
1999

УДК 882(476)
ББК 84(4Бен-Рус)
К 64

Серия основана в 1999 году

Для среднего школьного возраста

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ЭК108800-4
108800-1

Конев Е. Ф.

К 64 Старый дворец: Для ср. шк. возраста. — Мн.: Современ. литератор, 1999. — 192 с. — (Детектив для девочек и мальчиков).

ISBN 985-456-329-4.

В центре занимательной детективной истории — необычная судьба талантливого московского мальчика Димы Краснова. Жизненные обстоятельства сложились таким образом, что ему даже угрожала смертельная опасность. О том, чем же все это закончилось, о тайне старинного замка и рассказывает эта увлекательная книга.

УДК 882(476)
ББК 84(4Бен-Рус)

ISBN 985-456-329-4. Современ. литератор, 1999

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛЮБИМЫЙ ХОЛМ

В выходные дни, когда не было занятий в лицее, двенадцатилетний Дима Краснов любил подниматься на лесистый холм, начинавшийся сразу за магистральной дорогой. С противоположной стороны холм оканчивался крутым обрывом, а дальше расстиралась бескрайняя зелёная равнина. Здесь ему хорошо работалось, здесь не приходилось опасаться, что кто-нибудь из сверстников подкрадётся и в очередной раз зло подшутит над ним.

Дима учился в художественном лицее для одарённых детей первый год. Этот лицей находился на окраине города Коломны, на живописном берегу Оки. Мальчик жил в интернате, и за его учёбу и содержание платила бабушка.

Дима рано остался без родителей. Его отец угодил в тюрьму, когда Диме едва исполнилось пять лет. Он об этом узнал от бабушки, которая почему-то буквально торжествовала по этому поводу.

— Есть всё-таки справедливость! — говорила она соседке при Диме. — Его место в тюрьме! Если бы он попал туда раньше, жива была бы моя дочь.

Дима очень смутно помнил отца, потому что бабушка не пускала этого человека на по-

рог своей квартиры с того дня, как её дочь погибла в автомобильной катастрофе.

Диме тогда и трёх лет не было. Бабушка забрала его к себе, а отец остался в своей квартире.

Бабушка мальчика — Анна Григорьевна — в своё время была против того, чтобы дочь выходила замуж за Краснова. Она называла жениха дочери не иначе как «будущий лагерник» и «потенциальный бандит с большой дороги».

Когда дочь всё-таки вышла замуж за Краснова, Анна Григорьевна поклялась, что ноги её больше не будет в их доме.

В случившейся трагедии Анна Григорьевна винила Диминого отца. Она ничего не рассказывала Диме о том, как всё произошло, и мальчик знал только, что в машине ехали отец и мать, но почему-то при аварии отец остался невредим, а мать умерла на месте, не приходя в сознание.

— Этот авантюрист и тебя погубит, — твердила бабушка. — Но тебя ему не видеть, как своих собственных ушей.

— Он плохой человек? — серьёзно спросил Дима, когда уже немного подрос.

— Хороших людей в тюрьму не сажают, — категорично ответила бабушка.

А Дима в это время читал книгу про графа Монте Кристо и усомнился в словах бабушки. Ему герой писателя Дюма очень нравился, и он считал, что с ним поступили несправедливо, посадив в страшную крепость. Однако Диме не хватало мужества возражать бабушке. К тому же Анна Григорьевна никогда не спорила, она считала, что любое её утверждение не может подвергаться сомнению. Соседки это знали и всегда соглашались с Анной Григорьевной.

— За что папу посадили в тюрьму? — единственное, о чём спросил Дима.

— Значит, было за что. Я его заковала бы в кандалы за мою дочь.

Как бабушка узнала, что отца осудили, Дима тоже тогда не знал. Только потом случайно в ларце с документами обнаружил письмо. Но только он начал читать, только успел догадаться, что это пишет отец, как в комнату вошла бабушка, выхватила мелко исписанные тетрадные листки и возмутилась любопытством внука. Она порвала письмо на мелкие кусочки и сунула в карман, чтобы выбросить на улице в мусорный ящик.

— Ты должен забыть о нём, — сказала бабушка. — От него можно ждать только плохое. Уж такой это человек. Когда выйдет из тюрьмы, я тебя ему не отдам.

Анна Григорьевна была женщиной волевой и властной. Почти всю жизнь она провела на руководящих должностях. Анна Григорьевна полагала, что и её дочь должна достичь больших высот в этой жизни. Уж по крайней мере, её дочь достойна лучшей партии! Но после того, как она погибла, всю свою заботу и ласку Анна Григорьевна перенесла на внука. И эта забота проявлялась в духе её властного характера: Анна Григорьевна заранее спланировала карьеру Димы и на много лет вперёд.

— Ты будешь не последним человеком в этой жизни, — пророчествовала она. — Хотя я и на пенсии, но кое-какие связи у меня сохранились. Пойдёшь по дипломатической линии. Но для этого усиленно занимайся иностранными языками...

Бабушка наняла для внука двух репетито-

ров — по английскому и по немецкому языкам. Но языки давались мальчику туго. Зато с большой охотой Дима рисовал. Ему нравилось рисовать всё, что видел вокруг себя: предметы, животных, людей. Мальчику казалось, что нарисованное им навсегда останется неизменным. По этому поводу происходили разговоры с бабушкой, которая не любила пустых фантазий, будучи сама сугубо реалистичным человеком.

— Смотри, бабушка, — говорил Дима, показывая на свой рисунок с изображением автомобиля. — Эта машина никогда не разобьётся.

— А ты какую нарисовал? — настороженно спрашивала бабушка.

— Ту, на которой ехали папа с мамой.

— Той машины давно нет.

— Но теперь она больше не разобьётся.

— Что ты этим хочешь сказать? — начинала сердиться бабушка.

— Ничего. Просто она больше не разобьётся.

— Послушай меня, — начинала поучать бабушка. — В жизни не бывает чудес. К жизни нужно относиться разумно, всё понимать и не делать глупостей. В тебе сидят гены отца. Это меня очень пугает. Но воспитанием можно их преодолеть. Твой отец был с тараканами в голове.

— Это как?

— Тебе не нужно знать. Я ещё раз повторяю: в жизни должно быть всё ясно.

Но Дима только из жалости к бабушке соглашался с ней, а на самом деле продолжал думать, что мама и папа ушли из его жизни только потому, что он не успел их нарисовать. А вот ус-

пей он их нарисовать, они остались бы с ним навсегда! Он тогда был ещё маленький. А то посадил бы рядом, нарисовал бы обоих, и жили бы все вместе.

Дима не мог похвастаться успехами в освоении иностранных языков. Будущий дипломат из него никак не вытанцовывался! Зато у него получились хорошие портреты преподавателей немецкого и английского. Один из преподавателей так прямо и заявил Анне Григорьевне:

— Вашему внуку надо готовиться к поступлению не в МГИМО, а в художественное училище. Глядишь, получится из него какой-нибудь Глазунов или Саврасов.

Это заявление повергло бабушку в глубокие раздумья, ведь в своих мечтах она видела внука будущим министром иностранных дел России, таким новым Горчаковым. Её даже огорчало то, что внук склонен к художественному восприятию мира.

— Ну-ка, покажи, что ты там намалевал на занятиях, — потребовала она у Димы. — Вместо того, чтобы зубрить грамматику, ты чиркаешь по бумаге. Разве за это я плачу репетиторам? Может, у меня завелись лишние деньги? Ну, где твои рисунки?

Дима с гордостью принёс ей несколько альбомов для рисования — полное собрание его творений, сделанных карандашом.

— Когда ты успел! — удивилась бабушка. — И как ты скрыл от меня?

Она стала перелистывать альбомы, и желание ворчать оставило строгую Анну Григорьевну. Рисунки внука приятно удивили её, они напоминали те работы, что ей приходилось ви-

деть в картинной галерее (хоть и редко, но она всё же посещала её). Рисунки обладали удивительным свойством привлекать внимание.

Особенное впечатление на бабушку произвёл её портрет.

— Да это же лучше, чем на фотографии! — невольно воскликнула она. — Я тут какая-то живая, а на фотографиях сижу, как испуганная кукла.

В её устах это прозвучало для Димы высшей похвалой. Анна Григорьевна, признаться, плохо разбиралась и в живописи, и в графике, и в искусстве вообще. Но в тот момент она ясно поняла, что внук может добиться больших успехов, если поощрить его склонность к рисованию.

— В кого же ты такой уродился? — размышляла вслух бабушка. — То, что не в мать, — это точно. Моя дочка была вылитая я в молодости. А я рисовать никогда не любила. Я любила только кино смотреть...

— А папа мой любил рисовать?

Анна Григорьевна промолчала. Не могла же она сказать внуку, что у его отца была тяга к рисованию, только уж очень странная: он предпочитал рисовать фальшивые денежные купюры!.. И так это ловко у него получалось, что умудрялся обманывать Анну Григорьевну. Тёща не раз попадалась на крючок. Зять признавался в своей проделке и много смеялся. Но это были невинные розыгрыши, а быть может, потом он всерьёз занялся этим промыслом и по этой причине угодил за решётку.

После просмотра рисунков бабушка распрощалась с мечтой сделать из внука дипломата. Занятия с преподавателями по иностран-

ным языкам были заброшены. Вместо них Дима, по настоянию бабушки, начал ходить в изостудию при городском Дворце творчества детей и молодёжи.

Отныне значительная часть бабушкиной пенсии тратилась на краски, кисти, холсты, подрамники, грунтовку. Но все эти затраты с лихвой окупались сознанием того, что её внук занимается любимым делом. Руководитель изостудии не мог нахвалиться мальчиком: тот всё схватывал на лету. Рисунки Димы были лучшими среди всех детских работ студии. Когда же Димины картины стали отправлять на выставки, то и там их неизменно отмечали самыми лестными оценками.

Но насколько успешно юный Дима постигал азы живописи, настолько плохо шли у него дела по всем другим предметам.

Математику он осиливал кое-как. За контрольные неизменно получал «двойки» и лишь изредка — «тройки с минусом». Диктанты по русскому языку писал с невероятным количеством ошибок.

Неважно обстояли у Димы дела и с физкультурой. На турнике он едва-едва подтягивался пару раз, при этом отчаянно дрыгая в воздухе ногами. На канате он только раскачивался, как маятник, из стороны в сторону — о том, чтобы подняться до потолка, и речи быть не могло. На кроссах Дима прибегал всегда последним. И то это сильно сказано — прибегал. О каком беге может идти речь, если ноги Димы подкашивались у финишной черты. Учитель физкультуры напрямик выговаривал мальчику:

— Для такого тюфяка, как ты, ещё не придумана шкала оценок. Ты даже «единицы» не за-

служиваешь. Какая б ни была оценка ниже «единицы», ты и её не заслуживаешь, доходяга! Я ставлю тебе просто «минус». И всё!

Дима страшно обижался, что его называют «доходягой», сердито пыхтел и учащённо моргал глазами. Учителю физкультуры он отомстил тем, что нарисовал серию откровенных шаржей. На них физрук был изображён в образе быка с головой обезьяны. Одноклассники, которым Дима показывал свои творения, отбирали их у него и, чтобы подлизаться, передавали учителю.

Физрук водил Диму к директору школы, чтобы пожаловаться на этого «доходягу» и «дармоеда».

Однако директор не особенно ругал Диму. За мальчика всегда была готова вступиться острая на язык бабушка. Анна Григорьевна не упускала случая пригрозить всему педагогическому коллективу, что «позвонит кому надо» и расскажет, какие «безобразия тут творятся». Так что конфликт физрука с Димой завершался замечанием, сделанным красными чернилами в дневнике.

Директор школы первым и надоумил бабушку перевести внука в другое учебное заведение.

— Разве вы не видите, что Краснов не на своём месте? — сказал он Анне Григорьевне. — У нас всего лишь средняя общеобразовательная школа. А вашему Диме нужна школа со специальным уклоном.

— А ведь и в самом деле! Как же мне это раньше в голову не пришло?! — удивилась Анна Григорьевна.

Наведя через старых знакомых подробные

справки, бабушка решила, что внуку лучше учиться не в школе, а в лицее. Ей порекомендовали художественный лицей, который недавно открылся недалеко от Москвы в окружении живой природы. В этом заведении упор делался на изучение гуманитарных наук, студенты готовились для поступления в Академию художеств. Правда, обучение было платным, но плата была вполне умеренной — Анна Григорьевна могла позволить себе такую роскошь.

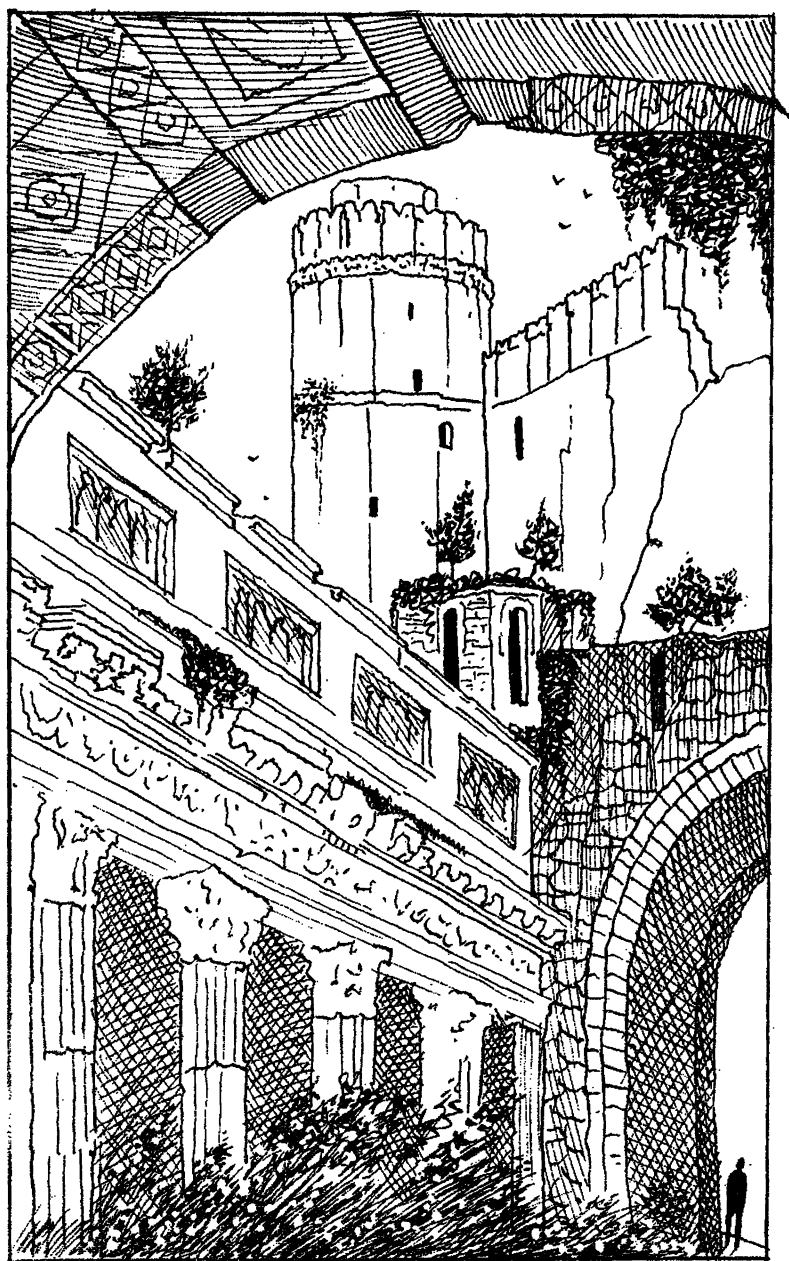
— Поедешь в лицей, — объявила она внуку после того, как приняла твёрдое решение. — Не вечно тебе сидеть под крылом у бабушки. Пора становиться самостоятельным. Поживёшь один среди чужих и поймёшь, что жизнь — это серьёзная штука.

Анна Григорьевна не упускала случая, чтобы поговорить о жизни, которая представлялась ей сплошной борьбой. Так уж она была воспитана.

— В жизни чего-то добиваются только серьёзные люди, — поучала она, — а разные шуты попадают в тюрьму. Я не желаю тебе такой участи, поэтому сегодня же едем в лицей.

Дима равнодушно пожал плечами. Диме всё равно было, где учиться, — лишь бы учёба не мешала любимому занятию. Он нисколько не сожалел о расставании со школой, где одноклассники его дразнили то «пончиком», то «ватрушкой», то «булочкой». В мальчике рано развилась склонность к полноте. Он не любил бегать и вообще не любил подвижных игр с ровесниками. Это занятие ему казалось скучным, неинтересным.

Дима успешно сдал вступительный экзамен в лицей.

В то утро, когда он уезжал в Коломну, бабушка проводила его до самого автобуса.

— Уж как я скучать по тебе буду! — не выдержала в последнюю минуту Анна Григорьевна, обнимая внука. — Но для тебя и впрямь будет лучше, если станешь учиться там... Постараюсь почаще навещать тебя... И гляди, не позволяй себя обижать! В жизни чего-то добивается только тот, кто не позволяет садиться себе на шею.

Неожиданно Дима попросил бабушку:

— Если папа вдруг вернётся и захочет увидеть меня, ты ему скажи, где меня можно найти. Ладно?

— Никогда! — твёрдо произнесла Анна Григорьевна. — Ни за что!

Бабушка ещё раз крепко обняла внука.

Когда автобус отъехал от автовокзала, мальчик помахал бабушке в окно, потом откинулся на спинку сиденья, запустил руку во внутренний карман куртки и достал фото. Это была скорее половина фотографии — на ней Димин отец был запечатлён в тот момент, когда выходил под руку с Диминой мамой из ЗАГСа.

В семейных альбомах не сохранилось ни одной фотографии Диминого отца. Все его фото бабушка выбросила. А традиционный свадебный снимок Анна Григорьевна разрезала ножницами пополам: дочь в пышной фате сохранила, а зятя в строгом чёрном костюме сунула в ящик серванта да и запаматовала, куда положила, а Дима случайно нашёл.

Эта фотография стала для него единственной памятью об отце. Он часто разглядывал молодого невысокого человека в чёрном костюме, белой рубашке и красном галстуке, с тёмными волосами, зачёсанными налево, краси-

вым прямым носом и твёрдо очерченным ртом. Вглядываясь в лицо отца, мальчик пытался понять, что за человек его отец? Послушать бабушку, так можно подумать, что на свете за все тысячелетия не было страшнее типа. Но почему-то Диме в это не верилось. Он смотрел на фото и видел открытое приветливое лицо. Было такое ощущение, что этот человек вот-вот добродушно засмеётся, потому что по природе своей он весёлый и смешливый.

И в то утро, когда автобус увозил его от бабушки, разглядывая фотографию отца, Дима мысленно разговаривал с ним, как часто случалось и прежде.

«Я знаю, ты не забыл меня, — говорил он отцу. — Когда мне трудно, я всегда вспоминаю тебя, потому что ты мне кажешься очень сильным. А сегодня мне плохо. Бабушка отправила учиться. Я буду совсем один. Но бабушка этого не понимает. Она думает, что главное, чтобы потом у меня всё было хорошо. Я буду беседовать с тобой. Меня огорчает только одно: бабушка не скажет тебе, где я нахожусь. Ты потерял меня. Но ты будешь искать меня. И я верю, что обязательно найдёшь...»

Лицей находился на окраине Коломны, почти на самом берегу Оки. Раньше в этом двухэтажном из белого кирпича здании располагалась средняя школа. Затем над школой взяла попечительство Академия художеств и в конце концов реорганизовала школу в лицей. Снаружи здание покрасили в синий цвет, а внутри произвели евроремонт. Второй этаж был переоборудован под интернат. В классах поставили двухъ-

ярусные деревянные кровати. В каждой комнате жили по четыре человека. А на первом этаже открылись мастерские, в которых дети занимались рисунком, скульптурой, флористикой.

К вящей радости Димы, занятий по математике в учебном расписании не было. Зато были уроки по истории искусств и по всемирной литературе.

Как и в московской школе, в коломенском лицее у Димы не появилось друзей. Он маскировал свою застенчивость угрюмым молчанием. Его сверстники посчитали, что Краснов — заносчивый сноб и зануда.

Диму не дразнили «пончиком» или «ватрушкой». Но соседи по комнате, дружившие между собой, не упускали случая подшутить над Красновым. У Димы был крепкий сон, поэтому шутники предпочитали действовать по ночам.

Диме не раз приходилось, просыпаясь утром, обнаруживать, что его трусы пришиты к простыне, а шнурки кроссовок связаны крепким узлом. Бывало и так, что его обувь и одежду вообще выносили в коридор.

А однажды мальчику сунули между пальцев ног свёрнутый в трубку лист бумаги и подожгли. Такая шутка называлась «велосипедист». Дима проснулся от невыносимой боли и запаха гари. Он задрогал ногами в воздухе, словно крутил педали велосипеда, открыл глаза и выкрикнул все ругательства, какие только знал.

— Вам бы всё шутки шутить, — успокоившись и потирая покрасневшие пальцы, сердито пробурчал Дима. — Но вы доиграетесь. Я вам всем ещё покажу...

Разумеется, товарищи не восприняли его угрозу всерьёз. Но шуток, вроде «велосипедиста»,

больше не допускали: боялись, что может загореться кровать и вспыхнет пожар.

А вот Димина угроза исполнилась, причём самым неожиданным для его сверстников образом. Он не стал никому устраивать пакостей, вроде тех, что проделывали с ним, а просто работал над своими этюдами и натюрмортами с ещё большим старанием и увлечением. И на показе в конце первого семестра Краснов, что называется, всем утёр нос: комиссия единодушно признала его работы лучшими на курсе. Работы остальных лицеистов вызывали либо нарекания, либо очень сдержанное одобрение.

Комиссия, состоявшая из профессоров Академии, судила непредвзято, не делая скидок на юный возраст учащихся. Тем большую обиду почувствовали товарищи Краснова. В ночь после просмотра Дима долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок, чувствуя какой-то нестерпимый зуд во всём теле. Поначалу он думал, что это от волнения. Шуточное ли дело, кое-кто из комиссии напророчил ему славу выдающегося художника!

Но за окном комнаты забрезжил рассвет, а Дима по-прежнему не мог сомкнуть глаз. Наконец он догадался заглянуть под простыню и обнаружил щетину, которой был обильно посыпан матрас. Дима возмущённо стряхнул щетину на пол, включил яркий свет и заорал, обращаясь к товарищам:

— Так нечестно!

Те по очереди просыпались, протирали глаза и удивлённо смотрели на Краснова, не понимая, о какой честности вопит этот выскочка.

— Я рисую честно! — не унимался Дима. —

А вы все неудачники и поступаете со мной самым бесчестным образом! Так нельзя!

— Выключи свет, придурок, — попросил его Сашка Маслов, который спал на верхней кровати. — И закрой варежку. Ты мне такой чудный сон перебил...

Дима подошёл к нему и замахал кулаками в воздухе.

— Хватит надо мной издеваться! Я всё равно всегда буду лучше вас всех вместе взятых!

— А не хочешь ли в лобешник? — пригрозил Маслов, рослый и мускулистый парень, который к тому же увлекался боксом и мог отправить Краснова в нокаут одним ударом. — Я ведь тебе могу основательно подпортить физиономию...

Дима не сомневался, что Маслов с удовольствием исполнит свое обещание, и перспектива расхаживать по лицу с синяками на лице и лгать учителям, будто упал с лестницы, ему вовсе не улыбалась. Поэтому он решил пойти на компромисс.

— Давай так, вы меня знать не знаете, я вас знать не знаю, — предложил Дима. — Будем жить так, будто вас нет возле меня, а меня нет возле вас.

Маслову так хотелось спать, что он не стал оспаривать это мудрёное предложение.

— Ладно, выключай свет, — хмыкнул он и повернулся на другой бок.

Перестелив постель, Дима поудобнее улёгся и подумал:

«Зря я, конечно, назвал их неудачниками... Маслов неплохо лепит из глины... Но извиняться перед ними ни за что не стану! Хорошо, если бы они и впрямь оставили меня в покое...»

И товарищи, на что Дима не очень надеялся, оставили его в покое. Они просто не замечали Краснова и не разговаривали с ним. Всякого другого этот бойкот огорчил бы, но Дима испытал облегчение. Наконец-то он мог спать спокойно по ночам, не боясь обнаружить поутру какой-нибудь очередной «сюрприз», вроде его штанов, связанных крепким «морским» узлом!

К нему однажды, таясь от других, подошёл лицеист, которого тоже не любили, но заслуженно, за то, что он бегал к директору и доносил на всех подряд.

— Ты знаешь, что они затеяли? — спросил он Диму.

— И что?

— Они не будут с тобой разговаривать.

— Да пусть. Я сам об этом просил.

— Они уверены, что ты не выдержишь. Никто не выдерживает бойкота.

— А я выдержу.

— Я могу стать твоим другом, — сказал мальчик. — Но только, чтобы никто нас вместе не видел.

— Может быть, у тебя ещё есть условие?

— Есть, — признался мальчик.

— Выкладывай до конца.

— Ты будешь подправлять мои рисунки. Ну, совсем немножко...

— И это всё?

— Да.

— Уходи, а то получишь! И больше не подходи ко мне.

На этом закончился их разговор, и теперь Дима остался совершенно один среди товарищей по учёбе.

Бабушке, которая навещала его раз в две недели, Дима ни на кого не пожаловался. К чему? Анна Григорьевна прямоиком отправилась бы к директору лицея, добрейшей души человеку. Дима понимал, что директор Всеволод Иванович не может приказать ученикам относиться хорошо к Краснову. У Всеволода Ивановича было по горло своих забот — учителям хронически задерживали зарплату, в столовую интерната с опозданием завозили продукты. Не хватало ему ещё разбирательств с Диминой бабушкой из-за того, что, дескать, её внука обижают! Да и сам Дима чувствовал бы себя в такой ситуации «стукачом» вроде того мальчика, что предлагал свою дружбу.

И ещё, узнав, как плохо здесь приходится внуку, бабушка непременно забрала бы его домой. Но мальчик понимал, что его место — именно здесь. Он ехал в лицей с большой неохотой, но учёба пошла хорошо, преподаватели обратили на него внимание, и Дима почувствовал себя уверенно. Только здесь он сумеет как следует подготовиться к поступлению в Академию художеств.

«Беда не велика, что у меня нет друзей! — мысленно утешал себя Краснов. — У меня их вообще никогда не было...»

Он уходил в лес, усаживался на своём любимом месте и, когда становилось слишком грустно, доставал фото отца и беседовал с ним.

— Бабушка всегда ругала тебя, — говорил Дима. — А я думал о тебе и о том, как плохо, когда тебя не любят. Люди так несправедливы и жестоки. Я уверен: ты думаешь тоже так. Когда ты найдёшь меня, мы поймём друг друга. А это ведь самое главное, чтобы тебя понимали. Ба-

бушка любит меня больше своей жизни, но не понимает. Мне не с кем поговорить по душам, а иногда это так необходимо...

Мальчик, предлагавший дружбу, был прав: испытание молчанием оказалось действительно трудным. Очень скоро атмосфера бойкота начала тяготить Диму. Учителя расхваливали его на уроках, а ученики по окончании занятий делали вид, будто в упор не замечают Краснова. Был даже такой случай. Дима чистил зубы в общем умывальнике. Один из учеников делал то же самое над соседней раковиной. А его друг спросил:

— Слушай, у тебя есть паста? У меня кончилась.

— Вон бери, — сказал тот, показывая на Димин тубик. — Какой-то ротозей оставил.

Они говорили так, словно Дима был невидимкой. Да, очень нелегко, когда вокруг ребята смеются, шутят, рассказывают какие-то истории, а тебя, сидящего рядом, среди них как будто бы и нет. Поэтому Дима пользовался малейшей возможностью, чтобы побольше времени проводить вне стен лица.

Дима полюбил конец весны, лето и начало осени. В эти тёплые дни он мог совершать длительные прогулки по живописным окрестностям лица, по берегу Оки. В выходные он целыми днями где-нибудь пропадал: предупреждал педагога, что идёт работать на пленэре, брал этюдник, сумку с карандашами, кистями, красками и уходил на поиски натуры.

Поначалу Дима наведывался в город. Его восхищали чудом сохранившиеся там храмы и старинные дома — памятники средневековой Руси. По мнению Димы, для города, имевшего

долгую и сложную восьмисотлетнюю историю, достопримечательностей в Коломне было мало. Но те, что уцелели, он с большим старанием запечатлевал на бумаге.

Дима зарисовывал частично сохранившиеся кирпичные стены Коломенского кремля, сооружённого в шестнадцатом веке в правление великого князя московского Василия Ивановича. Зарисовывал архиерейский дом и Успенский собор, колокольню и Пятницкие въездные ворота, а также и шесть кремлёвских башен.

Название одной из них — «Маринкина» — заинтересовало мальчика. Он не поленился полистать литературу по истории России (в лицее была богатая библиотека) и с удивлением узнал, что в этой самой башне некоторое время жила знаменитая Марина Мнишек — русская царица, жена царя Дмитрия, которого в русской истории принято именовать Лже-дмитрием.

В воображении Димы сразу же возник сюжет картины: царица Марина на фоне коломенской кремлёвской башни. Он сделал предварительные наброски. Башня получилась неплохо. Но в его воображении никак не возникало лицо польской девушки, дочери сендомирского воеводы, которая в восемнадцать лет была венчана на Московское царство, а в двадцать шесть насильно пострижена в монахини и умерла в заточении.

Дима чувствовал: ему нужно найти подходящую натурщицу для позирования и при этом непременно влюбиться в свою модель, иначе Марина на картине получится невыразительной. Но как раз с поиском натурщицы возника-

ла главная проблема. У Димы не было ни друзей, ни подруг. Девушки, учившиеся в лицее, на Краснова совершенно не обращали внимания, он отпугивал всех своим мрачным видом. А сам Дима робел и не решался заговорить ни с одной из них.

В конце концов Дима пришёл к выводу, что с картиной «Марина Мнишек в Коломне» придётся повременить.

«А жаль, хорошая вещица могла получиться, комиссия похвалила бы», — подумал он, со вздохом откладывая этюд на полку, где лежали его неоконченные работы...

Помимо кремля Дима рисовал и церковь Иоанна Предтечи, и шатровую церковь Брусенского монастыря, и Воскресенскую церковь Спасского монастыря, и церковь-ротонду Вознесения, и церковь Иоанна Богослова, и церковь Михаила Архангела. Дошло до того, что преподаватель сделал Диме замечание:

— Да что у тебя одни церкви на рисунках? Ты что, в монахи собрался? Неужели больше рисовать нечего?.. Хотя, конечно, нарисовано неплохо... Ты соблюдаешь симметрию в линиях...

Дима учёл замечание и вместо церквей делал наброски дома воеводы, старинной пожарной части с каланчой.

Прочитав неоконченную поэму Пушкина «Домик в Коломне», мальчик загорелся желанием сделать рисунок на эту тему. Он даже нашёл подходящую натуру — знаменитый дом Мещанинова по улице Посадской, возведённый в эпоху Пушкина, в начале девятнадцатого века.

Краснов быстро нарисовал дом, но затем понял, что на рисунок явно просятся пушкин-

ские персонажи: девушка Мавруша и гусар, маскировавшийся под служанку. Снова возник вопрос: кто же будет ему позировать?.. Так и этот этюд пополнил Димину коллекцию незавершённых картин.

И хоть многое из своих задумок Дима не мог реализовать, ему нравилось рисовать старину. В своей жизни он видел мало хорошего, а мысленно погружаясь в историю, словно спасал себя от собственного несовершенства, от несовершенства окружающего мира. Рисовать дворец культуры или дом пионеров, как предлагали на одном из практических занятий, Дима не захотел.

Дима очень неловко чувствовал себя, работая в городе. Его раздражало, что всё время кто-нибудь из прохожих заглядывал через плечо на мольберт. Людская суета вокруг мешала сосредоточиться. А случалось, что подвыпившие хулиганы вообще пытались отобрать у мальчика этюдник и краски. Словом, постоянно приходилось держать ухо востро и время от времени оглядываться назад.

Однажды подошёл к нему старик. Дима поначалу его не видел. Потом услышал чьё-то дыхание за плечом и оглянулся. Он даже испугался: можно было подумать, что из лесу выбрался кровожадный разбойник с дремучим бородатым лицом.

— Справка есть? — спросил недружелюбно старик.

— Какая справка? — удивился Дима.

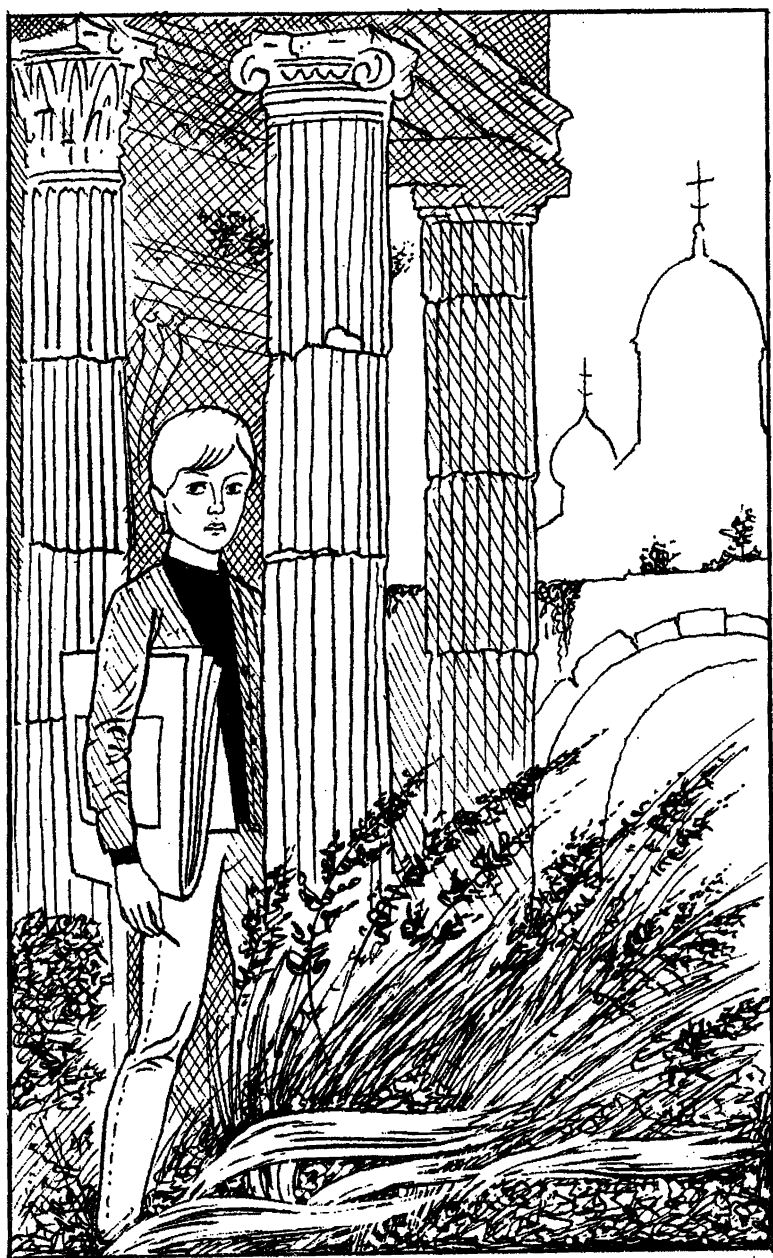
— Разрешение, значит.

— Нет у меня никакой справки.

— Тогда убирайся. Не положено.

— Что не положено? — спросил Дима.

— Рисовать город, — строго ответил старик. — Вдруг ты шпион какой! А? Справки нет, а рисуешь. Я тебе покажу!

Хорошо, что в эту минуту подошёл милиционер, который, видимо, знал чудаковатого старика.

— Я бдительный человек, — говорил старик. — Каждый гражданин у нас должен быть бдительным, потому что враг не дремлет.

— Молодец, дед! — похвалил старика страж порядка. — Но лучше пойди погуляй.

— У молодого человека нет справки.

— Я ему разрешил, — соврал милиционер.

— Тогда другое дело! — пропел старик. — Ты — это власть. А я власть уважаю. Сам был главным сторожем на мясокомбинате.

Краснов перестал бывать в многолюдной и шумной Коломне. Всё чаще бродил он по окрестностям лица, подыскивая подходящий пейзаж для рисунка. Однажды он так увлёкся прогулкой, что забрёл на другой берег Оки и по широкой просеке углубился в сосновый бор. Он полагал, что лес небольшой. Но дороге всё не было конца, и явно по ней не часто ездили: она была устлана мягким ковром сосновых иголок.

Дима был восхищён царившей здесь тишиной. Рокот машин со стороны Рязанского шоссе едва долетал. А как легко дышалось среди высоких стройных сосен!

Ему хотелось усесться здесь, раскрыть этюдник и сделать набросок. Но из упрямства мальчик решил дойти до конца дороги, чтобы посмотреть, куда она его приведёт. Километра через три деревья расступились, и перед мальчиком предстал восхитительный пейзаж: хол-

мистая долина, окаймлённая с трёх сторон пышно разросшимся кустарником, а с четвертой — сверкающей под лучами солнца гладью реки. Дорога, по которой шагал мальчик, резко сворачивала в сторону шоссе и огибала дугой длинное двухэтажное строение.

«Да это же настоящий дворец!» — мысленно воскликнул Дима.

Здание было без крыши, только кое-где сохранились деревянные стропила. Высокие окна, тянувшиеся по всему фасаду, зияли пустотой. В нескольких местах стены дома были пробиты, розовая штукатурка сохранилась лишь кое-где.

И всё-таки даже такие руины казались мальчику величественными. Он словно вглядывался в даль времён и угадывал былое величие этого дворца.

От реки к дворцу вела широкая аллея, по обе стороны которой высились дубы. Сохранилась и красивая железная ограда. По другую сторону дворца некогда был разбит сад, но сейчас там всё заросло бог знает чем, а на извилистых дорожках хозяйничал репейник.

При виде этих руин, этой живописной местности, Дима буквально замер от восторга. Именно такое окружение требовалось для его вдохновенной работы! Он сразу понял, что этот уголок отныне надолго станет его любимым местом на земле.

Дима обошёл всю долину и наконец выбрал для работы покатым холм, с вершины которого открывался отличный вид на этот старинный дворец, на реку вдали и прибрежный лес. Такой пейзаж вполне устраивал мальчика. Он не хотел, чтобы в поле зрения попало что-

нибудь современное, вроде следов тракторных колёс на песчаной дороге или асфальтированной трассы. Диме казалось, что он целиком погрузился в дивное прошлое, а всё настоящее, так часто огорчавшее его, исчезло, перестало существовать.

С тех пор Краснов приходил к полуразрушенному дворцу почти каждое воскресенье, за исключением тех дней, когда лил дождь. Он никому не рассказывал, куда уходит. Но директор лицея, взглянув однажды на его наброски, воскликнул:

— Да это же Голицынский дворец! Ты и до него добрался, Краснов?

— Да, — кивнул Дима и попросил Всеволода Ивановича рассказать, что он знает об этих развалинах.

История полуразрушенного дворца оказалась не слишком занятной. Эта усадьба была возведена в начале прошлого века и некоторое время служила летней резиденцией знаменитых русских князей Голицыных. Дворец под Коломной принадлежал князю Владимиру Васильевичу Голицыну, который прожил всего тридцать лет и умер, не оставив потомства.

После его смерти в 1840 году дворец постепенно приходил в упадок. Представители других родовых «колен» Голицынской династии не особенно жаловали это удалённое от Москвы имение. Во дворце редко бывали гости; штат прислуги постоянно сокращался. После революции не имевший хозяина дворец и вовсе остался без присмотра и в течение последних восьми десятилетий медленно разрушался.

Всеволод Иванович рассказал Диме о том,

что существовало много проектов возрождения этого дворца. Здание собирались отреставрировать, открыть в нём музей и возить туда туристов. Но всем этим проектам так и не суждено было свершиться.

— А в последнее время о таком и мечтать не приходится, — вздохнул Всеволод Иванович. — Наше государство, самое богатое в мире, вдруг оказалось самым нищим. Даже зарплату платить вовремя оно не в силах. Где уж тут думать о деньгах на реставрацию!.. Голицынский дворец, увы, бесследно исчезнет. Сохранится разве только на твоих картинах, Краснов.

Всеволод Иванович, похвалив рисунки Димы, порекомендовал и остальным лицеистам взять в качестве темы для своих работ руины Голицынского дворца.

Однако его предложение было воспринято без особого энтузиазма. В ту пору в художественном лицее с лёгкой руки Саши Маслова началась повальная мода на так называемое авангардное искусство. Юным художникам хотелось изображать не тот мир, который они видели вокруг себя, а тот, который придумывали или воспринимали по-своему. Чаще всего это особое восприятие сводилось к обилию жёлтых треугольников и зелёных ромбов на полотнах либо таких абстрактных композиций, которые даже не поддавались логическому толкованию.

Например, Саша Маслов трудился над своими натюрмортами, как он сам объяснял, «на подсознательном уровне». Он устанавливал мольберт в мастерской совершенно вертикально, отступал на пять шагов, обмакивал кисть в красную краску и запускал в холст. Затем бро-

сал в мольберт кисть с зелёной краской, синей, чёрной, оранжевой.

К концу сеанса Маслов был изнурён, словно после игры в баскетбол. Плодом его усилий был холст, покрытый толстым слоем беспорядочно нагромождённых цветных пятен и точек. Однако при большом старании в этой галиматее можно было отыскать какой-то смысл. В таких случаях Саша Маслов обращался за помощью к друзьям. Самой большой трудностью для Маслова было придумать название своим «творениям» — обычно это за него делал кто-нибудь другой.

Друзья Маслова, а вслед за ними и остальные лицеисты, невольно подражали ему. Разумеется, в таком коллективе Дима Краснов, отдававший предпочтение реализму и старавшийся рисовать предметы такими, какими он их видел, оказался в положении «белой вороны». И чем больше Краснова хвалили преподаватели, чем больше они укоряли остальных юных художников за «бессмысленный выподверт», тем глуше становился общий бойкот Димы.

Самому Диме такая ситуация казалась невероятной глупой. Он понимал, что в его беде никто не виноват, и менее всего он сам. Просто ему не повезло. Он оказался не в том месте и не в то время — так сложились непредсказуемые жизненные обстоятельства.

И только у полуразрушенного дворца, вдали от душной и враждебной атмосферы лицея, Дима чувствовал себя совершенно свободным. Ему казалось, будто эта долина, эти руины, этот уголок леса и этот берег реки всецело принадлежат ему. Он мог здесь свободно творить вда-

ли от людей, от завистливых, обозлённых товарищей. Он мог рисовать всё, что ему вздумается. Мог напевать какую угодно песенку. Мог кувыркаться со склона холма: здесь некого было стесняться.

А мог и ничего не делать — просто лежать в траве, заложив руки за голову, смотреть на плывущие по небу громады облаков и мечтать. Дима мечтал о многом. О том, что встретит когда-нибудь настоящего друга и верную подругу, о том, что научится играть на гитаре и выучит английский язык. Но самая сокровенная Димина мечта была о том, как однажды отец отыщет его. Вот будет здорово! Ради такой встречи Дима готов был вытерпеть любые тяготы.

И хотя мог Дима рисовать всё, что ему заблагорассудится, предпочитал он всё же делать наброски дворца. И хотя мог петь, что взбредёт в голову, но напевал из репертуара своего любимого Бориса Гребенщикова:

Сидя на красивом холме,

Я часто вижу сны.

И вот что кажется мне...

Долгая дорога к дворцу через лес не тяготила мальчика. Он любовался лесом. Особенно Дима радовался, когда удавалось разглядеть белок, бегающих по стволам деревьев. Мальчик пытался приручить лесных красавиц, но те были боязливые и предложенный им сухарик не то что из рук — с земли подбирали не сразу.

Обедал Дима бутербродами и чаем из подаренного бабушкой термоса. Когда ему надоело работать или валяться на траве, он отправлялся осматривать дворцовые руины.

В анфиладе просторных комнат с высокими потолками мальчика особенно восхищала со-

хранившаяся местами настенная роспись. В одном зале были картины на библейские сюжеты, например, пришествие трёх волхвов к яслям Христа. А стены соседнего зала украшали батальные сцены.

Дима долго не мог установить, кто с кем сражается на этой картине, пока наконец не обратил внимания на двоих всадников, которые находились в противоположных концах стены. Один из всадников напоминал французского императора Наполеона, а второй — русского царя Александра Первого. Мальчик поднапряг память и вспомнил, что у Александра Первого было лишь одно сражение с Наполеоном — под Аустерлицем. Русский царь его проиграл и больше старался не воевать с великим корсиканцем.

«Вот это и есть настоящая история!» — думал потрясённый Дима, разглядывая картину, написанную, должно быть, современником Александра и Наполеона.

Третий зал украшала картина на буколический сюжет. И хотя краска во многих местах осыпалась, Дима догадался об этом по белоснежным овечкам, кудрявому пастушку, играющему на свирели, и грациозной пастушке, танцующей под его музыку.

Все комнаты дворца на первом этаже были соединены широким коридором. На втором этаже каждая комната имела отдельный вход. Но Дима предпочитал не заглядывать туда. Каменная винтовая широкая лестница, ведущая наверх, была ещё довольно прочной, но деревянный пол там основательно подгнил. Мальчику не улыбалась перспектива провалиться на первый этаж и при падении вывихнуть себе ногу.

Зато подвальные помещения дворца пора-жали своей добротностью и кажущейся проч-ностью. Чтобы обследовать их, мальчик купил электрический фонарик. У Димы сложилось впечатление, что под землёй хозяева строили даже больше, чем над землёй. Огромные под-валы явно предназначались для хранения большого количества вин и снеди. Рядом с ни-ми было множество узких камер с низкими потолками.

Дима обнаружил даже подземный ход, ух-дивший куда-то в сторону от дворца. Он не ре-шил исследовать его, опасаясь угодить в ка-кую-нибудь подземную яму. Дима предполо-жил, что, вероятно, этот подземный лаз был сделан в память о событиях 1812 года. В ту пору многим владельцам дворцов приходилось спа-саться либо от французов, либо от крестьян-разбойников через потайные ходы.

В подземелье было четыре коридора, два продольных и два поперечных, со сводчатыми потолками. Дима попытался зарисовать их. Но от подвальной сырости бумага стала влаж-ной, и остро заточенный карандаш едва не протыкал её. Мёрзли пальцы и глаза уставали от полумрака.

В конце концов Краснов отказался от этой затеи и впредь предпочитал рисовать на вольном воздухе. Словом, его не тянуло под землю, где мощные своды, казавшиеся незыб-лемыми, в любой момент могли обрушиться ему на голову.

В конце весны, когда приближалось время конкурсного показа работ по итогам второго семёстра, Краснов решил завершить наконец свои наброски Голицынского дворца. Он задум-

мал представить на конкурсе целую серию картин, изображавших его любимое место в разные часы дня: утром, в полдень, вечером, в сумерках.

Конечно, идея была не нова. Каких-то двести с чем-то лет назад английский живописец Томас Гейнсборо уже порастил публику, написав один и тот же сельский пейзаж в разные часы дня. Но Дима и не стремился открыть что-то новое. Он хотел сохранить лучшее из того, что дала старая школа живописи. Ему казалось, что если он изобразит своё любимое место, зрители тоже полюбят этот пейзаж, почувствуют то, что чувствовал Дима, уловят его мысли и настроения.

Дима увлечённо работал в выходные, сидя на облюбованном им холме. Но когда серия была уже завершена и оставалось лишь доработать последнюю её картину, Дима, придя к замку, с горечью увидел, что эта живописная долина среди соснового леса уже не принадлежит ему.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НОВАЯ АФЕРА БАРИНА

В тот день, выйдя из леса, мальчик увидел в своих владениях несколько грузовых машин, рабочих в оранжевых спецовках и белых рукавицах. Рабочие, громко матерясь, сгружали на землю доски и складывали в штабеля.

Дождавшись, когда рабочие уселись на перекур, мальчик набрался духу, подошёл и спросил у одного из них:

— А что тут теперь будет?

— А тебе что, мальчик? — весело поинтересовался рабочий, явно разговорчивый и добродушный по натуре человек. — Может быть, это твои развалины?

— Мои, — серьёзно ответил Дима.

— Вон как! — засмеялся рабочий и посмотрел на этюдник юного художника. — Рисуй, пока не поздно. Не будет скоро развалин.

— А что будет?

— Про реставраторов слышал?

— Конечно.

— Реставрация тут будет, — сказал рабочий.

— Восстановят дворец?

— Точно так, малец. И будет тут — шик-модерн.

— Что-то я мало верю.

— Чему ты не веришь?

— Чтобы у городских властей было столько денег.

— А у них и нет, — засмеялся рабочий. — Купил эти развалины Барин.

— Какой барин?

— Его так зовут; фамилия у него — Баринов. Денег — куры не клюют. Нам такие деньги и не снились. Ну, сам подумай. Это ж какие деньги угрохает он сюда. А пользы? Говорит, как я слышал, в благотворительных целях. Меценат! Понимаешь? Прежде у нас таких не было. А теперь — пожалуйста! Я не могу машину купить, на старой развалюхе езжу, а он дворец будет строить, чтобы народ посмотрел, как раньше жили. Понял, какой коленкор получается?

Удручённый Дима солидно кивнул, повернулся и пошёл на своё рабочее место. Конечно, его не могло огорчить то, что нашёлся какой-то совестливый новый русский, который взялся привести Голицынский дворец в надлежащий вид. Но Краснов не очень-то верил, что из этой затеи что-нибудь получится. Ему доводилось частенько слышать о новых богачах, которые создавали свои фирмы, быстро богатели, начинали заниматься благотворительностью, а потом так же быстро разорялись. Дима опасался, что Голицынский дворец постигнет участь очередного «долгостроя» — реставраторы понавезут сюда строительных материалов, испортят весь пейзаж, а потом забросят работу да и разъедутся кто куда.

Больше всего Диму огорчало то, что из этого дивного уголка исчезла старина, исчезло очарование, которое вдохновляло его на новые картины.

Последующие недели подтвердили опасения Димы. Работы по реставрации дворца велись

очень вяло. По-прежнему наведываясь сюда каждое воскресенье, мальчик видел, что пятеро или шестеро рабочих больше балагурят, чем работают. За месяц они только поставили леса и заложили кирпичом провалы на одной из стен.

«Если они и дальше будут реставрировать в таком темпе, то закончат внешнюю отделку лет через тридцать», — мысленно прикинул Дима.

Но он не знал, что основная работа во дворце ведётся не днём, а по ночам, и не снаружи, а под землёй. В сумерках к поместью подъезжали грузовики, с которых бережно сгружали ящики с ценным оборудованием. Их переносили в самый обширный, винный, подвал. Туда же были протянуты электрические кабели.

Не мог знать Дима и того, что предприниматель Баринов был известен в криминальных кругах Москвы как «вор в законе». Возглавляемая им фирма служила лишь прикрытием для бандитской группировки, в которой Барин главенствовал уже десятый год.

Барин купил этот полуразрушенный дворец не потому, что некуда было деньги девать, и отнюдь не из благотворительных соображений. Голицынский дворец, находившийся на полдороге между Коломной и Луховицами, идеально подходил для новой аферы Барина.

Год назад через своего информатора в правоохранительных органах Барин узнал о существовании под Зарайском секретной шахты. Зарайск находился всего в пятидесяти километрах от Коломны. Эта шахта служила своего рода хранилищем для денежных банкнот с истёкшим сроком годности. Старые истёртые купюры, которые даже неприятно было в руки взять, привозили в инкассаторском фургоне под За-

райск и выгружали в шахту. Там бумага постепенно истлевала.

Когда Барин узнал об этом, в его изопрённом мозгу сразу же родилась идея.

— То, что выкидывает родное государство, я подберу, — заявил он своим подручным. — Даже из мусора можно делать деньги. Только для этого прежде надо сделать солидные капиталовложения.

И Барин не поскупился на предварительные капиталовложения. Он подкупил руководителей из службы безопасности Национального банка России и сказал им:

— Зачем вам тратить время на то, чтобы выкидывать купюры в шахту? Отдавайте их лучше мне.

— А зачем тебе эта рухлядь? — удивились руководители. — Эти банкноты уже не в ходу, они стоят дешевле обёрточной бумаги. Тебе не на что деньги тратить?

— Я люблю собирать вышедшие из употребления бумажки, — скромно улыбнулся Барин. — Ради них мне ничего не жалко.

Банковские чиновники решили, что перед ними — сумасшедший богач.

Барину же было начхать, что о нём думают подкупленные чиновники. Не теряя времени, он связался с безработным химиком по фамилии Губастов. Губастов уволился из Академии наук, где сотрудникам не выплачивали зарплату по полгода, однако новой работы по специальности так и не нашёл.

Обратиться к Губастову шефу посоветовал его верный помощник по кличке Кандидат. Этот Кандидат в молодости пытался защитить диссертацию, но не успел — угодил в тюрьму по обвинению в мошенничестве. По-

сле отсидки Кандидата привлёк в свою группировку Барин.

Кандидат имел обыкновение читать научные журналы и всегда был в курсе последних технических новинок. Однако интерес Кандидата к научным достижениям был однобокий. Его интересовало только одно: как тот или иной прибор можно использовать для «операций»?

На квартиру Губастова Барин явился в сопровождении Кандидата, и тот сразу же объяснил учёному, почему они обратились за помощью именно к нему.

— Хорошую статейку вы тиснули в журнале «Наука и жизнь», — заявил Кандидат.

— Паршивый журналчик! — поморщился Губастов, сутулый, худощавый человек, поминутно поправлявший на переносице большие очки с толстыми стёклами. — Такой крохотный гоноرارчик мне выписали, что просто стыдно... Когда получил эти крохи — сразу понял, что и в журнале сидят мои враги. Ничего им больше не напишу. Лучше буду сидеть на воде с сухарями...

Судя по нищенскому внешнему виду Губастова, по беспорядку в его холостяцкой квартире, учёный-химик уже давно сидел на воде с сухарями. Из дальнейших расспросов хозяина квартиры стало очевидным: во всех научных учреждениях и редакциях сидят его враги. Эти враги завидуют таланту Губастова и, само собой разумеется, преследуют, третируют его, не дают продвигаться по службе и даже не платят зарплату.

Удобно устроившись в кресле с потёртой красной обивкой и закинув ногу на ногу, Барин удовлетворённо усмехнулся, слушая бесконечные жалобы Губастова. Барин сразу понял, что перед ним — типичный неудачник, злой на

весь мир, всех презирающий и всеми презираемый. Именно с такими неврастениками Барин предпочитал проворачивать свои аферы. Такие озлобленные завистники, как Губастов, готовы были совершить любую подлость, лишь бы отомстить миру, который не оценил по достоинству их гениальность!

Между тем Кандидат, закуливший, естественно, без разрешения хозяина сигарету «Мальборо» и пускавший клубы дыма прямо в лицо Губастова, не дал ему отклониться от темы:

— Так вот, милейший, в своей статейке вы написали, что люди чересчур засоряют планету бумажными отходами...

— Конечно, засоряют! — горячо подхватил Губастов. — Чем, по-вашему, обусловлен экологический кризис на Земле? Тем, что в утиль отправляется бумага, которая годится для вторичного и даже для третичного пользования. Проведённый мной контент-анализ наглядно это показал! Мой метод позволяет обновлять даже самую ветхую бумажонку. Если бы к моему мнению прислушался президиум Академии наук...

Кандидата, как и его босса, мало беспокоила экологическая проблема планеты, поэтому он снова перебил учёного и напрямик перешёл к теме, которая интересовала визитёров больше всего.

— Вы также сетуете, любезнейший, на то, что большинство государств мира сжигает пришедшие в негодность деньги или закапывает под землёй, — напомнил он.

— И это ужасно, бессмысленно, отвратительно, бесчеловечно! — от волнения энергично зажестичулировал Губастов. — Сжигать вышедшие из употребления банкноты — всё равно, что

топить печку ассигнациями! Это то же самое, что заколачивать гвозди микроскопом! Мало того, что чадающая копоть засоряет атмосферу. Эти деньги можно было бы обновить, их можно было бы использовать ещё неоднократно...

Последняя фраза учёного чрезвычайно заинтересовала Барина, вальяжно расположившегося в кресле. Он упёрся ладонями в деревянные подлокотники старого кресла и пристально посмотрел на Губастова.

— А этот метод, который изобретён вами, уже апробирован на практике? — тихо спросил Барин.

Но Губастов даже не обратил внимания на его вопрос и продолжал вещать:

— А каковы последствия захоронения денег в шахтах? Это представляет ещё большую угрозу для экологии! При истлевании печатной бумаги из неё выделяются красящие вещества. Эти химические красители проникают через почву в грунтовые воды, в подземные источники. В результате загрязняется не только питьевая вода, но и плодоносящий слой земли. Болеют люди, которые пьют эту воду, земля имеет низкую урожайность...

Привыкший к тому, что подчинённые внемлют каждому его слову, Барин даже опешил от того, что учёный напрочь проигнорировал его вопрос. Он открыл рот, чтобы повторить его, но воодушевившийся Губастов громко ораторствовал:

— И все эти бедствия — из-за глупости властей. В России всегда были три главных бедствия: глупость начальства, повсеместный беспорядок и всеобщее воровство. Из-за этого мы так плохо живём. Из-за этого талантливый человек не мо-

жет найти в России применения своим способностям. Наш народ — порядочный транжир. Мы вырубаем леса, перерабатываем их на бумагу, печатаем на бумаге деньги, а затем выкидываем эти деньги в утиль. А ведь давно пришло время думать об экономии! Если бы мы давали цветным бумагам вторую жизнь, если бы обновляли их для повторного пользования... Тогда пришлось бы меньше вырубать лесов! Тогда улучшилась бы и экономическая ситуация! И это только один из аспектов моей теории. А вообще аспектов у меня множество...

Но гостей интересовало отнюдь не множество других аспектов теории Губастова. Их интересовал единственный аспект, касающийся денег. И видя, что учёный-химик готов ещё долго повествовать о своих обидах и неудачах, Барин решительно повысил голос:

— Короче, вы можете обновлять старые банкноты? Или ваши открытия пока только на уровне теории?

— У меня имеются достижения на уровне эксперимента, — с гордостью произнёс Губастов. — Конечно, кое-что ещё следует доработать. Но в целом моя теория получила необходимое практическое подтверждение...

— Тогда почему ваше открытие не внедрили в практику, если оно такое выгодное? — напрямик спросил Барин.

— Оно будет выгодным, если сделать капиталовложения, и довольно крупные, — понурил голову Губастов.

— И насколько крупные? — уточнил Барин.

— Настолько, что наше правительство не в силах выделить средства на реализацию моего проекта, — вздохнул учёный. — Неужели вы забы-

ли, в какой стране мы живём? Мы живём в стране постоянного экономического кризиса! У нашего правительства нет денег на науку! А чтобы мы это лучше осознали, в Академии наук стали систематически задерживать выплату зарплаты. В конце концов мне это унижение надоело. Я написал заявление об уходе по собственному желанию и громко хлопнул дверью...

Последнюю фразу Губастов произнёс таким тоном, что стало ясно: он уже сожалеет о своём поспешном уходе.

Но об этом ничуть не сожалел Барин, который всё это время сосредоточенно размышлял: стоит ли вкладывать деньги в изыскания этого химика или лучше не рисковать?

Барин частенько заявлял своей «братве», что у него, дескать, особый нюх на людей, нюх, который позволяет ему всегда оставаться наплаву. И для этого хвастовства у Барина имелись основания. Он действительно интуитивно чувствовал — будет ли ему полезен человек или нет, говорят ли ему правду или лгут, враг перед ним или друг. До сих пор интуиция ни разу не подвела Барина, и он уверовал в свою исключительную проницательность.

И в тот час в неприбранной квартире Губастова Барин сразу понял, что этот химик-неудачник окажется исключительно полезен для него.

«Насчёт того, будто эксперименты доведены до конца, он, пожалуй, врёт, — размышлял Барин, слушая вполуха жалобы Губастова на исключительно бедственное положение. — Наверняка, если предоставить ему оборудование, то не сразу примется за работу, а немного поэкспериментирует... Что ж, даже если половина из

того, о чём он говорил, правда, то все мои затраты окупятся с лихвой...»

— Позвольте, а с какой стати вы ко мне пришли? — вдруг задал Губастов резонный вопрос.

Как ни был этот человек одержим своими изысканиями, всё же и у него зародилось естественное подозрение: что нужно от него этим людям?

— Я ведь вам уже говорил по телефону: наша фирма оказывает спонсорскую поддержку наиболее талантливым учёным России, — наставительным тоном напомнил Кандидат.

— Ах да, я и забыл, — хлопнул себя по лбу Губастов. — Знаете, я порой так обо всём забываю, что, случается, выхожу на улицу в домашних тапочках...

— Со всеми великими учёными такое случается, — с кислой улыбкой посочувствовал Кандидат.

Он метнул быстрый взгляд в сторону босса. Барин утвердительно кивнул головой.

Кандидат мгновенно затушил сигарету, бросил окурочек на пол, встал с кресла, поправил красный галстук, откашлялся и торжественно произнёс:

— От лица нашей фирмы и лично генерального директора господина Барина, — последовал почтительный полупоклон в сторону босса, — позвольте заявить, что ваш вклад в науку поистине неоценим...

Эту наглую лесть Губастов воспринял, как чистейшую правду, и взволнованно закивал головой:

— Вы правы, совершенно правы! И я ещё покажу всем, кто считал меня неудачником! Он угрожающе помахал кулаком над головой.

Но Кандидат не давал себя сбить с толку и продолжал с важным видом:

— Наша фирма готова оказать помощь, наиболее талантливым и перспективным учёным. Ваша кандидатура тщательно изучалась нами. Мы пришли к выводу, что именно вы достойны нашей поддержки...

— Да это вам надо заседать в президиуме Академии! — завопил от восторга Губастов. — Вам, а не тем завистникам, которые всю жизнь мне вредили. Мне финансовая помощь совсем не повредит. Вторую неделю сижу на кефире и сухарях. Даже носки себе купить не могу...

Кандидат сунул руку во внутренний карман пиджака и достал толстую пачку денег.

— Это вам на первое время, — небрежно произнёс он. — Приоденьтесь, постригитесь, набейте холодильник жратвой. Мы очень ценим ваш талант.

Эйфория Губастова сразу же уступила место подозрительности. Предложенная Кандидатом сумма превосходила все его мечтания. Несмотря на своё непомерное самомнение, учёный всё-таки сообразил, что для обычной спонсорской помощи пачка денег слишком уж толстовата! И вновь в его мозгу засвербела всё та же мысль: что этим людям от него надо?

Барин перехватил его настороженный взгляд и понял, что хватит петь дифирамбы этому типу. Того и гляди, откажется от предложенных денег. Пора приступать к делу!

Барин скрестил руки на груди и отчётливо произнёс:

— Моя фирма крайне заинтересована в вашем открытии. Поэтому я намерен купить ваше ноу-хау вместе с вами и со всеми вашими потрохами. Мне конкуренты не нужны. То, что знаете вы, должны знать только я и мои помощ-

ники. Больше никто. Я понятно излагаю свою мысль?

— Вполне, — кивнул Губастов.

Химик понял, что его визитёры явились сюда не для того, чтобы продемонстрировать восхищение его талантом, не для того, чтобы сорить деньгами. Он понял, что они — такие же частные предприниматели, как он — штатный сотрудник Академии наук. Поначалу Губастов испугался. Но затем им овладело неуёмное любопытство. Он силился понять, чего же всё-таки добиваются от него эти люди. Не сумеет ли он использовать их в своих интересах?

«Хвост мечтает о том, чтобы вертеть собакой», — насмешливо подумал Барин, без труда прочитывая на лице собеседника все его тайные страхи и надежды.

— Составьте подробный список оборудования, которое вам необходимо для работы, — потребовал Барин.

— Такая аппаратура будет вам не по карману! — заволновался Губастов. — Для опытов необходимо импортное оборудование, кроме того, исходные материалы стоят очень дорого...

— О деньгах не беспокойтесь! — отрезал Барин. — Это моя забота, не ваша. У вас должна быть другая забота, чтобы работа была выполнена качественно и в срок. Я поставляю вам купюры с истёкшим сроком годности, вы их приводите в нормальное состояние. С этой операции вы будете получать свой процент.

— Кажется, вы меня подталкиваете к какой-то незаконной афере, — догадался наконец Губастов.

— А что, у вас есть какой-то выбор? — вмешался в разговор Кандидат. — Вы получаете ку-

чу предложений от других организаций? Где ещё, как не у нас, вы сумеете внедрить в практику своё изобретение?

— Но ведь это не совсем законно, — колебался Губастов. — Для таких исследований необходим государственный регистр учреждений...

— Об этом тоже предоставьте заботиться мне, — успокоил его Барин. — Мы оформим документы так, будто вы и не подозреваете, чем занимается моя фирма. Так что ни уголовная, ни административная ответственность вам не грозит. Итак, когда вы можете приступить к работе?

— Видите ли, я ещё не совсем к этому готов, виновато промямлил Губастов. — Мой метод недостаточно апробирован на практике. В моём открытии пока превалирует теоретическая сторона...

«Так я и думал!» — восхитился Барин собственной проницательностью. Он панибратски хлопнул учёного по плечу и заверил:

— Не волнуйтесь, у вас будет возможность экспериментировать вволю. Я вам поставлю такое количество исходного материала, что можете апробировать свой метод сколько душе угодно. Испортите десяток-другой миллионов рублей — не беда.

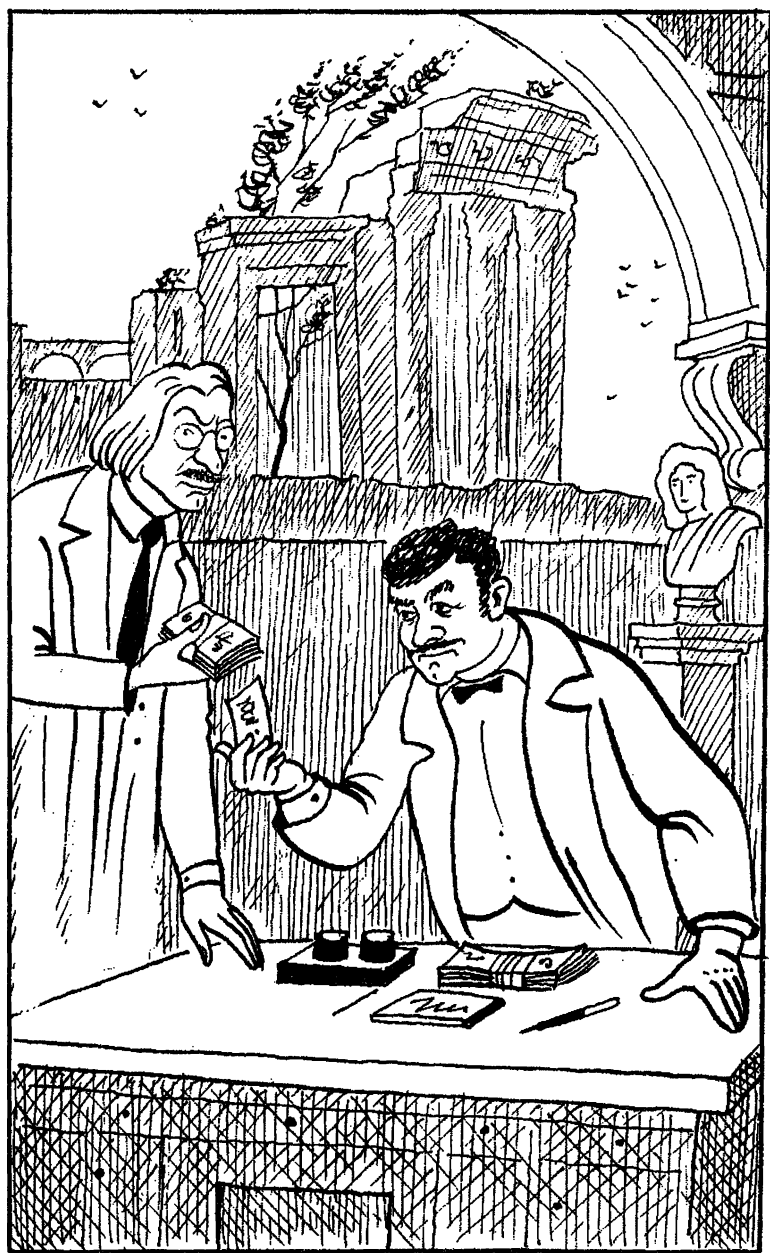
Губастов облегчённо вздохнул и крепко пожал руку Барину:

— Я согласен.

Кандидат протянул ему авторучку и блокнот в кожаной обложке. Учёный уселся за стол, на котором полно было хлебных крошек и виднелись следы пролитого чая, и начал быстро записывать, какое оборудование ему требовалось. Закончив, он протянул блокнот Кандидату.

— Вы в полной мере осознаёте важность

этого момента? — внезапно спросил его Барин.

— О чём вы? — замер Губастов.

— Понимаете, с той секунды, как мы возьмём у вас эти записи, вы принадлежите мне целиком, — уточнил Барин.

— И в чём это будет проявляться? — спросил учёный.

— В вашей абсолютной преданности мне, — заявил Барин. — Вы должны беспрекословно выполнять все мои приказы и держать язык за зубами. За это я буду щедро платить вам. Но если вы сболтнёте хоть кому-нибудь о нашем партнёрстве, я подарю вам на день рождения «испанский галстук».

— А что это за галстук такой? — удивился Губастов.

Кандидат охотно пояснил:

— Это когда вам вспарывают бритвой гортань, берут рукой за язык и дёргают вниз, — показал он для наглядности на своём горле. — После этого язык уже не вправить обратно, и вы подыхаете от жажды и огорчения.

— Не нужны мне такие подарки! — испуганно замахал руками Губастов.

— Я сам не люблю их делать, — сокрушённо вздохнул Барин. — Но порой обстоятельства вынуждают... Надеюсь, вы меня не вынудите преподнести вам такой подарок?

Губастов решительно замотал головой.

Кандидат взял у него из рук блокнот и громко захлопнул.

— Когда оборудование будет готово, мы свяжемся с вами, — пообещал Барин.

— Буду ждать, — в свою очередь пообещал Губастов и вышел проводить гостей в прихожую. — Кстати, такое событие следует отпразд-

новать. Как вы смотрите на то, что я сейчас быстренько метнусь за бутылочкой?

— Я не пью на работе, — сердито отрезал Барин. — Работа у меня нервная и длится двадцать часов в сутки. И вам рекомендую пока воздержаться!

— Как скажете, — с сожалением произнёс Губастов.

Выйдя из подъезда, в котором жил учёный, и направляясь к стоявшей на площадке перед домом «Вольво», довольный Барин признался попутчику:

— Сегодня я чувствую себя гением. До сих пор я лишь мечтал о такой операции. Но теперь она стала реальностью. Этот Губастов нас обогатит. Когда он будет уже не нужен, я не стану ему дарить «испанский галстук»...

— А что же ты ему подаришь? — спросил Кандидат, преданно заглядывая шефу в глаза. — Камень на шею?

— Я подарю ему на похороны гроб из сандалового, самого дорогого, дерева. Я умею быть благодарным.

— Щедрый подарок, — польстил боссу Кандидат. — Очень остроумный и своевременный подарок...

Кандидат занял водительское место в машине, а Барин уселся на переднем сиденье рядом с ним. Когда Кандидат уже заводил мотор, Барин достал из бардачка сотовый телефон, набрал номер и, когда на другом конце подняли трубку, самодовольно произнёс:

— Операция началась!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СЕРЬЁЗНАЯ УГРОЗА

Барин присмотрел полуразрушенный Голицынский дворец под Коломной ещё в то время, когда только планировал операцию. Его особенно впечатлили обширные подвалы здания. Барин сразу понял, что в этих помещениях можно развернуть целую фабрику. Понравилось Барину и уединённое место, в котором было расположено поместье.

На руку Барину сработало и то обстоятельство, что дворец оказался как бы бесхозным. Поместье числилось на балансе Министерства культуры, а у Министерства, как всегда, не хватало денег на реставрацию этого памятника старины.

С помощью щедрых взяток нескольким высокопоставленным чиновникам Барин без особого труда заполучил права на владение этим особняком с обязательством отреставрировать его за свой счёт и предоставить для посещений туристами.

— А ведь я действительно намерен заняться реставрацией, — сказал Барин Кандидату, когда они подъехали к дворцу. — Все-то разницы, что собираюсь реставрировать не эту громоздкую халупу, а деньги. Но разве эта разница так важна?

— Совсем не важна, — с готовностью подтвердил Кандидат, который подхалимничал пе-

ред боссом не столько из службы, сколько из собственного удовольствия. — Но какую-то видимость работы надо создать. Местечко хоть и пустынное, но всё же могут появиться случайные свидетели...

— Создадим, — кивнул Барин.

И в самом деле создали. Вокруг дворца вырос высокий забор. Изо дня в день несколько рабочих делали вид, что трудятся на реставрации, часто устраивая долгие перекуры и перерывы на обед.

Однажды в очередной свой приезд Барин обратил внимание на мальчишку, сидевшего на холме неподалёку от дворца и что-то рисовавшего в этюднике. Барин, которому постоянно мерещилось, будто за ним следят, решил выдворить отсюда этого молокососа. Вдруг этот пацан — осведомитель, которому поручено наблюдать за тем, что здесь происходит? Барин решительно направился к юному художнику.

Заметив его приближение, Дима встал. Он почувствовал угрозу, исходившую от этого человека, и ему захотелось поскорее унести отсюда ноги. Но с какой стати раньше времени паниковать, если человек ещё ничего не сказал?

— Это частное владение! — подойдя к Диме, недружелюбно проговорил Барин.

На это Дима смущённо пожал плечами и ничего не ответил.

— Ну-ка покажи, что ты там намалевал! — потребовал Барин, протягивая свою широкую лапищу.

«А вдруг заберёт и не отдаст? — мелькнула у Димы тревожная мысль. — Жалко терять работу».

Но желание узнать, какое впечатление на случайного зрителя произведут его рисунки,

превозмогло страх, и он протянул папку с этюдами. Правда, не только это послужило причиной. Дима прекрасно понимал, что ему ничего другого не остаётся, как подчиниться. Если даже побежит, то этот человек его догонит. Надо было раньше думать о бегстве.

— Это так... наброски, — сказал Дима, чтобы не молчать.

Открыв папку, Барин быстро просмотрел этюды. На рисунках были запечатлены полуразрушенный дворец и окружающий пейзаж в разных ракурсах и в разное время дня. Ни забора, ни штабелей стройматериалов, ни рабочих на рисунках не было.

— В общем-то недурно, — хмыкнул Барин. — Однако не Репин.

— Я и не хочу походить на Репина.

— Это почему? — удивился Барин.

— Он великий художник, но подражать ему — значит, повториться.

— Ого, а ты хочешь быть оригинальным? И тоже великим?

— Это уж какая выпадет судьба.

— Я смотрю, ты смыслённый парень. Люблю гордых. Только гордые чего-то добиваются в жизни.

— Вы говорите, как моя бабушка, — усмехнулся Дима.

Он почувствовал, что прямой угрозы для него не исходит от этого человека. Главное — рисунки понравились. А это означает, что у него есть какой-то вкус. А если у человека есть художественный вкус, считал Дима, то он не может быть негодяем. Правда, это своё убеждение Дима ещё не успел проверить в жизни просто не представился случай.

— Я говорю так, — строго заметил Барин, — как говорю я. И не надо меня сравнивать с бабушкой. Я не люблю, когда меня с кем-то сравнивают. Ты это запомни, мальчик.

— Хорошо.

— И сколько это может стоить? — неожиданно спросил Барин, показывая на рисунки.

— Я пока учусь и ничего не продаю, — не без гордости заявил Дима.

— На кой же ляд тогда корпеть и махать карандашом, если от этого не будешь иметь ни шиша? — презрительно усмехнулся Барин.

На это мальчик опять не нашёлся, что ответить, и промолчал. Возвращая ему папку, Барин присмотрелся к нему повнимательнее и вдруг оторопело замер. Лицо этого мальчишки кого-то ему напомнило! Но Барин, хоть тресни, не мог припомнить, кого именно.

— Как твоя фамилия? — спросил он.

— Краснов, — ответил Дима. — А вы, наверное, Баринов? Мне рабочие сказали, что вы купили этот дворец... Вы, наверное, знаете, что у этого дворца очень интересная история?

— Конечно, знаю, — думая о своём, проговорил Барин. — Если бы не знал, не купил бы.

— Вы меценат?

— Вроде того...

«Кого же он мне всё-таки напоминает? — мучительно пытался вспомнить Барин, совершенно не вникая в слова мальчика. — Какого-то очень хорошего знакомого... Какого-то очень важного человека... Но кого, кого?!»

— Тогда мы будем друзьями, — улыбнулся Дима. — А поначалу мне показалось, что вы злой человек.

— Да ты что? Добрей меня трудно сыскать.

— Ваша доброта заключается в том, что вы не пожалели денег на восстановление этого дворца, — доверительно сказал Дима. — Вам будут благодарны все люди, которые увидят дворец в прежней красе.

— Ладно, Краснов, рисуй себе на здоровье, — перебил мальчика Барин. — Только договоримся: ты будешь показывать мне свои рисунки.

— С удовольствием, — согласился доверчивый Дима. — Я вижу, вы любите искусство.

Барин повернулся и пошёл к дворцу.

«Пусть этот пацан будет на виду, — решил он про себя. — Не стоит его пока прогонять. Глядя на него, вдруг да вспомню, кого он мне напоминает. А надо ли вспоминать?.. Конечно, надо! У меня когда-то была феноменальная память на лица. А нынче... Эх, старею, старею... Но наитие меня не оставило, а оно подсказывает, что этого паренька надо держать на коротком поводке. Что-то за этим всем кроется».

Импортное оборудование для химической обработки и реставрации бумажных купюр было быстро закуплено фирмой Барина. А вот его установка в подвалах дворца затянулась. Нанятые Баринком специалисты обнаружили опасную неустойчивость подземных сводов. Пришлось дополнительно закупать массивные железные опоры, с помощью которых укрепили стены и потолки.

Затем выяснилось, что в подземелье слишком влажный и сырой воздух. Пришлось Барину раскошелиться на мощные кондиционеры и обогреватели.

— Этак я вылечу в трубу ещё до того, как дело начнёт окупаться! — в сердцах выругался Ба-

рин, когда Кандидат протянул ему на подпись очередной расходный лист.

Но уже через неделю его подручные привезли в подвалы дворца первую крупную партию денег. Почти у самого въезда в секретную шахту неподалёку от Зарайска фургон, в котором везли пришедшие в негодность банкноты, остановился. К нему подъехал зелёный «газик», поджидавший фургон в этом месте уже не один час.

Охранники вышли из кабины и молча открыли двери бронированного кузова. Люди Барина быстро переложили из кузова мешки с банкнотами в багажник своей машины, сели в «газик» и укатили.

Той же ночью в квартире химика Губастова раздался телефонный звонок. Поднявший трубку учёный услышал на другом конце провода ехидный голос Кандидата:

— Неужели вы спите?

— Некоторые в три часа ночи спят, — спросонья пробормотал Губастов.

— Я заеду за вами через полчаса, — отчеканил Кандидат. — Быстренько соберите нужные вам вещички. Вы отправляетесь в длительную командировку.

— Как можно собраться за полчаса? — возмутился окончательно проснувшийся Губастов. — Да я за полчаса успеваю только одеться и зубы почистить...

В трубке послышались короткие гудки.

К приезду порученца босса Губастов наспех затолкал в спортивную сумку две пары белья, полотенце, мыло и зубную щётку. Кандидат застал учёного за поисками записной книжки.

— Не могу припомнить, куда её спрятал, —

пожаловался Губастов. — У меня там кое-какие важные записи. Я без них не смогу работать.

Кандидат взял с тумбочки, стоявшей у самой двери, большой блокнот в чёрной обложке и спросил:

— Может, этот?

— Точно! — обрадовался Губастов. — У меня однажды был случай, когда я по рассеянности положил свои бумаги в мусорное ведро. Вот и подумал, а не сунул ли туда и свою книжку...

— Поехали, шеф не любит ждать! — перебил учёного Кандидат и едва не за шиворот вытащил из прихожей.

В машине Губастов огорошил Кандидата новой сентенцией:

— Кстати, вы в курсе, что бумагу можно изготавливать из слоновьего навоза? Это открытие недавно сделано африканскими учёными. Они установили, что в слоновьих отходах содержится большое количество веществ, которые по своей структуре...

— Я знаю, что бумагу изобрели древние китайцы, а папирус использовали ещё древние египтяне! — перебил его Кандидат, желая блеснуть собственными познаниями.

— Это верно, — согласился Губастов. — Вернемся, однако, к открытию африканцев...

И в течение всего пути до Коломны он целенаправленно развивал мысль о том, что, в принципе, в нашей стране, коль нет слонов, можно производить бумагу из навоза других животных.

— Это всё же лучше, чем вырубать леса! — горячился Губастов. — Ведь леса — это лёгкие планеты. Человечество с такой скоростью истребляет леса, что скоро начнёт задыхаться от недостатка кислорода...

«Нет у него других забот, кроме как беспокоиться по поводу экологии! — сердито думал Кандидат, глядя на дорогу и не поддерживая разговора с учёным. — Лучше бы ломал голову над тем, как нам побыстрее отреставрировать деньги...»

Но над этим Губастов задумался только тогда, когда встретивший учёного Барин спустился с ним в подвал и показал комнату, почти до потолка заваленную полуистлевшими денежными банкнотами.

— Откуда у вас столько банкнот? — изумился Губастов.

— Пожалуйста, не задавайте мне лишних вопросов, — одёрнул его Барин. — А когда вам захочется задать мне лишний вопрос, вспомните об «испанском галстуке»... Так когда же вы сможете показать мне первую партию отреставрированных денег?

— Я немедленно примусь за работу, — уклонился от прямого ответа Губастов.

Вид лаборатории, оснащённой новейшим оборудованием, привёл учёного в совершенный восторг.

— Да такую роскошь себе не может позволить даже Академия! — завопил он. — Видели бы вы, на какой устаревшей аппаратуре приходилось мне работать! А с такой техникой... С такой техникой можно совершать великие дела!

— Кандидат будет у вас ассистентом, — указал Барин на подручного и повторил вопрос: — Так когда я смогу пошелестеть обновлёнными купюрами?

— Вообще-то, в академических условиях рассчитывать на конкретный результат можно не раньше, чем через полгода, — попытался вы-

кроить себе побольше времени для экспериментов Губастов.

— Здесь вам не академические условия! — взорвался Барин. — Я не для того оборудовал этот сарай, чтобы вы занимались научными изысканиями! Время поджигает! Так когда будет результат?

— Полагаю, что через месяц можно было бы на что-то надеяться... — неуверенно промямлил Губастов.

— Даю неделю! — рявкнул Барин, повернулся и пошёл к выходу из подземелья.

— Это нереально, — прошептал Губастов.

И действительно, через неделю он представил на суд босса только несколько образцов купюр, рассыпавшихся, едва Барин взял их в руки.

— И это твоё открытие?! — заорал взбешённый Барин.

— Пожалуй, я переусердствовал при сушке бумаги, — виновато пожал плечами Губастов. — Надо попробовать после первичной обработки помещать банкноты в другой раствор. Возможно, тогда структура бумаги сохранит свою прочность...

— Сколько на это потребуется времени?! — брызгая слюной, закричал Барин.

— Неделя, а лучше две, а ещё лучше четыре, — постарался выклянчить побольше времени Губастов.

Указательный палец босса уткнулся ему в подбородок.

— У тебя три недели. Если через три недели не будет обновлённых банкнот, ты — покойник.

— Я хочу жить, — честно признался Губастов. — Результат будет, уверяю вас.

Кипевший от бешенства Барин между тем

обратил свой взор на Кандидата, с равнодушным видом восседавшего в кожаном кресле в углу лаборатории.

— А тебе нечего расслаиваться без дела! — заорал на него Барин. — Ты должен помогать нашему учёному! Вы оба в ответе за результаты! Вы оба можете сыграть в один ящик! Ваши трупы не сможет опознать даже дантист!

И желая подкрепить свою речь убедительным жестом, Барин схватил с ближайшего стола первый попавшийся под руку предмет и запустил в Кандидата. Тот вскочил с кресла, как ужаленный, подхватил на лету предмет и впервые в жизни повысил голос на босса:

— Ты совсем сбрендил, что ли? Ты хоть понимаешь, какой дорогой измеритель чуть не сломал только что?!

Чувствуя себя, как слон, угодивший в посудную лавку, Барин виртуозно выругался и направился к выходу.

Следующие две недели Губастов и Кандидат дневали и ночевали в лаборатории, проводя один эксперимент за другим.

Оба ели на ходу, а спали в специально оборудованных кладовках, которые напоминали тюремные камеры. От того, что оба почти не выходили на свежий воздух, лица у обоих принимали землистый оттенок. Губастов, никогда не отличавшийся склонностью к полноте, так отошел от переживаний, что Кандидат называл его в шутку Кощеем Бессмертным. Губастова эта шутка огорчила.

— Может, я и Кощей, но уж точно не Бессмертный, — хмурился он. — Наш шеф куда

лучше разбирается в вопросах смерти и бессмертия...

В процессе экспериментов множество купюр было испорчено ими и отправлено в утиль. Но к исходу второй недели, после длительного сложнейшего химического анализа, Губастов взял высушенную сторублёвку и помял её пальцами. Купюра не рассыпалась, краска не сходила с бумаги слоями, как раньше.

Губастов не мог поверить в такую удачу и молча протянул банкноту Кандидату. Тот сворачивал её трубочкой, сгибал и разгибал, тёр, сложив пополам, половинки друг о друга и наконец тихо произнёс:

— Бегу звонить шефу.

Но Губастов, от неимоверной усталости еле волочивший ноги, остановил его:

— Подожди, ведь это только опытный образец. Давай попробуем мой метод и на червонцах и полтинниках. Там состав краски немного другой. Нужно быть полностью уверенными, иначе босс расстроится, опять начнёт ругать и швырять в меня измерители...

Однако опыты с десятирублёвыми и пятидесятирублёвыми купюрами тоже дали прекрасный результат. Учёный и его ассистент долго смотрели на плоды своих трудов, а затем Кандидат поплёлся в свою комнату за сотовым телефоном. А Губастов так и уснул, сидя за столом.

Было пять часов утра. Барин видел скверный сон.

В этом сне ему вдруг привиделось лицо мальчишки, которого он недавно встретил возле дворца. И даже во сне Барин пытался вспомнить — где он раньше видел похожее лицо, кого оно ему напоминает?..

От бесплодных усилий у него нарушился

сон. И когда раздался резкий телефонный звонок, Барин вздрогнул всем телом и сразу очнулся. Он поднял трубку и услышал тихий голос Кандидата:

— Приезжай полюбоваться на плоды наших трудов.

Барин с облегчением засмеялся и кинул:

— Уже еду!

Положив трубку, он с наслаждением потянулся и громко произнёс:

— А всё-таки я гений!

Именно с таких слов он начинал каждое своё пробуждение...

Когда он приехал к Голицынскому дворцу и спустился в лабораторию, Губастов и Кандидат мирно спали на столах. У них даже не хватило сил добрести до своих комнат и упасть на кровати. Явившийся с бутылкой «Мартини» подмышкой Барин не стал их будить. Он бережно взял лежащие подле учёного отреставрированные купюры и посмотрел на свет — сохранились ли водяные знаки.

Затем он откупорил бутылку, налил «Мартини» в пустую пробирку, поднял её и тихо обратился к спящим:

— За вас. Вы молодцы, ребята...

Усевшись в кресло, стоявшее в углу, он медленно, смакуя каждый глоток, распивал «Мартини» под громкий храп Губастова и размышлял о колоссальных перспективах, открывавшихся отныне перед ним.

Хотя значительная часть старых купюр была безнадежно испорчена в ходе неудачных экспериментов, оставшегося количества вполне хвати-

ло Барину для того, чтобы с лихвой окупить все расходы на оборудование лаборатории. Он прислал в помощь Губастову ещё троих ассистентов, и работа в дворцовом подzemелье закипела.

Каждую ночь из лаборатории выносили мешок, плотно набитый хрустящими обновлёнными купюрами, грузили в багажник зелёного «газика» и увозили в Москву. Барин сразу же пустил в оборот эти деньги, расплачиваясь с кредиторами и раздавая новые взятки чиновникам. Он тратил, не скупясь. Приближался день планового завоза устаревших купюр в шахту под Зарайском. И Барин рассчитывал отхватить на этот раз солидный куш.

Но случилось непредвиденное.

Всё это время Барин как-то упускал из виду, что правоохранительные органы тоже не бездействуют. Он имел сильных покровителей, занимавших высокие посты в столичной мэрии, и причислял себя к «неприкасаемым» деятелям, которыми не интересовалась Федеральная служба безопасности.

Но в начале лета Генеральная прокуратура развернула борьбу с коррупцией в высших эшелонах власти. В самой Администрации Президента России произошли серьёзные кадровые перестановки. Барин в одночасье лишился своих всемогущих покровителей.

Затем начались аресты с санкции Генпрокурора в столичной мэрии и в службе безопасности Национального банка. Вот тут и вскрылась афера, которую затеял Барин, но которую ещё не успел как следует «раскрутить». Заниматься этим делом поручили следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре Василию Пётровичу Базанову.

Оказавшись в камере предварительного заключения, сообщники Барина дали показания против «авторитета». Но прямых улик против Барина пока не было. Хитрый Барин никому напрямую взятки не давал — всегда действовал через подставных лиц.

— У меня руки чешутся засадить этого мерзавца за решётку, — сказал Базанов на рабочем заседании у Генпрокурора. — Но санкцию на его задержание выписывать рано. Надо подождать, пока Баринов попадётся с поличным. Завтра фургон с деньгами отправится к Зарайску. Мой план таков...

Барин ещё не знал, что его сообщники из службы безопасности Национального банка уже арестованы. Он был настолько уверен в своей безопасности, что в то утро лично отправился под Зарайск со своими подручными. Барину не терпелось самому видеть, как старые банкноты перегружат из фургона в багажник его машины. Присущая осторожность в то утро изменила ему.

К месту «контакта» Барин поехал с Кандидатом на своей «Вольво». Пяттеро подручных ехали следом за шефом на зелёном «газике». Обе машины остановились в трёх километрах от Зарайска, на пустынном шоссе, которое с обеих сторон обрамляли невысокие лесопосадки. Откинувшись на спинку кресла, Барин задумчиво смотрел в чистое синее небо. Кандидат включил на полную громкость радиоприёмник и вполголоса подпевал орущему Олегу Газманову:

— Ты морячка, я моряк! Ты рыбака, я рыбак! Ты на суше, я на море! Мы не встретимся...

Барин протянул руку к приёмнику и выключил.

— Дурак, послушал бы лучше, как птицы чирикают, — посоветовал он. — Эту эстрадную попсу ты слышишь с утра до вечера. А часто ли слышишь, как поют птицы? Вот и пользуйся моментом.

Уловив, что шеф настроен на сентиментальный лад, Кандидат одобрительно кивнул:

— Да, всё верно, не хватает нам звуков живой природы.

Они просидели в молчании добрых полчаса, в течение которых Кандидат не расслышал даже слабого чириканья и прямо-таки изнывал от безделья. Но он не посмел противоречить шефу, как ни подмывало включить приёмник. Наконец вдали показался бронированный фургон.

— Ну, позолотим ручки, — самодовольно потёр ладони Кандидат.

Пятеро подручных Барина вышли из «газика» с мешками в руках. Барин открыл дверцу салона и тоже собирался выйти, но замешкался: хотел достать из «бардачка» портмоне с кредитными карточками.

Фургон затормозил в пяти метрах от «газика». Но водители остались неподвижно сидеть на своих местах. И это насторожило Барина. Времени на раздумья не оставалось. В следующую секунду распахнулись створки металлических дверей фургона. Из кузова начали выпрыгивать на асфальт бойцы ОМОНа в зелёных бронежилетах, белых шлемах и с короткоствольными автоматами в руках.

Опешившие от неожиданности бандиты не успели опомниться, как оказались окружёнными бойцами ОМОНа. Подручных Барина сбили с ног, заставили уткнуться лицом в асфальт

и заломили за спину руки. Вся операция была проведена в течение трёх секунд.

Но этих трёх секунд хватило Барину, чтобы принять спасительное решение.

— Сматываемся! — рывкнул он Кандидату.

Привыкший беспрекословно подчиняться боссу, тот сразу же повернул ключ зажигания. Мотор «Вольво» взревел.

Двое бежавших к «Вольво» омоновцев еле успели отскочить в стороны: резко рванувшая вперёд машина чуть не сбила их.

Барин захлопнул дверцу салона, достал из «бардачка» два пистолета, вогнал в рукоятки по обойме и дослал по патрону в каждый патронник.

Бронированный фургон и омоновцы, защёлкивавшие наручники на запястьях задержанных, остались далеко позади.

Но навстречу «Вольво» мчались две милицеские машины — жёлто-синие «Волга» и «Жигули». За рулём «Волги» сидел Базанов. Следовательно ехал, чтобы лично проконтролировать операцию. Заметив, что главарь банды ускользает, Базанов сразу же вырулил машину на встречную полосу.

Барин оказался в критической ситуации. Повернуть назад он не мог: там уже поджидали омоновцы. Свернуть в сторону тоже не мог: машина застряла бы в плотных лесопосадках. Встречные же машины явно не собирались останавливаться.

Испугавшись неизбежного столкновения, Кандидат начал сбавлять скорость. Но Барин понимал: остановись они сейчас — уже никогда не увидят воли. Он приставил ствол пистолета к виску водителя и произнёс:

— Наворачивай обороты!

— Мы же разобьёмся! — простонал Кандидат, которого буквально трясло от ужаса.

Но Барин, которому уже нечего было терять, готов был пойти на любую крайность.

— Если остановишься, нам точно крышка. А если прибавишь газу, то мы ещё повоюем. Если коснёшься педали тормоза, я тебе башку разнесу.

Кандидат вытер рукавом выступивший на лбу пот, намертво вцепился в руль и до предела выжал педаль газа. Синяя «Вольво» и милицмейская «Волга» неслись навстречу друг другу по одной полосе.

«Кажется, этот тип привык играть по-крупному! — размышлял Базанов. — Почему он так торопится умереть? Неужели ему совсем нечего терять?»

Следователь не замечал течения секунд. Он видел только синюю машину, которая приближалась неестественно быстро, и мысленно отсчитывал приблизительные метры, остающиеся до столкновения.

«А ведь ему в самом деле нечего терять! — понял Базанов, когда удар казался почти неизбежным. — А мне есть что терять!»

И в самый последний момент он резко свернул на обочину. Между милицмейскими машинами образовался спасительный для Кандидата широкий проход. Он тотчас направил туда машину. «Вольво» благополучно промчалась посреди шоссе, едва не задев боковые крылья «Волги» и «Жигулей».

Кандидат и Барин взорвались нервным хохотом.

«Эх, не рассчитал я, что этот Барин пустится

наутёк! — укорял себя Базанов, притормаживая и разворачивая машину. — Не позаботился о внешнем оцеплении! Хотя, откуда я мог знать, что Барин лично заявится сюда?..»

Развернувшись, милицейские машины помчались вдогонку за «Вольво», которая оторвалась от них почти на три километра.

Базанов включил систему оперативного оповещения на панельной доске и громко передал:

— Внимание, всем постам! Говорит пятнадцатый номер! Вместе с номером четырнадцатым преследуем на шоссе Зарайск—Луховицы особо опасных преступников. Повторяю, преступники очень опасны! Преступники едут в синей «Вольво». Номер машины пока не могу назвать...

«Постараюсь рассмотреть его поближе!» — решил он, выжимая педаль газа.

Тем временем Кандидат заметил в зеркальце заднего обзора милицейские машины, которые неумолимо приближались.

— А менты попались приставучие, — сообщил он шефу. — Никак не отцепятся.

— Сейчас мы их сами отцепим, — пробурчал Барин, перебираясь на заднее сиденье салона.

Милицейские «Жигули» намного опережали «Волгу».

Рукоятками пистолетов Барин выбил заднее стекло салона, вскинул руки с пистолетами, прицелился и нажал на курки.

Пули прошли салон «Жигулей», разнесли вдребезги лобовое стекло, выбили фары. Сидевший за рулем милиционер ткнулся лицом в приборную панель. «Жигули» вылетели на обочину дороги и покатались в кювет.

Но оставалась ещё «Волга», водитель которой и не думал прекращать погоню. Когда «Волга» подъехала к «Вольво», взгляды Барина и Базанова встретились. И в тот миг Барин понял, что этот мент не успокоится, пока не догонит его, пока не защёлкнет наручники у него на запястьях. А Базанов понял, что этот бандит совершенно не дорожит ни своей жизнью, ни жизнью окружающих его людей и будет стремиться к своей цели, невзирая ни на какие жертвы.

Барин снова нажал на курки пистолетов. Но вместо выстрелов раздались сухие щелчки: в обоймах кончились патроны. Между тем милицейская «Волга» почти касалась бампера «Вольво». И тогда Барин лёг плашмя на сиденье и заорал водителю:

— Тормози!

Кандидат до предела выжал правую педаль. От скрипа тормозов у обоих заложило уши.

Не ожидавший такого маневра Базанов продолжал гнать на предельной скорости. «Волга» ударилась в «Вольво». Удар оказался такой силы, что ремень безопасности Базанова разлетелся в клочья. Следователя швырнуло грудью на руль. Уже теряя сознание от резкой боли, он сумел-таки сбросить скорость.

По «Вольво» удар пришелся слабее. Барин свалился с сиденья в узкий проход, а Кандидата основательно потрянуло.

— Теперь жми! — рывкнул шеф водителю.

Сквозь туман, застилавший глаза, Базанов различил уносящуюся по шоссе синюю машину. О преследовании бандитов уже нечего было и думать. Базанову не хватало воздуха. Он с трудом открыл дверцу, буквально выполз из салона и повалился на асфальт.

Постепенно сознание возвращалось. База-нов приподнял голову, посмотрел в ту сторону, где скрылись бандиты, и прошептал:

— Я до тебя ещё доберусь...

— Я гений, гений, гений! — самозабвенно орал Барин, когда увидел, что им удалось-таки оторваться от погони.

— Ты гений, гений, гений! — вопил Кандидат, счастливый оттого, что выжил в этой опасной передрыге.

Барин, однако, понимал, что на этой «Вольво» они теперь далеко не уедут.

— Тот мент поганый наверняка уже оповестил все посты о нашей тачке, — подумал он вслух после того, как вдоволь нахохотался. — Так что давай через пару километров сворачивай на просёлок.

— А как же мы дальше двинем? — спросил Кандидат.

— На пешкарусе, — пошутил босс.

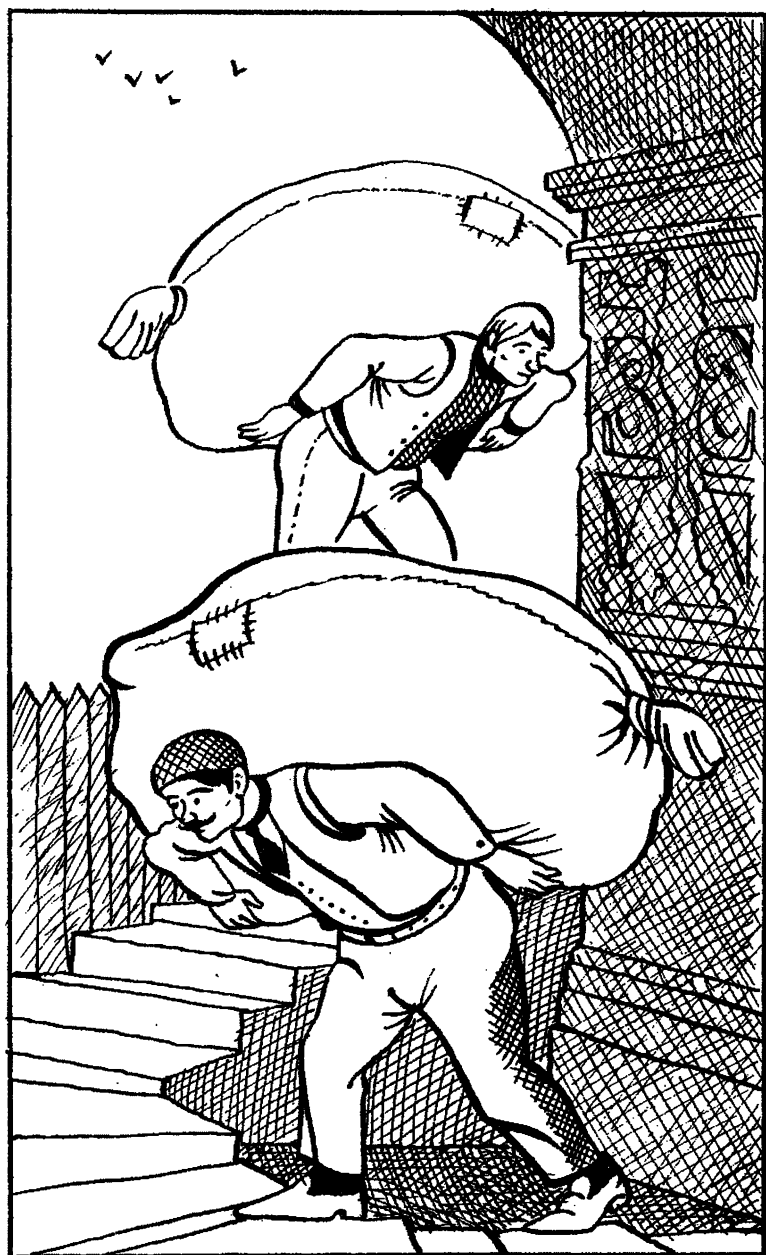
За Астапово, недалеко от пересечения с Рязанским шоссе, синяя «Вольво» повернула на просёлочную дорогу и доехала до строительного карьера.

— Вылетаемся, — приказал Барин, забирая из бардачка портмоне.

— Эх, хоть и куплена эта тачка на твои деньги, а я уже привык считать её своей, — посоветовал Кандидат, открывая багажник и извлекая оттуда канистру с бензином.

Облив бензином машину, он чиркнул зажигалкой и кинул её в салон. Высокое пламя сразу же взметнулось над «Вольво». Не оглядываясь, Барин и Кандидат пошагали в сторону шоссе.

Проголосовав на шоссе, они сели на попутную машину и доехали до Коломны.

— Сегодня заночуем во дворце, — сказал Барин. — Мою московскую хату менты наверняка уже обшаривают.

— Как же мы дальше-то будем? — канючил по дороге Кандидат. — Нас ведь теперь в федеральный розыск объявят...

— Ляжем на дно, — успокоил Барин. — Не впервой от розыска таиться. А будут у нас большие деньги — так подмажем кого надо и снова будем разгуливать, как честные люди.

— Откуда ж у нас деньги возьмутся? — удивился Кандидат. — Сегодня вот поехали за купюрами, а нам омовцев вместо них привезли. Как мы теперь обогатимся?

— Пока не знаю, — вздохнул Барин. — Но что-нибудь обязательно придумаем.

Когда они подошли к Голицынскому дворцу, Барин разглядел на холме мальчика с этюдником в руках.

«Расселся тут, придурок! — со злостью подумал Барин. — Побегал бы с моё, сразу бы отбило охоту к рисуночкам!.. Но кого же он мне всё-таки напоминает?»

И отчего-то Барину подумалось, что этот мальчуган ещё может ему пригодиться.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

БАРИН НАХОДИТ ВЫХОД

Губастов возмутился, узнав что Барин не привёз ему исходного материала для работы:

— Я тут торчу над этими колбами, дышу этими реактивами, а вы даже полцентнера старых денег не могли привезти!

— Ты меня лучше не серди! — прикрикнул на него Барин. — У меня с утра плохое настроение.

— Так что же мне делать? — развёл руками Губастов. — Над чем теперь работать?

— Даю тебе отпуск, — соблаговолил утешить учёного химика Барин. — Отправляйся обратно в Москву. Сиди дома и жди, когда позову. И помалкивай о том, что здесь видел. А если начнёшь языком чесать, то вспомни об «испанском галстуке».

— А гонорар за работу? — робко напомнил учёный. — Я, почитай, как на вредном производстве поработал в этом подвале. Мне теперь на лекарства потребуется...

— Если бы ты меньше денег испортил вначале, то мы больше имели бы купюр сейчас! — отрезал Барин. — Гонорар получишь после следующей операции. А сейчас сгинь с глаз моих!

Понуриив голову Губастов снял белый халат, в котором расхаживал по лаборатории, и вышел из подвала.

Барин расположился в кожаном кресле, стоявшем в углу, закинул ногу на ногу и закрыл глаза.

Не желая мешать шефу думать, Кандидат на цыпочках направился к выходу. Но Барин остановил его:

— Сколько человек мы можем выставить на дело?

— С десяточек ещё наберётся, — ответил Кандидат.

— А сколько денег мы ещё можем наскрести по сусекам?

— Ну, миллиончик-полтора можем, — заверил Кандидат и указал на лабораторное оборудование. — А если распродадим всё это барахло, то ещё миллионов десять можно получить.

— Ладно, — слабо улыбнулся Барин. — Ступай, принеси мне чего-нибудь выпить.

Когда через полчаса Кандидат вернулся с бутылкой вина и двумя фужерами, ему показалось, что неподвижно сидевший в кресле Барин уснул. Но шеф неожиданно открыл глаза и произнёс:

— Ничего продавать мы не будем!

Кандидат понял, что всё это время шеф размышлял над его словами и, кажется, нашёл какой-то спасительный выход.

— В самом деле? — деланно удивился Кандидат.

— Эта операция со старыми банкнотами — самое надёжное дело, на которое можно рассчитывать, — заявил Барин.

— Так ведь мы же больше не получим этих цветных бумажек, — заметил Кандидат, наливая шефу вина в бокал.

— А вот насчёт этого я готов поспорить! —

хвастливо сказал Барин. — Добровольно нам это барахло уже не отдадут. Но то, что не дают добром, можно отнять силой.

От удивления Кандидат едва не выронил бутылку.

— Так ты собираешься грабануть фургон со старыми деньгами? — сообразил он. — Вот это наглость!

— Это не наглость, это — неожиданность, — уточнил Барин.

— Но ведь у тебя руки связаны, — напомнил Кандидат. — Менты на хвост наступают. Сегодня они гнались за тобой. А завтра пожалуют сюда. Сейчас твоих денег не хватит, чтобы закрыть расследование.

— Закрывать — не хватит, а вот затормозить — хватит, — резонно заметил Барин.

Он достал из портмоне визитку и протянул подручному.

— Собери полмиллиона наличных и отправляйся к нему домой, — приказал Барин.

Прочитав визитку, Кандидат присвистнул: на ней значилась фамилия генерала Федеральной службы безопасности.

— Передашь ему подарок от меня и скажешь, что мне нужен месяц, — продолжал шеф. — Только один месяц. Пусть в течение месяца легавые не беспокоят меня. А затем пусть смело даёт ход расследованию. Я к тому времени буду уже далеко.

— Когда ехать? — осведомился Кандидат.

— Прямо сейчас, — приказал Барин.

— Уже еду, — поставил бутылку на стол Кандидат, повернулся и пошёл к дверям. — Приятно осознавать, что самое трудное уже позади.

Барин откинул голову и закрыл глаза. В отли-

чие от недалёкого помощника Барин прекрасно понимал, что самое трудное ещё впереди. Ограбить бронированный фургон, оснащённый соевой связью, не под силу его банде.

«Надо заказать специалиста, — размышлял Барин. — Но специалист стоит очень дорого. Причем аванс потребует вперёд. А где мне взять денег на аванс? Кроме того, надо будет платить за оружие, снаряжение... Нет, не могу позволить себе нанять специалиста... Но должен же быть какой-то выход!»

Незаметно пролетели три часа, когда Барин наконец вспомнил о человеке, который мог бы ему помочь. Но тот человек находился в местах лишения свободы. И засадил его туда не кто иной, как сам Барин.

«Эх, Мастер, не поделили мы с тобой тогда награбленную денежку, — посетовал Барин, вспоминая сообщника. — Думал я, что никогда уже не буду нуждаться в деньжатах. А вот опять сижу на мели, гол как сокол. Угодил в яму, из которой только ты можешь меня вытащить...»

Но Барин прекрасно сознавал, что после стольких лет, проведённых по его милости за решёткой, Мастер вряд ли захочет выручить бывшего подельника, вряд ли поможет выбраться из ямы. Куда с большей охотой Мастер похоронит Барина в этой ямине!

«Вот до чего жадность доводит! Даже фургон грабануть не с кем! Он мне больше никогда не поверит, — мысленно упрекал себя Барин. — Никакими посулами его уже не совратишь... Нет, надо подыскать другую кандидатуру!»

Поиски другой кандидатуры, мысленное перебирание всех знакомых «специалистов», заняли ещё часа три. В течение этого времени Ба-

рин изредка отпивал вина, полулёжа в кресле. По истечении этого времени он даже застонал. Получалось, что кроме Мастера никто больше не согласится работать с Бариним, «на хвост» которому уже наступала ФСБ!

Кандидат вернулся во дворец под утро и застал шефа всё в том же подвале и том же кресле. Но бутылка вина возле него была уже пуста. Открыв глаза, Барин вопросительно уставился на подручного.

— Твой генерал деньги взял и дал нам три недели, — отрапортовал Кандидат.

— Я же просил месяц! — возмутился Барин.

— Больше он дать не может, — извинился Кандидат. — Говорит, что твоей персоной занялся один ретивый следователь. Базанов — фамилия того следователя.

Барин внезапно рассмеялся.

— А что я такого смешного сказал? — удивился Кандидат.

— Так ведь Базанову я когда-то сдал Мастера! — признался Барин. — А не сдал бы я тогда Мастера — мотал бы срок вместе с ним.

— Я помню, — кивнул Кандидат. — Мастер тогда пообещал, что разберётся с тобой, когда выйдет на свободу. Если мне память не изменяет, ему осталось топтать зону каких-то полгода. А потом у тебя наверняка возникнут с ним серьёзные проблемы.

— Хорошая у тебя память, — похвалил Барин подручного. — А я, признаться, позабыл о Мастере за эти годы...

Кандидат решил похвалиться и прочими своими достоинствами:

— У меня не только память хорошая...

— Я беру Мастера в дело, — поразил по-

мощника Барин. — Он добудет нам фургон с деньгами.

Кандидат повнимательнее взгляделся в пустую бутылку и предположил:

— Ты совсем до чёртиков допился? Я ничего глупее от тебя не слыхал! Тебе не терпится иметь неприятности? Мало было вчерашней гонки! Да как только Мастер вырвется из зоны, он сразу устроит тебе весёлую жизнь!

— Это я ему устрою весёлую жизнь, — мрачно пообещал Барин. — Я помогу ему увидеть свободу на полгода раньше. Но до этого его надо посадить на крючок. Если Мастер будет зависеть от меня, он станет смирным. Смирный Мастер обогатит нас, а затем сыграет в ящик. Как тебе мой план?

— Как всегда, гениален, — уныло польстил Кандидат. — Только как ты собираешься посадить Мастера на крючок?

— Чтобы посадить человека на крючок, надо всё о нём узнать, — сказал Барин. — Руки у нас пока свободны. Так что отправляемся наводить о Мастере справки.

— Прямо сейчас? — зевнул невыспавшийся Кандидат.

От его зевоты и сам Барин почувствовал прилив сонливости.

— Нет, вначале как следует выспимся, — снизошёл он до человеческой слабости. — Часов пяти для сна вполне хватит...

Даже в минуты наивысшего успеха Барин не забывал о том, что удача, как и всё в жизни, рано или поздно заканчивается. Он всегда был готов к тому, что угодит в федеральный розыск,

что придётся избавляться от сообщников и улик. На этот случай у него имелся «резерв»: машины, купленные на чужие имена, поддельные документы.

Одну из таких машин — белую «Тойоту» — Кандидат пригнал к Голицынскому дворцу на следующий день.

Усаживаясь на переднее сиденье, Барин пожаловался:

— Не понимаю, как вы с Губастовым умудрялись высыпаться в этом могильном склепе? Там ведь сыро! Я весь продрог, пока спал!

— Мы так уставали, что ног не чувствовали, — признался Кандидат. — Какая уж там сырость!

— Больше ночевать во дворце не буду, — решил Барин. — Вся эта старина не по мне!

— Но возвращаться в столичную квартиру было бы глупостью, — обеспокоился за шефа Кандидат. — Хоть тебя и покрывают, но квартира, уверен, под наблюдением.

— При чём здесь столица? — раздражённо поморщился Барин. — Городской воздух мне тоже опротивел! Буду жить в коттедже, у любимой дочки. Благо, что недалеко от Коломны — возле Воскресенска... Вот уж не думал, когда покупал там особняк, что так удачно подберу место...

В своей жизни Барин был женат всего один раз на молодой вдове, которая имела дочь Веру. Семейная жизнь у Барина не сложилась. Узнав, чем зарабатывает на жизнь её супруг, жена хотела подать на развод. Опасаясь, что она повсюду раструбит о его аферах, Барин подстроил ей автомобильную катастрофу.

С приёмной дочерью Барин почти не видел-

ся. С осени и почти до самого лета она училась в лицее, а на летние каникулы отчим увозил её в свой особняк возле Воскресенска. Барин приставил к Вере охрану — не столько для того, чтобы оберегать её, сколько для присмотра за ней. Барин не любил приёмную дочь. Он находил её слишком похожей на мать, которая, по его понятиям, предала его. Он воспринимал Веру как часть своей собственности. В глубине души Барин надеялся, что когда-нибудь приёмная дочь ещё пригодится ему.

Девочка же платила ему взаимной ненавистью.

Кандидат, самый близкий к шефу человек, знал о чувствах Веры к приёмному отцу. Он знал, что, если бы не острая нужда, Барин не поселился бы в одном доме с приёмной дочерью. И это вызвало у Кандидата саркастичную усмешку...

Барин навёл справки о Мастере по самым надёжным каналам в Москве — по криминальным. В течение двух дней, за щедрую оплату, ему предоставили самое полное досье на Мастера. В этом досье имелись даже копии следственных протоколов из уголовного дела.

Изучать досье Барин отправился на свою «фазенду», как он называл коттедж под Воскресенском. Этот дом был записан на имя приёмной дочери, которая, разумеется, даже не подозревала об этом. Здесь Барин чувствовал себя в безопасности, не опасаясь, что «оперы» из ФСБ вдруг потревожат его.

Двенадцатилетняя Вера — рослая девочка с раскосыми глазами, длинными чёрными волосами и немного вздёрнутым, как у матери, носиком — несказанно удивилась, когда приёмный отец появился в дом.

— Дорогуша, небось соскучилась по мне? — приветствовал он Веру, которая в этот момент сидела на кухне и пила чай. — Ну, теперь я постараюсь скрасить твоё одиночество...

Барин наклонился, чтобы поцеловать дочь. Но девочка молча увернулась от объятий отчима и бросилась к широкой деревянной лестнице, которая вела в её комнату на втором этаже.

— Определённо, я ей нравлюсь, — кисло усмехнулся Барин, обратившись к Кандидату.

— В этом возрасте у всех детей подростковый кризис, — желая сгладить ситуацию, заметил Кандидат. — Вот и не знаешь, чего от них можно ожидать...

— От этой егозы, в самом деле, не знаешь, чего ожидать, — кивнул Барин. — В её возрасте у меня никакого кризиса не было. Я как раз мотал срок в подростковой колонии строгого режима. У меня, помню, всего одна мечта была: как бы вертухаи мне лёгкие не отбили. Мне тогда было не до капризов!..

Кабинет Барина находился на первом этаже. К нему вел из прихожей длинный коридор. Открыв дверь в кабинет, Барин поразился тенётам, свисавшим по углам комнаты, и толстому слою пыли, лежавшему на столе, шкафах и книжных полках.

— М-да, давненько я тут не был, — оценивающе произнёс Барин и распорядился: — Вот что, милейший, позови пару человек из охраны, берите тряпки, ведро с водой и приведите моё рабочее место в надлежащий вид. И чтоб всё блестело, иначе заставлю языком пол вылизать. Всё понял?

Сам он отправился в беседку, которая стояла во дворе по соседству с садом. Там он усел-

ся за деревянный, потемневший от времени стол, раскрыл папку и углубился в чтение. Изредка, поднимая голову, он поглядывал на деревья, в ветвях которых возились и пищали воробьи. Кроме этих звуков, Барин ничего не слышал. Сельская тишина была непривычна: странным образом расслабляла его, мешала сосредоточиться.

Дача занимала обширный, соток в двадцать, участок, обнесённый двухметровым забором из красного кирпича. Едва ли не третья часть всего участка ушла под дом, больше походивший на деревянную хоромину. Внешне трёхэтажный дом был отделан в псевдорусском стиле: с резными ставнями, с наличниками, коньками на крыше и подзором.

Сарай рядом с воротами представлял из себя копию дома, но из кирпича и значительно меньшую по размерам. На цокольном этаже подвала располагался обширный гараж, в него вела прямо из сарая железная винтовая лестница.

От сарая к дому и к просторной беседке пролегли широкие дорожки, выложенные булыжником. На оставшемся пространстве Барин не разбивал ни грядки, ни парников: он терпеть не мог возиться с землёй. Оно было засажено фруктовыми деревьями, за которыми присматривала Вера.

Девочка уделяла много времени уходу за яблонями, грушами и вишней: взрыхляла почву возле корневищ, подкармливала удобрениями, поливала. Она даже порой беседовала с ними, то упрекая за то, что не слишком плодоносят, то радуясь крупным плодам в урожайные годы. Вере иной раз казалось, что эти деревья — её единственные друзья.

Дом пустовал большую часть года. В те три месяца, которые жила здесь Вера в обществе трёх молчаливых охранников, окна в комнатах почти круглосуточно были распахнуты: выветривался затхлый запах. Когда же девочке, обладавшей обострённым обонянием, начинало казаться, что в доме уже нормальный, «жилой» дух, приходила пора возвращаться в лицей.

Лето было самой нелюбимой порой года для Веры. Она жила здесь буквально взаперти. Отчим запрещал ей приглашать сюда подруг или самой уезжать в гости. На прогулках за пределами ограды Веру обязательно кто-нибудь из охранников сопровождал.

— Да что же это за жизнь такая? — возмутилась однажды девочка, когда широкоплечий рослый охранник по имени Вася отправился вслед за ней к берегу реки и наблюдал, как Вера купается.

— Это для твоего же блага, — изрёк немногословный охранник, отмахиваясь от комаров. — Если бы за мной так в детстве присматривали, то сейчас я не присматривал бы за тобой...

— Да в тюрьме, наверное, живётся лучше! — в сердцах выпалила Вера. — Там, наверное, не чувствуешь себя всё время на виду!

— Поверь мне, в тюрьме намного хуже, — лениво заверил охранник. — Уж там-то за тобой всё время наблюдают...

— А откуда ты знаешь? — заинтересовалась девочка.

Но охранник почувствовал, что сболтнул лишнее, напрочь проигнорировал её вопрос и впредь не поддерживал беседу. И Вера, как обычно, почувствовала себя словно в безжиз-

ненной пустоте: рядом есть люди, но они не разговаривают с ней...

Уборка кабинета Барина заняла час с лишним, Кандидат и двое подручных постарались на славу. Явившийся в беседку Кандидат застал босса в отличном настроении. Барин сидел в своей любимой позе: откинувшись на деревянную спинку скамьи, закинув ногу на ногу и прикрыв глаза.

— Работа окончена, босс, — bravo отрапортовал Кандидат. — Можно пройти в кабинет, там будет удобней вам думать да размышлять...

— Моя работа на сегодня закончена, — самодовольно улыбнулся Барин, не открывая глаз. — Теперь твой черёд потрудиться. Всё должно пройти без сучка без задоринки. И тогда Мастер сам сядет на крючок.

— А ты уже знаешь, как заарканить Мастера? — изумился Кандидат находчивости шефа.

— Знаю, — твёрдо произнёс Барин и открыл глаза.

От его пристального взгляда Кандидату стало не по себе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОХИЩЕНИЕ ДИМЫ

Когда Диме передали телеграмму из Москвы, он не поверил тому, что в ней было напечатано: «Анна Григорьевна умерла. Срочно выезжай похороны».

Мальчик подумал, что его опять разыгрывают однокашники. Сашке Маслову, который в тот момент оказался поблизости, Краснов сказал:

— Между прочим, это совсем не смешно. Если я пришлю письмо, будто твои родители умерли, тебе будет очень приятно?

— Что ты такое мелешь? — удивлённо посмотрел на него Маслов.

И по его виду Дима понял: телеграмма — не розыгрыш. Он позвонил по междугороднему телефону в Москву. Трубку в квартире бабушки подняла соседка Валентина Сергеевна.

— Бабушку позовите, пожалуйста, — попросил её Дима.

— Ты разве не получил мою телеграмму? — удивилась Валентина Сергеевна. — Я ведь послала тебе срочную...

Дима закрыл глаза и прислонился к пластмассовой стенке кабинки. Бабушка была его единственной опорой в этой жизни. Теперь он остался совсем один.

— Алло! Ты меня слышишь, Дима?! — крича-

ла Валентина Сергеевна в трубку. — Поторопись! Опоздаешь на похороны!

— Сегодня же выезжаю, — тихо ответил мальчик и повесил трубку.

Директор лицея отпустил его в Москву, когда Краснов показал телеграмму. Он сам проводил его до вокзала и всё устроил с посадкой.

Когда Дима приехал домой, Валентина Сергеевна рассказала, что бабушку сбила машина.

— Анна Григорьевна возвращалась из магазина, переходила улицу на зелёный свет. Вдруг какая-то иномарка ринулась на большой скорости и сбила её. И водитель, подлец, даже не подумал остановиться. Свидетели запомнили, что машина была белого цвета. Но номерного знака никто не разглядел...

— Почему? — спросил Дима.

— Что почему? — не поняла Валентина Сергеевна.

— Никто не разглядел номера?

— Я не знаю, Дима, — растерялась женщина.

— Потому что его замазали, — сказал Дима.

— А зачем? — не поверила Валентина Сергеевна.

В голове Димы промелькнула страшная догадка, но она была столь невероятной, что он пока не посмел произнести её вслух.

Дима обратил внимание на странную перестановку мебели в квартире.

— Что случилось? — спросил он. — Бабушка собиралась куда-то переезжать? У неё висел на стене ковёр. Где он?

— Так ведь беда одна не приходит, всегда за собой другую ведёт, — горестно вздохнула Валентина Сергеевна.

Оказалось, что в тот же день, когда бабушку

сбила машина, была ограблена и её квартира. Все ценные вещи унесли, даже ковёр со стены сняли.

— Дверь в квартиру была приоткрыта, вот я и заглянула, — рассказывала соседка. — Разгром здесь был страшнейший. Кое-как прибралась тут...

— Всё понятно, — кивнул с каким-то странным спокойствием Дима. — Я не ошибся.

— В чём ты не ошибся, Дима? — осторожно спросила Валентина Сергеевна.

— Это был не подлец.

— Ты о ком говоришь?

— Вы сказали, что шофёр даже не остановился, и назвали его подлецом. Он не остановился потому, что был убийцей.

— Ты хочешь сказать...

— Да, бабушку убили.

— Кому это понадобилось? — усомнилась Валентина Сергеевна. — Она никому не делала зла. Ко всем людям относилась ровно. У неё не было врагов. Уж я-то знаю!

Но Дима ничего не ответил на слова соседки. Он не стал говорить ей о том, что был человек, которого бабушка ненавидела. Этим человеком был Димин отец.

Мальчику было невыразимо горько от мысли, что тюрьма ожесточила отца, что он мог бежать оттуда, приехать к бабушке, а та не пустила его на порог и ничего не рассказала о Диме.

Находясь под влиянием тюремных законов, отец мог пойти на ограбление. Бабушка, вероятно, оказалась невольной свидетельницей. И он в порыве отчаяния и злости сбил её машиной.

Такую картину случившегося нарисовал Дима в своём воображении. Но сразу и твёрдо решил, что никому не расскажет о своей догадке.

С него хватит уже того горя, что отец никогда не станет ему близким, родным человеком, никогда они не станут друзьями.

Эта мечта умерла в душе мальчика. Теперь он был совершенно один на всём белом свете. Если даже отец отыщет его, Дима никогда не простит ему гибели бабушки. Он не мог осуждать отца, потому что не знал, что тому довелось пережить. Дима знал по своему опыту, как больно, когда тебя не любят и часто обижают окружающие. Но даже самые жестокие обиды не могут быть оправданием убийства. В этом Дима был твёрдо уверен.

Во время похорон мальчик не плакал и ни с кем не разговаривал. Его неотступно преследовала мысль: «Что же теперь со мной будет?»

Дима словно предчувствовал, что наступает самая тяжёлая пора в его жизни, такая тяжёлая, что по сравнению с ней все предыдущие огорчения покажутся смешными. И это предчувствие начало сбываться, едва мальчик вернулся после похорон в лицей. Директор пригласил Диму к себе в кабинет и предложил:

— Чаю хочешь?

— Спасибо, не откажусь, — кивнул мальчик, усаживаясь в кресло, стоявшее у окна.

Всеволод Иванович устроился в соседнем кресле за узким журнальным столиком. Подстелив газету, он поставил глиняные чашки, налил кипяток из скороварки и забросил пакетики «Майского чая». Рядом со скороваркой директор поставил вазочку с овсяным печеньем.

— Я сочувствую твоему горю, — начал издалека Всеволод Иванович. — Терять близких всегда тяжело. Но когда теряешь их в юном возрасте, — это просто ужасно.

Дима промолчал, откусывая печенье и безучастно глядя на жёлтый паркетный пол. Он понимал, что директор хочет сообщить ему неприятные новости. Если бы это было не так, Всеволод Иванович не стал бы вначале поить его чаем.

Но всё же мальчик не вполне представлял, насколько неприятными окажутся эти новости.

— Наш лицей переживает тяжёлое время, — вздохнул директор. — Мы вынуждены были установить платное обучение, хотя лично я всегда ратовал за бесплатное... О задержках с зарплатой учителям я уже и не говорю... Последствия последнего кризиса ударили по нашему лицу очень сильно. Вот в чём беда!

О финансовом кризисе, потрясшем всю банковскую систему России, Дима слышал урывками из телевизионных новостей. Но какая в этом таится беда для художественного лицея, он пока не понимал.

— Видишь ли, курс рубля по отношению к доллару упал в десять раз, — начал растолковывать ему директор. — А плату за обучение Академия взимает с родителей наших учеников в рублях по соотношению к условным единицам, то есть к доллару. И теперь получается, что плата за обучение выросла в десять раз. Родители винят в этом дирекцию лицея. А что я могу сделать? Я был бы счастлив, если бы обучение было бесплатным...

Директор сделал большой глоток, обжёгся, поморщился и продолжал:

— Твоя бабушка оплатила обучение за второй семестр. Но как быть дальше? Она сделала какие-нибудь распоряжения на этот счёт?

— Бабушка не собиралась умирать, — тихо ответил мальчик.

— У тебя ещё есть родные? Кто-нибудь может за тебя заплатить?

— Мама тоже умерла, намного раньше. А об отце я ничего не знаю. Может, и его уже нет в живых...

Последние слова Дима произнёс скорее для себя, ибо не ждал больше отца, а это означало только одно, что для него этот человек умер.

— Может быть, у тебя есть какое-либо наследство?

— Наследство? — не понял Дима.

— Я понимаю, бабушка не собиралась умирать. Все мы хотим жить. Но она могла подумать о тебе и накопить какие-то средства.

— Быть может, она и копила.

— Ты об этом ничего не знаешь?

— Её квартиру ограбили в день её гибели.

— Страшные времена! — вскинул руки директор. — Но квартира останется за тобой?

— Об этом хлопочет соседка Валентина Сергеевна.

— Важно, чтобы у тебя было где жить. Она может стать твоим опекуном или усыновить. И всё у тебя будет хорошо. Очень важно сохранить квартиру за собой. Я не знаю все юридические хитросплетения, но мне кажется, что нет такого закона, который позволил бы тебя оставить на улице.

Директор слишком много говорил, это настораживало Диму.

— Значит, ты совершенно без средств? — в конце концов спросил он напрямую.

— Денег у меня нет, — ответил Дима.

Всеволод Иванович шумно вздохнул:

— Ты — самый талантливый ученик в лицее. Ты — гордость нашей школы. Но я даже не

могу выбить для тебя именной стипендии у Академии. Я бы очень хотел, чтобы ты остался учиться у нас. Но если к первому августа на наш расчётный счёт не переведут денег за твоё обучение, я буду вынужден тебя отчислить, Краснов. Если я этого не сделаю, меня снимут с работы. Понимаешь моё положение?

— Я всё понимаю, — допил чай Дима и отставил кружку. — Я могу идти?

— У тебя есть время найти спонсора, — подсказал директор. — Кто-то наверняка должен оценить твой талант. А пока спокойно сдавай экзамены...

Дима молча встал и вышел из кабинета.

Легко было директору лицея советовать: «спокойно сдавай экзамены!»

Как мог Дима оставаться спокойным, если угроза отчисления была неминуемой? Где и как искать спонсора, ведь мальчик даже с обычными людьми стеснялся заговаривать первым? И что же с ним дальше будет? Отправят в сиротский интернат? Или Валентина Сергеевна усыновит? Она несколько раз сказала, что никому квартиру не отдаст.

Последний разговор перед отъездом Дима хорошо запомнил. Валентина Сергеевна постоянно говорила о квартире, но теперь у Димы возникло чувство, что она больше заботилась о своей выгоде. У неё были взрослые сын и дочь, которые собирались обзавестись семьями. Возможно, Валентина Сергеевна мечила на освободившуюся квартиру. Дима всё равно учился в лицее. Главное — оформить наследство. А потом сын или дочь могут жить в Диминой квартире. Сам же он

после лица обязательно поедет в Москву, а может быть, в какой-нибудь другой город продолжать учёбу. А дальше видно будет.

Эти планы Валентины Сергеевны теперь могут рухнуть, если Дима вернётся. Меньше всего там нужен Дима. А это значит, что уходить из лица ему некуда и оставаться нет возможности. Эти мысли повергли его в отчаяние.

К вечеру весть о том, что в скором времени выскочку Краснова выпрут на все четыре стороны, разнеслась по всему лицу. Дима то и дело перехватывал ехидные улыбки своих однокашников. Здесь ему не приходилось рассчитывать на сочувствие. Если кто и сочувствовал, не мог это выразить открыто, потому что тут же попал бы под огонь насмешек недругов Димы.

Мальчик почувствовал себя так, словно жизнь закончилась: ведь у него нет будущего и, значит, не к чему заниматься творчеством, Диме хотелось умереть. А если так, то разве можно оставлять любимые рисунки? Над ними будут глумиться и обязательно уничтожат. Уж лучше самому предать их огню.

В лице сделать это было невозможно. К тому же все свои рисунки Краснов не мог унести за один раз. Тогда он положил в этюдник десятка два своих работ, сунул в карман коробок спичек и отправился в лес.

Однако и в лесу ему не захотелось разводить костёр. Давно не было дождей, стояла настоящая засуха. Мальчик опасался, что от костра может загореться лес. Поэтому он направился к старинному дворцу. Он не опасался встретить там посторонних: последние две недели стройка пустовала. Должно быть, и это результат финансового кризиса.

Но к своему удивлению у самого холма мальчик столкнулся с владельцем Голицынского дворца. Барин приветственно помахал Диме рукой и спросил:

— Как всегда пришёл рисовать?

— Не совсем, — замялся Краснов.

Он не подозревал, что Барин следил за ним ещё в Москве.

Едва только мальчик вышел из лица, как Кандидат, наблюдавший за ним с шоссе из машины, передал по сотовому телефону, куда направляется «объект». Барин уже второй час ходил кругами возле холма, делая вид, будто прогуливается, и костерил про себя мальчишку за медлительность.

С дружелюбным видом он приблизился к Диме и попросил:

— Можно посмотреть, что ты на этот раз принёс? Прежние рисунки мне очень понравились. Ты — настоящий художник.

Дима расцвёл от такой похвалы и протянул этюдник. На какое-то мгновение он даже забыл о своём намерении сжечь все работы. Его измученное сердце живо откликнулось на первое же доброе слово.

Раскрыв папку, Барин внимательно проглядел наброски и рисунки, сопровождая каждый восхищёнными замечаниями.

Слушая его, Дима подумал, что, пожалуй, погорячился, решив сжечь свои работы. Раз они у других вызывают восхищение, значит, должны существовать, жить своей жизнью! И Дима скомкал в кулаке коробок со спичками.

— Если бы я мог украсить твоими работами свою коллекцию! — воскликнул Барин. — Но пока, к сожалению, мои дела оставляют желать лучшего...

— Я заметил, — солидно кивнул головой мальчик. — Вы перестали реставрировать дворец. Кризис во всём виноват.

Барин сочувственно усмехнулся и польстил Диме:

— А ты башковитый парень! Кризис действительно всех подкосил. Но долго так не может продолжаться. Наступит и лучшее время. Надо только уметь быть терпеливым, уметь дождаться своего часа.

«Он прав, — подумал Дима, прижимая к груди этюдник с рисунками. — Надо быть терпеливым...»

— Давай знакомиться, меня зовут Владимир Павлович, — протянул Барин руку мальчику. — А тебя?

— Дима Краснов...

Их разговор затянулся на добрых три часа.

Проникшись абсолютным доверием к Владимиру Павловичу, мальчик рассказал ему всё о своей жизни. Впервые у него был такой терпеливый и любознательный слушатель.

Больше всего Диме хотелось с этим Владимиром Павловичем обсудить свою догадку об отце.

— Думаешь, он убил бабушку? — с интересом спросил Барин, когда Дима рассказал, как одновременно случились квартирная кража и наезд машиной на старую женщину.

— А вы не согласны? — спросил в свою очередь Дима.

— Отчего же? — глубоко задумался Барин. — Психологически это объяснить можно.

На самом деле Барин прикидывал, чем ему выгодна эта наивная мальчишеская догадка.

Когда начало вечереть, со стороны шоссе к дворцу подъехал белый «Мерседес». Из каби-

ны вышел Кандидат и приветственно помахал хозяину рукой.

— Это мой личный шофёр, — пояснил Барин и предложил мальчику: — Если хочешь, я подвезу тебя к лицу. Уже темнеет. Зачем тебе по лесу идти одному?

Дима не отказался.

По дороге Барин, сидевший рядом с мальчиком на заднем сиденье, неожиданно произнёс:

— Я очень хочу помочь тебе, Дима. Возможно, мой метод покажется тебе странным. Но не суди меня слишком строго.

— О чём это вы? — только и успел спросить мальчик.

Барин извлёк из внутреннего кармана пиджака тряпку, пропитанную хлороформом, и, обхватив левой рукой Диму за голову, правой крепко прижал тряпку к его носу.

Дима, которому не хватало воздуха, судорожно дёрнулся, вдохнул полной грудью хлороформ и обессиленно откинулся на спинку сиденья.

— Вырубился, как лампочка, — удовлетворённо констатировал Кандидат, наблюдавший за этой сценой в зеркало заднего обзора. — Только какого рожна ты столько времени лясы точил с ним? Неужели не мог вырубить пацанёнка раньше?

— Мне надо было узнать, что у этого чертёнка на уме, — признался Барин. — Когда затеваешь операцию, надо точно знать, о чём думают все её участники. Иначе может случиться прокол.

— Ну и что тебе наболтал наш юный художник? — поинтересовался Кандидат.

— Вполне достаточно, чтобы понять: он нам не опасен, — ответил Барин.

— И ты это выяснял три часа кряду? — едва

не расхохотался Кандидат. — На этого сопляка достаточно было только надавить...

— Ещё я понял, что этот пацан — идеальная приманка для папаши, — продолжал Барин. — Я столько времени башку ломал, пытаясь вспомнить, кого он мне напоминает. А как прочитал в досье, что у Мастера имеется единственный сын, да и тот юный художник, так сразу и ахнул...

— Так этот шпингалет — сын Мастера?! — изумился Кандидат.

— Он, кстати, очень отца напоминает, — кивнул Барин. — Скулы прямо-таки отцовские, и брови, и глаза. Только усов ещё не носит. А с усами был бы вылитый папаша!

— Вот так наживочка у нас! — ликовал Кандидат. — С такого крючка Мастер не сорвётся! Я только одного не могу понять: на кой ляд мне понадобилось давить ту старуху?

— Это его бабка, — кивнул Барин на неподвижно лежавшего мальчика. — Она была ему единственной опорой. А теперь у пацана ни малейшей надежды не осталось. Будь жива та старуха, она подняла бы на уши весь уголовный розыск. А сейчас кто будет хлопотать из-за пропажи этого пацанёнка? Исчез — и всё тут. Мало ли людей в России ежедневно пропадает! Кто их ищет? Вот и этого мальчугана искать не станут. В лицеё подумают, что он сам сбежал куда-нибудь... И будь так добр, сделай потише музыку. А то ещё разбудишь нашего гостя.

Эта просьба рассмешила Кандидата, но звук приёмника он уменьшил. Веселила Кандидата и мысль о том, что внук Анны Григорьевны сейчас спит в той самой машине, которая сбила его бабушку.

Кандидат непервой выполнял поручения

такого рода. Но впервые ему довелось давить женщину машиной. До сих пор он орудовал иначе: снайперской винтовкой, пистолетом или ножом. Однако на сей раз Барин строго-настрого приказал ему, чтобы всё выглядело как несчастный случай.

Кандидат взял себе на помощь трёх человек, которым поручил следить за старухой на пути от дома к магазину. Наблюдатели имели сотовые телефоны и докладывали Кандидату, куда движется пожилая женщина. Когда Анна Григорьевна вышла к пешеходному переходу, Кандидат на белом «Мерседесе» уже подъехал к тому месту.

Но с первого раза задавить старуху не удалось. Она шла рядом с двумя женщинами. Если бы Кандидат в тот момент нажал на педаль газа, то задавил бы не одного, а трёх человек. Это уж никак не походило бы на несчастный случай!

Пришлось ожидать новой возможности. И она подвернулась, когда Анна Григорьевна возвращалась из магазина. На этот раз старая женщина вышла на проезжую часть одна, рядом с ней не было других пешеходов. И хотя горел зелёный свет пешеходного светофора, белый «Мерседес» вдруг сорвался с места, в считанные секунды развил большую скорость и сбил Анну Григорьевну...

Вернувшись в гараж, Кандидат сменил испачканные номера: случайные свидетели могли разглядеть их. Завтра он собирался перекрасить «Мерседес» в другой цвет — в синий, его любимый... Но, как оказалось, у шефа были другие планы насчёт того, как проведёт завтрашний день Кандидат.

— Завтра отправляешься на свиданку с Мас-

тером, — лениво произнёс Барин, когда они подъезжали к даче у Воскресенска.

— А куда именно? — уточнил Кандидат.

— Нынче он топчет зону в Мордовии, недалеко от Саранска. Быстро доберёшься туда.

— И что я скажу ему? — спросил Кандидат.

— Поговори с ним по душам. Скажи, что его сынок гостит у меня. Скажи, что я соскучился и хотел бы его увидеть. Скажи, чтобы не медлил и быстренько двигал ко мне. Ну, в общем, сам найдёшь, что ему сказать! Главное, втолкуй, чтобы он был у меня уже через неделю. А иначе, добавь, у сыночка возникнут серьёзные проблемы со здоровьем.

— Из зоны уйти не так-то просто, — покачал головой Кандидат.

— Ему организуют побег, было бы только у него желание уйти, — поморщился Барин.

— А что же сам к нему не съездишь? — пошутил Кандидат. — Вам нашлось бы о чём поболтать... Нашлось бы о чём вспомнить... Или у тебя тут дел невпроворот?

— Я бы съездил, — вздохнул Барин. — Но вряд ли он меня станет слушать. Верней всего, он придушит меня сразу же, как увидит. Так что без твоего посредничества никак не обойтись. Ты уж постарайся...

— Рад стараться, — заверил Кандидат, останавливая машину перед массивными высокими воротами дома и подавая сигнал охранникам, чтобы открыли.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

БЕГСТВО МАСТЕРА

Он радовался приближению ночи. Он знал, что с наступлением темноты погоня, которая наверняка уже началась, прекратится.

Солнечный свет угасал прямо на глазах. Лес словно засыпал, и, должно быть, оттого в нём царила гулкая тишина. Поднимая взгляд, Мастер замечал отблески догорающей зари на вершинах высоких сосен. Но от земли уже тянуло сыростью и холодом. Сухой аромат смолистых ветвей слабел. Тем сильнее чувствовался приторный запах дыма, которым тянуло весь день с дальнего лесного пожарища по ту сторону болота.

Ночь опускалась на окрестные леса и болота, тянувшиеся на сотни километров.

Узкая, едва заметная тропинка вилась между деревьями. Ноги человека то скользили и разъезжались по прошлогодней, плотно слежавшейся хвое, то цеплялись за узловатые корневища. Всякий раз человек чертыхался, но шагу не сбавлял. Он должен был уйти как можно дальше от зоны. Ему предстояло заночевать в заброшенной сторожке, оттуда его должны были забрать под утро те, кто устроил этот побег.

Человек был одет в потрёпанные серые

штаны, блекло-красную рубашку, потёртую куртку и обут в старые ботинки, давно «просившие каши». Он часто поглаживал ладонями коротко стриженную голову и пристально вглядывался вдаль.

В лесу совсем стемнело. Но глаза человека, привыкшие к постепенному переходу от света к темноте, различали вокруг неясные, призрачные силуэты деревьев. Его ноздри жадно вдыхали тягучий травяной запах, плывший со стороны далёких полей. Для человека это был запах свободы.

Там, на свободе, человека ждал его единственный сын. Человек спешил увидеться с ним. Он чувствовал в себе огромные силы — он был способен сокрушить любые преграды, которые возникнут на его пути.

Внезапно едва видневшаяся тропинка круто устремилась вниз. Человек заметил, что его ноги ступают по густой траве мягко и неслышно, как по ковру. Он понял, что спустился в низину и добрался до болота. Теперь для него было важно не сбиться с пути, попасть к сторожке. Иначе можно угодить в болотное «окно».

Неожиданно над болотом раздался протяжный и печальный крик выпи. Этот крик был похож на плач ребёнка, и человек снова вспомнил о своём сыне.

Когда он угодил в тюрьму, сыну было слишком мало лет, чтобы он запомнил отца. Мать погибла, и сына взяла бабушка. Из мордовского лагеря, в котором отбывал срок, человек написал несколько писем теще с просьбой приехать к нему на свидание с сыном. Но та в ответ заявила, что этот ребёнок ему уже не принадле-

жит, что она скажет мальчику, когда тот подрастёт, будто отец его умер.

Человек часто думал о сыне. Порой в душе он соглашался с тещей и решал никогда не напоминать о себе. Пусть лучше ребёнок думает, что у него нет отца! Это лучше, чем знать, что отец — уголовник, дважды судимый!

Но гораздо чаще человек твердил себе: ребёнок не должен расти без отца! Он был, конечно, плохим отцом. Но у него будет шанс загладить свою вину перед сыном. И он сделает всё, чтобы сын вырос достойным человеком!..

А туман между тем буквально окутывал беглеца. Его влажное и липкое прикосновение он чувствовал на своём лице. И болото казалось человеку живым огромным существом, которое шумно дышало и было недовольно его неожиданным вторжением.

От земли подымался тяжёлый запах гнилых водорослей, сопревшей травы, полуистлевших ветвей, сырых грибов. Почва пружинила под ногами. Человек чувствовал, как хлопает вода у него в ботинках. При каждом шаге раздавалось громкое чавканье жирной тины.

Человек поневоле замедлил шаг, опасаясь угодить в трясины. Судя по объяснениям, которые он получил накануне, заброшенная сторожка должна была находиться где-то поблизости, на краю болота. Но в сгущавшейся тьме каждый шаг мог оказаться роковым. К счастью, на небе, в разрыве облаков, показалась луна, и человек увидел, что стоит у края чёрной прорвы. Подайся он ещё немного вперёд, и трясина моментально поглотила бы его. Но чуть правее, в метрах двадцати, возвышалась на сваях лесная сторожка.

Крутая лестница вела на крыльцо. Поднявшись, человек нащупал у самой двери на полу большой пластмассовый электрический фонарь. Этот фонарь был оставлен здесь для него — об этом предупредил Кандидат.

Человек впервые встретил Кандидата «на свиданке» несколько дней тому назад. Переступив порог комнаты для свиданий, он страшно удивился присутствию этого типа. Тот тоже рассматривал его во все глаза.

«Уж не перепутало ли начальство? Точно ли он ко мне? — подумал человек. — На розыгрыш это не похоже. Лагерное начальство так не шутит...»

Они уселись за деревянным столом друг напротив друга. Надзиратель вышел из комнаты и с лязгом захлопнул дверь.

— Так вот ты какой, Мастер, — произнёс посетитель, уставясь на человека точно так, как ребёнок в зоопарке глядит на бегемота или на слона.

— А ты кто такой? — отрывисто бросил Мастер.

— Нижайший поклон вам от Владимира Павловича Барина, — продолжал Кандидат, свёрля Мастера взглядом.

— Ты ему кто? — тихо повторил Мастер.

— Вы меня не можете знать, — словно извинился Кандидат. — В те времена, когда вы с Владимиром Павловичем работали вместе, я ещё учился в аспирантуре. Я, кстати, всерьёз подумывал о том, чтобы защищать диссертацию... Но потом все пути-дорожки разошлись. У вас — с Владимиром Павловичем, у меня — с наукой. Так что теперь я вас временно подменяю.

— Искренне сочувствую, — вздохнул Мастер. — Когда запахнет жареным, Барин сдаст тебя так же, как сдал меня.

— Он — настоящий гений, — серьёзно произнёс Кандидат. — Он не допустит, чтобы запахло жареным.

— Ну-ну, — снисходительно кивнул Мастер. — Так ты припёрся сюда из Москвы, чтобы воздавать хвалу своему шефу?

— Не совсем. Владимир Павлович предлагает вам проверить одно выгодное дельце. Он полагает, что только вы способны всё сделать так, что комар носа не подточит. Само собой, ваше усердие будет щедро вознаграждено.

«Да он психически больной! — подумал Мастер. — Неужели не знает, что все помещения для свиданий прослушиваются?..»

По выражению его лица Кандидат сообразил, о чём думает собеседник, и поспешил успокоить.

— Напрасно вы беспокоитесь, нас не подслушивают.

— Почему ты в этом так уверен? — удивлённо вскинул брови Мастер.

— Всё оплачено, — заверил Кандидат. — Владимир Павлович не поспешил, чтобы вытащить вас отсюда. Вам куплен настоящий «коридор» на волю. Послезавтра вас поведут на работу за территорию лагеря. Вы сразу же уйдёте. Охрана заметит ваше отсутствие только на вечерней проверке. За это время вы доберётесь до болот. За вами вышлют погоню. Но в болотах собаки потеряют ваш след. К вечеру достигнете старой сторожки лесника. Переночуете, а на рассвете двинете через болото на север.

Достигнете шоссе. Я буду ждать вас там на машине. Мы покинем этот район до того, как его оцепят. У нас в запасе будет достаточно времени, чтобы доехать...

— Нет, ты действительно полный кретин! — перебил его Мастер. — Какого рожна ты заливаешь? Какого рожна я в бега подамся? Мне осталось пять месяцев зону топтать. Уж как-нибудь перетерплю этот срок...

Лицо Кандидата помрачнело. Он решил, что пришла пора переходить от увещаний к угрозам.

— Нет, это ты — кретин! — огрызнулся он. — Неужели ты полагаешь, что Барин стал бы вытаскивать тебя отсюда, если бы не острая нужда?

— С Бариним у меня будет особый разговор, — пообещал Мастер. — Через пять месяцев я с ним повстречаюсь и поговорю начистоту.

— Начистоту? Любишь откровенничать? — усмехнулся Кандидат. — Ну, тогда я тоже буду с тобой откровенен. Барин не испытывал ни малейшего желания встречаться с тобой на воле. Он считает тебя эмоционально неуравновешенным. Ты слишком часто даёшь волю страстям.

— Когда окажусь с ним лицом к лицу, то дам волю этим самым страстям, — поклялся Мастер.

— Все эти годы Барин ждал, что ты загнёшься в лагере, — продолжал Кандидат. — Но ты упорно не желал подыхать. Тогда Барин решил тебе помочь. Он кое с кем договорился тут и кое-что заплатил... В общем, за два месяца до выхода на волю ты получишь нож под лопатку.

Так что выбирай: или ты выходишь на волю послезавтра, или не выходишь вообще!

— Я Барину не верю и угрозы его не боюсь, — спокойно заявил Мастер. — За предупреждение спасибо. Буду осторожен. Постараюсь не поворачиваться спиной к мокрушникам. А бояться впору не мне, а самому Барину. Передай ему от меня дружеский совет: пускай подыскивает себе гроб попримечнее.

— Ты — смелый дурак! — восхитился Кандидат. — За свою шкуру не дрожишь, жизнь тебе не дорога. А жизнь этого пацанёнка тебе дорога?

Он положил на стол чёрную кожаную папку и подвинул к собеседнику. Открыв папку, Мастер увидел несколько фотографий, рисунков и свидетельство о рождении Димы Краснова. На снимках Дима был запечатлён в возрасте пяти лет — рядом с мамой, в возрасте десяти лет — рядом с бабушкой и в возрасте двенадцати лет — на фоне Коломенского лица.

Мастер сразу понял, что видит своего сына. Он провёл большим пальцем по фотографии, словно погладил сына по щеке. Затем посмотрел его рисунки — наброски с коломенских достопримечательностей и Голицынского дворца.

«А у него есть способности!» — с гордостью подумал отец.

С трудом подавив тяжёлый вздох, Мастер равнодушно отложил фотографии и рисунки. Ему не давала покоя мысль о метрике Димы. Как она оказалась у Барина? Неужели Анна Григорьевна действует в сговоре с этими преступниками? Что-то на неё не похоже!

— Извини, чуть не забыл. Вот ещё одна фотка. Думаю, тебе будет интересно на это взглянуть, — Кандидат извлёк из внутреннего кармана пиджака ещё один снимок и протянул Мастеру.

На этом снимке Дима был сфотографирован рядом с Бариним: они стояли возле белого «Мерседеса».

«Этот гад испортил жизнь мне. Теперь хочет испортить моему сыну! — с ненавистью подумал Мастер. — Только бы добраться до него! Я ему, подлецу, сердце вырву! Я его заставлю страдать так же, как я страдал!..»

И этот снимок Мастер спокойно откинул в сторону и равнодушно произнёс:

— Мне до этого щенка дела нет. Есть у тебя ещё какие-нибудь вопросы ко мне?

Кандидат не ответил, напряжённо вглядываясь в собеседника, пытаясь разгадать, что у него на уме.

А Мастер вспомнил, как в этой комнате три года назад ему зачитали отказ Генерального прокурора на его прошение о досрочном освобождении. Он сидел на этом же месте, от окна тянуло сыростью. На улице шёл дождь, было слышно, как капля за каплей звонко падали с крыши на жестяной подоконник, а в его душе царила серая и терпеливая скука. Мастер думал тогда о том, что так и не увидит сына, что предстоит пережить, перетерпеть сотни дней и ночей, прежде чем снова в его жизни появится надежда.

И вот теперь эта надежда рушилась. Мастер понимал, что Кандидат не лжёт — наверняка кто-то из осуждённых уже приготовил финку, которую постарается всадить ему под

лопатку. Но пока была угроза только для его жизни, Мастер чувствовал себя более-менее уверенно. За себя он мог постоять, но кто постоит за его сына?!

Тем временем Кандидат решил, что пора выкинуть главный козырь в игре.

— Ладно, больше я тебя уговаривать не буду, — сказал он, складывая фотографии и рисунки в папку. — Ты уже всё равно покойник. Но перед своей смертью ты получишь от Барина фотографию. На фотографии будет запечатлён тот же мальчик. Но его голова будет немного отделена от туловища. На каких-то пять сантиметров, совсем немного. Барин даже рамочку тебе пришлёт, чтобы ты вставил в неё фотку и хранил у себя под подушкой, как самое дорогое воспоминание.

Он громко отодвинулся на стуле, поднялся и не спеша направился к звонку у двери. Но когда Кандидат уже протянул руку, чтобы вызвать дежурного, Мастер негромко окликнул его:

— Ты кое-что забыл.

— И что же? — живо обернулся Кандидат.

— Забыл назвать условия.

— Какие условия? — переспросил Кандидат, которому эта игра доставляла огромное удовольствие.

Ему нравилось сознавать, что сейчас он обладает почти безграничной властью над этим человеком.

— Что я получу за то, что дам дёру и выполню просьбу Барина? — уточнил Мастер.

— Сына и тридцать миллионов деноминированных рублей. Это хорошие деньги, — даже причмокнул от удовольствия Кандидат. — С та-

кими деньгами ты без труда заметишь за собой следы.

— Солидный гонорар, — недоверчиво усмехнулся Мастер. — С чего это Барин так расщедрился? На него это не похоже...

— Во-первых, это моральная компенсация за то, что по его вине ты столько лет топтал зону, — начал перечислять Кандидат. — Во-вторых, шефа поджимают сроки. ФСБ наступает ему на хвост. Так что дельце придётся проверить в предельно сжатые сроки. У тебя почти не будет времени на подготовку. На раздумья времени тоже нет, поэтому Барин намерен действовать решительно...

— Я тоже намерен действовать решительно, — спокойно произнёс Мастер. — Так что давай, ещё раз подробно опиши мне маршрут через болото.

Кандидат самодовольно усмехнулся, сел за стол и начал излагать план:

— Итак, послезавтра вас будет конвоировать смена, которой хорошо заплачено...

Луч фонаря, который держал в руках Мастер, осветил большую, закопчённую, пустую и холодную избушку. Вдоль двух тёмных бревенчатых стен, сходясь к переднему углу, тянулись широкие дубовые скамейки. Весь противоположный угол занимала большая печь, из которой давным-давно выветрились остатки тепла. Однообразно, через короткие промежутки, стрекотал, навевая дремоту, спрятавшийся за печкой сверчок.

«Что же за игру затеял со мной Барин?» — думал Мастер, усевшись на скамью возле дверей.

Он ни на йоту не доверял бывшему напарнику. Поначалу у Мастера было подозрение, что вся эта канитель затеяна только для того, чтобы охрана застрелила его во время побега. Но побег прошёл на редкость благополучно: охранники демонстративно смотрели в другую сторону, когда Мастер шмыгнул в кустарник, густо разросшийся возле лесной просеки.

Мастер двигался по лесу быстро, чередуя бег с широким шагом. Он старался не задеть ни единой веточки. Во второй половине дня ему показалось, что слышит в отдалении собачий лай. Но к тому времени Мастер достиг болота — здесь собаки уже не могли взять его след...

«Утром погоня возобновится, — размышлял он, укладываясь на лавку и закидывая руки за голову. — Может, Барин хочет, чтобы меня арестовали здесь и впаяли ещё несколько лет за побег? Как-то недальновидно... Ведь эти годы он всё равно будет жить в страхе, думая о моём возвращении... Нет, похоже, я в самом деле нужен ему позарез! Но в живых он меня не оставит. Как только добуду ему деньги, он сразу захочет меня похоронить... Какой там куш! Надо быть начеку!..»

Ему почудился невнятный шум снаружи. Он вскочил на ноги, тихо приоткрыл двери и вышел на крыльцо. Но вокруг ничего не было видно, кроме плотного, серого, влажного тумана. Высокое крыльцо, казалось, плывёт в этом клубящемся тумане, как лодка по реке.

«Померещилось!» — с облегчением подумал Мастер.

Где-то далеко, за этими туманами, ожидал его помощи сын.

— Я иду к тебе, сынок, — тихо произнёс Мастер. — Мы скоро увидимся.

Он вернулся в сторожку, снова лёг на скамейку и долго не мог уснуть, прислушиваясь к ночным звукам, приобретающим в темноте такую странную отчётливость. Усталость взяла своё — Мастер задремал, но проснулся от внутреннего толчка и сразу понял, что близится рассвет — пора в дорогу!

Поёживаясь, он вышел из сторожки и спустился с крыльца. Из-за обступавших болото деревьев не было видно восхода солнца, но его свет проникал сюда и прибывал к земле мутно-белые завесы тумана.

Издали долетел звук автомобильного сигнала. Это мог быть Кандидат, но мог быть и сигнал конвойной машины. В любом случае, Мастеру некуда было возвращаться. Он мог идти только в ту сторону, к шоссе!

Мастер вздохнул, влажная волна густого тумана хлынула в его лёгкие и заставила раскашляться. Человеку вдруг жадно, почти до боли захотелось увидеть солнце и вдохнуть свежий, чистый воздух летнего утра. Низко пригибаясь, чтобы различить тропу, Мастер скорым шагом направился прочь от сторожки.

Туман оседал ему на лицо, ощущался на губах, увлажнял усы и ресницы. Мастер думал о том, какая жуткая, уродливая жизнь копошится по ночам в этом огромном, непроходимом болоте, какие твари извиваются и ползают между мокрым камышом и корявыми кустами вербы.

«Разве это болото — не моя жизнь? — думал Мастер. — Разве не я сам загнал себя в это болото? Разве не с такими гадами мне постоянно приходилось иметь дело?»

Но с каждым шагом дышать становилось всё легче и легче. Словно выбираясь из глубокой и сырой пропасти, Мастер взбежал наконец на высокий песчаный бугор и едва не задохнулся от охватившей его острой радости. Туман лежал белой колыхающейся гладью у его ног. А над ним сияло голубое небо и шептались душистые зелёные ветви деревьев. Человек раскинул руки навстречу золотым лучам солнца и едва не запёл.

Он думал о том, что не завяз безнадёжно в болоте жизни, а лишь прошёл по самому краю. Думал, что для него ещё не всё потеряно, что он ещё выберется из болота и будет счастлив...

Добравшись до шоссе, он притаился за придорожным кустарником. Снова раздался автомобильный сигнал, а затем вдали показался белый «Мерседес».

Мастер осторожно шагнул на обочину и помахал рукой. «Мерседес» сразу же развил скорость и помчался в его сторону, а потом резко затормозил, оставив чёрный отпечаток на асфальте. Кандидат опустил окно водительской дверцы и приказал:

— Садись на заднее сиденье! Там новая одежда и твои новые документы.

Едва Мастер устроился в салоне, машина рванула с места.

— Ты не слишком разогнался? — заметил Мастер, стаскивая с себя старую поношенную одежду. — Так и до аварии недалеко.

— Я хорошо вожу машину, — похвалился Кандидат. — Нам сейчас лучше поторопиться.

Посты милиции наверняка уже получили ориентировку на тебя...

К полудню они выехали из Мордовии и пересекли границу Рязанской области. Там Кандидат свернул в ближайший лес, где сжёг старую одежду и обувь Мастера.

— Эта обувка немного жмёт, — поморщился Мастер, примеряя новые лакированные туфли.

— Какой у тебя размер? — спросил Кандидат, покупавший обновку Мастеру.

— Сорок с половиной.

— А Барин сказал, что у тебя тридцать девятый с половиной! — с досадой воскликнул Кандидат. — Извини, ошибочка вышла!

— За эту ошибку я тебя извиняю, — кивнул Мастер. — Кстати, а как ты раздобыл ту метрику о рождении мальчугана? Небось, пришлось основательно надавить на его бабушку? Она — женщина волевая...

— На неё не давили, её только раздавили, — изрёк хохму Кандидат и рассмеялся: — Она так смешно руками взмахнула, когда в неё тачка врезалась. Прямо, как лопасти вертолёта.

И он взмахнул руками, передразнивая предсмертный жест Анны Григорьевны.

— А кто за рулём сидел? — безразличным тоном поинтересовался Мастер. — Уж не ты ли?

— А твоё какое дело? — огрызнулся Кандидат. — Сам знаешь наши правила. У кого язык шибко длинный, тому его подрезают. А кто суёт нос не в свои дела, тому его вообще отрезают. Так что не суй нос не в свой вопрос!

«Значит, это он задавил тёщу, — понял Мастер. — Ко мне эта женщина относилась отвратительно. Я не заслуживал такого отношения.

Но всё-таки её жаль. Эту смерть нельзя оставлять без наказания. Кандидат совершил ошибку, за которую ему прощения не будет... Я знаю, что Дима любил бабушку».

— Вы что, убили её из-за метрики? — спросил Мастер.

— Кто сказал, что убили? — прикинулся наивным Кандидат.

— Только что сам...

— Я только показал, как она взмахнула руками, — засмеялся Кандидат. — Бабушка случайно попала под машину.

— Ладно мне лапшу вешать на уши, — хмуро сказал Мастер. — Они не для того.

— А для чего? — живо поинтересовался Кандидат. — Слушать да подслушивать? А? На ус наматываешь?

— Заткнись!

— Не я убил эту бабку, — соврал Кандидат. — Барин.

— Зачем мне знать?

— Меня не обведёшь. Я заметил, как ты перестал дышать, узнав про тещу. Что я — бестолковый? Хотя вы и не ладили, а бабка воспитывала внука, пока ты мотал срок.

— Думаешь, я за неё рассчитаюсь? — усмехнулся Мастер.

— Первое, что подумал.

— Поэтому назвал Барина?

— Может, поэтому, а может, совсем по-другому... Я о тебе слышал. Ты не из тех лохов, что позарятся на деньги. И уж не сомневаюсь, что Барину мало веришь. На всякий случай запомни, что без товарища трудно.

— Предлагаешь дружбу?

— Я ничего не говорил такого. Треплюсь

просто. Умный поймёт, дураку — незачем. Я Барину не скажу, что ты дружбу предлагал.

— Ловко ты повернул! Значит, я в дружбаны лезу? Молодец, Кандидат! Хорошо, я запомню, болтать не стану. Да и бояться тебе нечего, у меня с Бариним старые счёты. В жилет ему плакаться не собираюсь.

Такой произошёл между ними разговор, ни к чему не обязывающий, но с потайным смыслом. По крайней мере, Мастер теперь знал, что Кандидат не больно-то обожает Барина. Человек он явно с двойным доньшком. Такой на всё пойдёт, чтобы спасти свою шкуру. И никогда нельзя доверять таким типам, но воспользоваться ими иногда выгодно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ

Барин встретился с бывшим напарником на даче Кандидата, в десяти километрах от Каширы. Он там ждал приезда гостя.

Когда обговаривалось место встречи, хозяин дома пробовал протестовать:

— Почему именно у меня? У меня в доме всегда беспорядок, всегда не прибрано. В общем, не дом, а сплошной свинарник. Даже как-то совсем не то... не деловая обстановка.

— Ну, не могу же я поселить его в своём доме, — резонно заметил шеф.

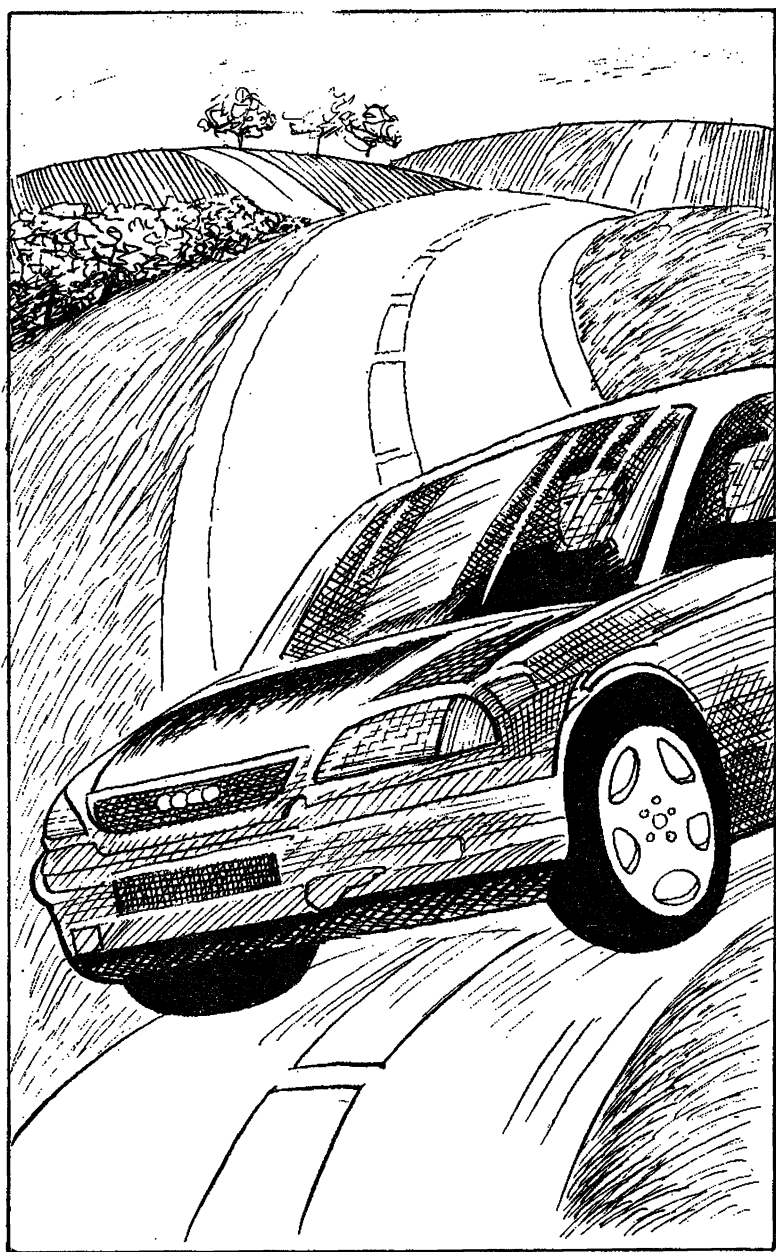
— Да что, он ещё и жить у меня будет?

— Там ведь у меня — юный художник. Если Мастер окажется вместе со своим сыночком, то найдёт способ улепетнуть. И тогда вся операция накроется медным тазом! Нет, эту парочку надо держать на расстоянии друг от друга... И запомни: ты должен стать тенью Мастера. Следи за каждым его шагом. Это очень хитрый прохвост.

— Но ведь ты же сумел его перехитрить, — польстил боссу Кандидат. — Даже в тюрьму устроил.

— В те времена он верил мне, — вздохнул Барин. — Вряд ли я смогу вновь воспользоваться... Он будет настороже.

Когда «Мерседес» с Кандидатом и Мастером подъехал к воротам дачи, Барин вышел их встречать в сопровождении двух охранников. Этих головорезов он прихватил с собой, всерьёз опасаясь, что при первой же встрече Мастер попытается придушить его. Когда Мастер вышел из салона, Барин гостеприимно раскрыл объятия и воскликнул:

— Рад тебя видеть на свободе!

Мастер промолчал. Но по его виду можно было понять, что он вовсе не в восторге от того, что Барин всё ещё коптит воздух на свободе. Барин это понял, сложил руки на животе и сокрушённо покачал головой:

— Мы оба друг другу не нравимся. Но сейчас лучше забыть о взаимной антипатии. Всё-таки мы вынуждены быть вместе, делать одно дело...

— Где мальчик? — спросил Мастер.

— А он здесь при чём? — удивился Барин, недовольно хмурясь оттого, что его перебили.

— Я хочу увидеть сына, — потребовал Мастер. — Пока я не буду убеждён, что с ним всё в порядке, никакой работы от меня не жди. Уговор есть уговор.

Всё это время он мысленно прикидывал, сумеет ли справиться с этой оравой, если ему сейчас покажут Диму. Двух головорезов он, пожалуй, уложил бы. Но наибольшую опасность представлял Кандидат, который постоянно топтался у них за спиной и явно имел при себе «ствол».

— Идём, — сказал Барин и направился в двухэтажный бревенчатый дом с зелёной черепичной крышей.

Однако мальчика в доме не оказалось. Вместо этого Барин предложил бывшему напарнику

устроиться в кресле, стоявшем напротив видео-двойки — телевизора с видеомангнитофоном, включил её и вставил видеокассету.

На экране возникла комната, в которой сын Мастера стоял перед мольбертом и рисовал натюрморт — глиняный кувшин рядом с яблоками и апельсинами. В нижнем углу кадра цифрами обозначалась дата съёмки — утро сегодняшнего дня.

— Эй, Дима, — раздался из-за кадра голос Барина, который, по-видимому, и снимал это всё на видеокамеру. — Посмотри, пожалуйста, в объектив.

Мальчик послушно обернулся.

— А теперь скажи: «Привет, папа. Сделай всё, как просит этот дядя!» — потребовал всё тот же голос.

Мальчик угрюмо промолчал и отвернулся.

— Мы же с тобой договорились?! — угрожающе воскликнул Барин. — Ну как же так! Мужское слово должно быть твёрдым. Ты обещал соблюдать наши условия, чтобы всё хорошо кончилось.

Мальчик вновь посмотрел в объектив видеокамеры и тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Привет, папа.

Затем он расплакался.

— Да что такое? — прозвучал недовольный голос Барина. — Ты же не девчонка!

Дима вытер слёзы и сказал в объектив:

— Делай, папа, так, как он попросит.

Экран телевизора потемнел. Съёмка закончилась.

Барин вскинул руку с дистанционным управлением, отключил телевизор, извлёк видеокассету и передал Мастеру.

— Я тебе её дарю. Можешь смотреть, сколько твоей душе угодно.

— Где он? — тихо спросил Мастер.

— Ты же мог догадаться, что я не поселю вас вместе, — пожал плечами Барин. — После того, как завершится операция, у вас будет время вдоволь почесать языками...

— Где он? — настойчиво повторил Мастер.

— В одном укромном местечке. Я создал ему все условия для творческой работы. Он не может пожаловаться на строгое обращение. Я обещал ему встречу с тобой. Он мне не поверил. Кажется, он вообще не верит, что ты до сих пор жив.

— Меньше трепись. Где он?

— Ты же не хочешь, чтобы и в самом деле тебя не было в живых? — прямо-таки мурлыкал Барин. — У тебя появился редкий шанс приятно разочаровать сына. А то он что-то ведёт себя странно по отношению к тебе.

Мастер понял, что угрозой ничего не возьмёшь, сила на стороне Барина. Добиваться своего нужно хитростью.

— Так какое у тебя дело ко мне? — скрестив ноги и удобно расположившись в кресле, поинтересовался Мастер. — Но учти одно: я тебе не верю. Поэтому ты каждый день будешь показывать Диму на плёнке. Если что с ним случится, тебе не жить.

И Мастер небрежно бросил кассету в руки Барина.

На следующее утро «Мерседес», в котором сидели Кандидат, Мастер и Барин, катил по шоссе между Луховицами и Зарайском. Сидев-

ший на переднем сиденье Мастер задумчиво разглядывал прилегающие к дороге равнинные поля, а сидевший за рулём Кандидат охотно давал пояснения.

— Вот в этом месте менты чуть не поджарили нас! — сказал он, слегка сбавляя скорость. — Мы думали, фургон привёз нам деньги. А в кузове легавые с пушками оказались. Пятерых наших тогда повязали. Если бы не шеф, отдыхали бы мы сейчас на нарах вместе с остальными ребятами. Ну и газанули мы тогда! Я едва успел с жизнью попрощаться...

— Кстати, удобное место для засады, — определил Мастер. — Пока это единственный отрезок дороги, где лес подходит к шоссе. В остальных местах негде спрятаться.

— Да мы не засаду здесь устраивали, — поморщился Барин. — У меня была договорённость... Всё должно было пройти мирно, без пальбы. Но мои партнёры нарушили договор и теперь осваивают камеру предварительного заключения. Надеюсь, ты не станешь нарушать нашу договорённость?

— Как далеко отсюда до шахты? — проигнорировал его вопрос Мастер.

— Километров шесть, не больше, — ответил Кандидат.

— Значит, здесь они уже утратят бдительность, — определил Мастер.

— С чего ты взял? — удивился сидевший на заднем сиденье Барин.

— Поставь себя на место водителя и охранника, — предложил Мастер. — Они едут от самой Москвы, всё время в напряжении. Но по дороге с ними не происходит никаких эксцессов. А тут до конечного пункта рукой подать. Разу-

меется, они с облегчением переведут дыхание. Они не будут ожидать подвоха. Вот здесь и надо брать их за жабры.

— Даже если они и расслабятся, это ненадолго упростит задачу, — покачал головой Барин. — У этого фургона броня, как у танка. Стёкла не пробьёшь даже гранатомётом. Двери герметичны, прочно закрываются изнутри. Створки кузова тоже открываются изнутри. В кабине водитель и охранник могут выдержать долгую осаду и дожидаться подкрепления. Кроме того, охранник постоянно поддерживает связь с центральным пунктом по сотовой связи. Как только он заподозрит что-то неладное, сразу же доложит в центр. И тогда сюда помчатся менты со всех ближайших постов. Нас поджарят, как семечки на сковороде!

— Из того, что ты мне рассказал, самым неприятным является сотовая связь, — задумчиво произнёс Мастер. — Конечно, трудно взломать фургон, когда менты дышат в затылок. Значит, нужно создать «мёртвую зону» на дороге.

— Какую зону? — уточнил Кандидат.

— Такую, в которой радиосигналы не смогут поступать на центральный пульт, — пояснил Мастер. — Для того, чтобы операция прошла чисто, мне нужно десять-двенадцать минут. За это время я смогу сосредоточиться и вскрыть фургон, как консервную банку. Значит, зона, в которой сотовая связь будет бездействовать, должна составлять три-четыре километра.

— Для этого тебе понадобится изменить траекторию спутника на околоземной орбите, — усмехнулся Барин. — Сигнал сотового телефона, как ты знаешь, идёт в космос, а уже

оттуда поступает в Москву. Не хотел бы показаться занудой, но такие расходы мне не по карману.

— А если сигнал вообще не будет поступать с Земли? — потер ладонью подбородок Мастер.

— Куда же сигнал денется? — удивился Барин. — Ты же не можешь приказать охраннику отключить телефон?

Мастер взял из бардачка блокнот в кожаном переплёте, ручку и неровными линиями набросал чертёж.

— Смотри, сигнал идёт из машины вот в таком диапазоне. Но если здесь и здесь установить улавливатели радиочастот, то сигнал уйдёт в сторону. А если здесь и здесь поставить передатчики, они экранируют все сигналы на этом участке дороги.

— Где ты этому научился? — спросил потрясённый Барин. — Я знал, что для тебя не проблема взломать любой замок. Но о твоих познаниях в радиотехнике узнаю впервые...

— На лесоповале я мотал срок с одним парнем, классным специалистом по таким вопросам, — ответил Мастер. — У нас с ним был, что называется, взаимный обмен опытом. Я его научил любые сейфы щёлкать, как орехи. А он меня научил любую радиоволну заставлять работать на себя... Обмен жизненным опытом.

— Если вы такие умные оба, то почему делились опытом на лесоповале? — рассмеялся Кандидат.

— Поздно его встретил.

— Тогда понятно.

— И была ещё одна причина.

— Какая же?

— Мы оба доверяли тем, кому не следовало

доверять, — нахмурился Мастер. — Одинаково обожглись.

Барин поспешил уйти от этой скользкой темы. Но Кандидат не смог сдержать любопытства.

— Какая же это причина? — спросил он. — Боялись выйти на волю?

— Не хотелось расставаться.

— Что-то ты меня совсем запутал.

— Нам нравилось строить планы, как отплатить обидчикам. Десять вариантов надумали. Один другого лучше.

Такой разговор вовсе не устраивал Барина, он хотел накинуться на Мастера, обложить его матом, но сдержался. Дело — важнее всего. Надо добыть купюры. А там Барин не упустит случая вовремя обезвредить Мастера.

— Так какое оборудование тебе нужно, чтобы погасить сотовую связь фургона? — деловито поинтересовался он.

Мастер исписал две страницы блокнота, вырвал и передал Барину. Тот прочитал и спросил:

— А сколько времени займёт установка датчиков?

— Полдня.

Барин повертел на указательном пальце правой руки брелок от ключей и вздохнул:

— Ты меня разоришь такими покупками... Ладно, к вечеру всё это будет у меня на руках...

— Это ещё не всё, — продолжал Мастер. — Для операции нужны пистолеты с шокowymi патронами.

— А чем тебя обычные пушки не устраивают? — удивился Барин.

— Мне не нужна мокруха, — объяснил Мас-

тер. — Я вырублю охранников шокотером. Они отключатся на полчаса, а когда очухаются, мы уже будем далеко. А в кабину я проберусь с помощью пластиковой взрывчатки. Это особый препарат, который можно хранить в тюбиках вроде зубной пасты. Только если этой пастой почистишь зубы, то взрывная волна основательно прочистит тебе мозги. Двух тюбиков такой пасты вполне хватит, чтобы взломать двери в кабину...

— Я не хотел бы оставлять свидетелей, — настаивал Барин. — У меня большой зуб на руководство службы безопасности Нацбанка. Эти два трупа послужили бы наглядным уроком тем, кто не выполняет своих обещаний...

— Водитель и охранник не виноваты в том, что партнёры тебя кинули! — резко перебил Мастер. — Ещё раз повторяю, я по мокрому не работаю! Если тебе нужны трупы, отправляйся в морг!

— Добренький какой! — недовольно пробурчал Кандидат. — Побегал бы сам от ментов в то утро...

Но Барин решил не ссориться с Мастером.

— Ладно, ты руководишь операцией, тебе и решать, кому жить, а кому умереть, — примирительно хлопнул он Мастера по плечу. — После операции подведём все итоги.

Тем временем машина подъезжала к окраинам Зарайска, и Мастер распорядился:

— Поворачивай назад. С диспозицией всё ясно. Для засады удобно только одно место — возле Новосёлки. В том лесочке завтра и будем устанавливать датчики. Но я хочу, чтобы, кроме оборудования, мне привезли ещё одну кассету.

— Какую кассету? — не понял Барин.

— Видеокассету, на которой мой сын будет

снят сегодня вечером, — мрачно произнёс Мастер. — Если тебе не напомнить, ты забудешь.

— Ну и хлопот мне с тобой! — вздохнул Барин. — Гоняешь меня вовсю...

— Кто не выкладывается в операции целиком, тот не получает никакой выгоды, — изрёк Мастер...

На следующий день Барин и Мастер отправились под Новосёлки уже в сопровождении целой бригады подручных. Датчики, экранирующие и улавливающие радиосигналы, были вкопаны недалеко от шоссе.

Вытирая вспотевший лоб, Мастер сказал Барину:

— А теперь приступим к испытаниям.

Они сели в белый «Мерседес», вернулись в Астапово — посёлок в пяти километрах от Новосёлок. Кандидат развернул машину и поехал в сторону Зарайска.

— Позвони по своему сотовику куда-нибудь, — потребовал Мастер от Барина.

Тот набрал по телефону номер своего дома под Воскресенском. Но в трубке царила тишина.

— Телефон не работает, — чертыхнулся Барин.

Глядя на свои часы с секундной стрелкой, Мастер заверил:

— Работает. Просто мы уже въехали в «мёртвую зону». Радиоволны не поступают на спутник. Не отключай телефон.

Кандидат гнал машину со скоростью шестьдесят километров в час: приблизительно так будет двигаться денежный фургон. И когда сотовый телефон зазвонил, он даже подпрыгнул от неожиданности.

— Одиннадцать минут сорок две секунды, — удовлетворённо произнёс Мастер. — Как говорится, времени у нас — вагон и тележка.

— А ты точно уложишься за эти минуты? — обеспокоенно спросил Барин.

— Если я не уложусь, нас уложит из автоматов приехавшая охрана, — усмехнулся Мастер.

— Нет, я не буду участвовать в операции непосредственно, — затряс головой Барин. — Хватит с меня предыдущего раза! Надоело удирать от ментов на предельной скорости. Ты уж как-нибудь без меня справляйся.

— Хорошо, справлюсь без тебя, — кивнул Мастер. — Но позаботься хотя бы о том, чтобы на время операции шоссе с обеих сторон оградили красные таблички с надписью: «Ремонт дороги». Ты меня этим очень обяжешь.

— Это я могу, — энергично кивнул Барин. — Поставлю для этого четверых парней. Кстати, как тебе кассетка, которую я притаранил вчера? Понравилось кино?

Мастер промолчал. На той видеокассете было снято, как Дима читает книжку, сидя в кресле и подогнув правую ногу под себя. Запись длилась чуть ли не минуту. И к концу просмотра Мастер вдруг почувствовал, как заболело сердце в груди. Сын был так близко — только руку протянуть до экрана! И в то же время так далеко от него — неизвестно где!

Мастер понимал, что пока он никак не может помочь сыну. Но появится ли у него эта возможность после завершения операции? В этом Мастер был далеко не уверен. Меньше всего он доверял обещаниям Барина. И в тот момент он думал о том, что главная схватка

предстоит ему после того, как будет «взят» фургон со старыми купюрами...

— Не вздумай, — начал он, — дать приказ прикончить меня после операции. На этот случай я кое-что предпринял. Товар получишь из моих рук. Нарушишь это условие, товара не будет. Я тебя не пугаю, ты меня знаешь.

Без четверти восемь сотовый телефон, который висел на поясе у Мастера, зазвонил. Мастер, одетый в синий рабочий комбинезон, включил телефон и поднёс трубку к уху.

— Фургон свернул налево, — прозвучал голос наблюдателя, который следил за дорогой у Луховицкого поворота с Рязанского шоссе. — Двигается прямо на вас.

— Хорошо, — ответил Мастер и повесил телефон на пояс.

Рядом с ним сидели на земле трое подручных Барина — все в таких же комбинезонах и чёрных шерстяных спортивных шапочках. У каждого под комбинезоном висела нагрудная кобура с пистолетом. Кроме того, у двоих в руках были автоматы Калашникова со снятыми прикладами.

Через несколько минут сотовый телефон зазвонил вторично. Мастер поднял трубку. Послышался голос второго наблюдателя, который притаился на обочине дороги возле Астапово:

— Фургон только что проехал. Вы его увидите через две минуты. Выставляю на шоссе заграждение. У вас всего тринадцать минут.

— Этого вполне достаточно, — отчеканил Мастер.

Он набрал другой номер по телефону и, ког-

да взяли трубку, скомандовал третьему наблюдателю, находившемуся в десяти километрах отсюда:

— Выставляй строительное ограждение. Операция началась.

Отключив телефон, он пододвинул к себе большую кожаную сумку, достал резиновые перчатки, начал натягивать на пальцы и приказал подручным:

— Выходим на исходный рубеж!

Остальные по его примеру тоже натянули перчатки и опустили длинные края своих шапочек. В них были широкие прорезы для глаз — все четверо оказались в масках.

Спустя минуту послышался звук мотора — на шоссе показался бронированный чёрный фургон с большим кузовом.

Когда до перелеска, где притаилась засада, оставалось чуть меньше двадцати метров, Мастер громко скомандовал:

— Огонь!

Двое подручных вскинули автоматы, прицелились и нажали на курки. Пули пробили передние и задние колёса автомобиля.

Фургон ещё промчался по инерции метров тридцать, скрежеща острыми ободьями по асфальту. Затем попытался дать задний ход. Схватив кожаную сумку, Мастер вскочил с земли и бросился к машине.

Он представлял, какая паника охватила тех, кто сидит в кабине. Охранник наверняка попытается безуспешно связаться с центральным пультом, но слышит в аппарате лишь эфирную тишину: радиоволны поглощаются датчиками на обочине. А водитель, должно быть, уже заблокировал бронированные двери изнутри

и орёт на охранника: где же, дескать, подмога?!

Мастер на бегу извлёк из сумки щипцы-кусачки. Подскочив к фургону, он лёг на асфальт, перевернулся на спину и оказался прямо под днищем. Обнаружив провод, связывающий педаль в кабине с тормозными колодками задних колёс, он молниеносно перекусил его щипцами. Машина замерла на месте.

Сунув щипцы обратно в сумку, Мастер выполз из-под машины, извлёк тубик с пластиковой взрывчаткой и аккуратно нанёс белый толстый слой «пасты» на дверь кабины — на те выемки, за которыми находились бронированные замки. Отбежав за кузов, он извлёк из сумки небольшое квадратное дистанционное управление и нажал красную кнопку.

Раздался взрыв — дверь кабины отшвырнуло далеко за обочину. Огромный кусок искорёженного металла со свистом пронёсся над головами троих подручных, которые пластом лежали на земле.

Этот звук послужил сигналом и Кандидату, находившемуся в это время в белом «Мерседесе» в двухстах метрах отсюда за зелёной изгородью ёлок.

«Не ожидал я от Мастера такой прыти!» — удивлённо покачал головой Кандидат и завёл мотор.

Ещё не утих звук взрыва, как Мастер, побросав в сумку тубик и дистанционное управление, рванул к кабине, на бегу вытаскивая пистолет из нагрудной кобуры.

«Взрыв был направленный, — думал он, — люди в кабине не могли погибнуть...»

Кабина была заполнена пороховым дымом, но сквозь его клубы Мастер различил две бес-

помощно барахтавшиеся фигуры на кожаных креслах. Водитель и охранник были оглушены, но — живы.

Передёрнув затвор пистолета, Мастер тихо сказал:

— Простите, парни, — и дважды выстрелил в них.

Пули угодили каждому в грудь. Водитель, согнувшись почти пополам, сполз с сиденья к педалям, а охранник, наоборот, пластом растянулся по выгнутой спинке кресла.

«Ничего, через каких-нибудь два часа будут уже как огурчики! — улыбнулся Мастер. — Нацбанк им выплатит щедрые комиссионные на лечение...»

Из перелеска к фургону мчались подручные, а со стороны Новосёлок — белый «Мерседес».

Мастер подошёл к дверцам кузова, извлёк два новых тюбика пластиковой взрывчатки и выжал «пасту».

— В сторону! — скомандовал он подручным и предупреждающе махнул рукой Кандидату.

Тот свернул на обочину.

— Сколько у нас ещё времени в запасе? — быстро спросил Мастер у одного из подручных.

— Шесть минут, — ответил тот.

Прогремел новый взрыв, отшвырнувший створки металлических дверей на обе полосы шоссе.

— В этих машинах толстая броня, — постукав пальцем по бортовой обшивке, сказал Мастер подручному. — Но о прочных замках не позаботились.

Кандидат снова завёл мотор, выехал на дорогу, развернул «Мерседес» и подкатил к фургону багажником.

Мастер запрыгнул в кузов, а трое подручных выстроились в цепочку. Кандидат открыл багажник и стал помогать грузить купюры. Старые деньги хранились в широких плоских металлических чемоданах, похожих на строительные плиты.

В течение пяти минут почти все чемоданы перекочевали в багажник «Мерседеса». Два чемодана не помещались, и Мастер, выпрыгивая из кузова, приказал подручным:

— Возьмёте их на колени! А сейчас рвём когти!

Подручные уселись на заднее сиденье, а Мастер — рядом с водителем.

Как на грех, мотор «Мерседеса» вдруг заглох, машина не трогалась с места. На лбу Кандидата от испуга выступил пот. Мастер удивлённо посмотрел на него:

— Ты в своём уме, приятель? Ты хочешь, чтобы легавые взяли нас прямо на месте преступления с поличным?

— Не хочу, — честно ответил Кандидат. — Но кажется, я забыл проверить топливо в баке, а прибор может врать...

— Эта забывчивость может всем нам стоить десяти лет в колонии строгого режима, — возмущённо процедил Мастер.

«Мерседес» резко рванул с места, и пятеро его пассажиров одновременно с облегчением перевели дыхание.

Мастер посмотрел на часы.

— Строительное ограждение уже должно быть снято. Так что жми на газ. Скоро здесь будет полно легавых...

На предельной скорости «Мерседес» миновал Астапово, затем Луховицы, откуда свернул к Коломне.

— Надеюсь, ты понимаешь, что от этой тачки придётся избавиться сегодня же? — спросил Мастер, снимая шапку-маску с головы и стаскивая резиновые перчатки.

— Это ещё почему? — расстроился Кандидат. — Всякий раз, как я привыкну к какой-нибудь машине, следует приказ сжечь её... Вот и с предыдущей «Вольво» так было...

— Во-первых, твой «Мерс» оставил отпечатки шин возле фургона, — бросил перчатки и шапку в кожаную сумку Мастер. — Менты бывают туповатыми, но они не слепые. Уже отпечаток они точно запротоколируют. Во-вторых, мы промчались через два населённых пункта. Менты бывают тупоголовые, но любят совать нос во все дырки. Наверняка они постараются узнать, приметил ли кто-нибудь из местных жителей твой лимузин в то время, когда грабнули фургон. В-третьих...

— Первых двух причин вполне достаточно, — поморщился Кандидат. — Ладненько, сейчас я подброшу вас с товаром в одно живописное подземелье, а затем отгоню тачку подальше и сожгу где-нибудь в лесочке.

— Это тоже сожги, — похлопал Мастер по кожаной сумке, сунул в неё свой пистолет и обернулся к подручным: — Вам, парни, тоже следует избавиться от своих стволов.

— С какой это стати? — удивился один из них. — Оружие исправное, может ещё пригодиться...

Мастер покачал головой, всем своим видом давая понять, как ему трудно работать с такими наивными головорезами.

— По гильзам экспертиза установит, из каких автоматов они выпущены. А по оружию

легко накрыть владельца. Если сохраните свои пушки, легавые быстро вычислят вас и возьмут за жабры. Всегда избавляйтесь от оружия после операции.

Те с сожалением передали ему два автомата Калашникова, которые Мастер воткнул стволами в сумку.

— Как трудно прощаться с такой тачкой! — продолжал горевать вслух Кандидат, крепко сжимая руль. — Мне так она нравилась.

— Ничего, — сказал Мастер. — Шеф купит получше машину.

— Всё равно жалко.

— Жалко будет, когда тебя менты за хвост схватят.

— Типун тебе на язык!

«Плачет по тебе тюрьма, — подумал Мастер. — Но ты не так опасен, как твой шеф... Эх, знать бы, какой удар сейчас мне готовит Барин!.. Главное — не зевнуть. А уж с Кандидатом я управлюсь, если понадобится».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ДЕРЗКИЙ ПЛАН

Дима был опарашен происшедшим. Он впервые в жизни доверился чужому человеку, принял его за друга, а тот примитивным способом похитил его. Зачем надо было это делать? Дима сам пошёл бы за этим человеком, потому что у него больше никого не было, кто бы ему сочувствовал.

Может быть, это просто шутка?

Эта догадка показалась Диме ближе к истине: иначе никак нельзя было понять поступок нового знакомого. Мальчик окинул взглядом довольно просторную комнату с узкой кроватью у стены. На большом столе лежал в сохранности Димин этюдник. Рисунки были все на месте.

И впрямь выходило, что Владимир Павлович пошутил, таким образом заманив Диму в гости в свой особняк. Нельзя сказать, что это получилось у него очень остроумно, но каждый человек имеет свои привычки.

В том, что это не похищение, Дима ещё более убедился, когда подошёл и толкнул дверь. Она запросто открылась, то есть никто Диму не запер. И с какой целью надо было красть мальчика, от которого ничто не зависит? Дима слышал о том, что бывают похищения детей с целью выкупа. Но за Диму никто не заплатит и копейки.

Так что от него столько же пользы, сколько от прошлогоднего снега. К тому же человек, который занимается реставрацией старинного дворца, имея самые благородные намерения, едва ли стал бы красть мальчика ради наживы.

Может быть, Владимир Павлович решил, что Дима не согласится перебраться к нему, и потому уснул. Не слишком это умно с его стороны. Скорее всего — это шутка.

Дима беспрепятственно прошёл по коридору, спустился в холл и прислушался. Создавалось впечатление, что в доме никого нет. Странно! Куда же все подевались?

Выбравшись из дома и спустившись с крыльца, Дима оглядел небольшой двор, окружённый высоким кирпичным забором, по верху которого проходила колючая проволока. Сердце мальчика забилося в недобром предчувствии. Самое большое желание было — выбежать за этот забор.

Быстрыми шагами Дима направился к воротам, рядом с которыми находился гараж. Ворота были закрыты, а у задней неширокой и низкой двери гаража сидел на стуле огромный детина, скрестив на груди голые руки. Он походил на великана.

Дима остановился перед ним. Детина вытянул толстые, как брёвна, ноги и преградил дальнейший путь.

— Извините, — вежливо обратился к нему Дима. — Вы не могли бы отодвинуться?

Детина уставился на мальчика с таким видом, словно увидел блоху.

— Зачем? — сонным голосом спросил он.

— Мне нужно пройти, — объяснил Дима.

— Зачем? — снова поинтересовался детина.

— Я хочу выйти на улицу.

— Зачем? — повторил детина, как заведённая игрушка.

Может быть, он и не знал других слов, кроме этого.

— Мне нужно выйти, — терпеливо стал объяснять Дима, — потому что в лицее начались занятия. Я не могу пропустить целый день. Я никогда не позволял себе такого. Меня могут отчислить по этой причине, а я хочу учиться.

— Зачем? — зевнул детина.

Тут появился второй парень, он был меньше размерами, но тоже здоровенный битюг.

— Что такое, Гриша? — спросил он приятеля.

Тот не ответил, а только кивнул в сторону мальчика.

— Меня зовут Сеня, — пояснил парень, на лице которого застыла кривая улыбка, словно она была приклеена. — Со всеми вопросами ко мне.

Дима, как добросовестный ученик у доски, стал объяснять, что ему надо идти в лицей, потому что он должен учиться.

— Очень хорошо! — одобрил Сеня. — Ученье — свет... Вот если бы Гриша не бросил школу, то мог бы стать министром.

— Пропустите меня, пожалуйста, — попросил Дима.

— Я бы с радостью! — признался Сеня. — Но я тоже бросил школу и потому не стал министром, а только охранником. А что должен делать охранник?

Дима пожал плечами.

— Охранник должен охранять, — поучительно сказал Сеня. — За это ему платят деньги. Ты же не хочешь, чтобы я лишился своих кровных денег? Не хочешь. Тогда топай в свою комнату и тихо сиди.

— Мне надо идти, — нахмурился Дима.

— Ты что, не отличник? Ничего не понял?

Грише, видимо, надоела эта болтовня и он лениво процедил:

— Запри ты щенка.

Дима понял, что эти двое не пропустят его и говорить с ними совершенно бесполезно. И никакая это не шутка, а настоящее похищение. Но зачем понадобился Дима этому Владимиру Павловичу?

Думая над неразрешимыми для него вопросами, Дима двинулся назад и остановился у крыльца, потому что из дома в это время вышла девчонка лет двенадцати в коротком сарафане колоколом. У девочки были большие серые глаза. Они показались Диме очень грустными. Вот почему Дима сразу подумал, что она тоже пленница. Неужели этот Владимир Павлович похищает детей и продает их в рабство?

— Я о тебе всё знаю, — сказала девочка. — Ты художник.

Но тут она насторожилась, потому что слышались голоса охранников. Девочка помашила Диму рукой, и он последовал за ней.

— Здесь нас никто не услышит, — сказала она. — Меня зовут Верой. А ты Дима Краснов.

— Тебя тоже похитили?

— Нет, я тут живу.

— Ты дочь Владимира Павловича?

— Падчерица. Он сказал, что привёл тебя в дом, чтобы ты занималась со мной рисованием. Но это неправда. Я никогда не рисовала и не буду, потому что у меня ничего не получится.

— Почему ты так уверена? А вдруг получится? Меня только одно смущает: зачем надо было усыплять? Я и так бы с тобой занимался.

— Он всегда так делает. Он не умеет иначе. Потому что он бандит.

— Ты говоришь о своем отчине?

— Так мне сказала моя мама. А потом её не стало. Это он убил. Я совершенно уверена.

— Ты его просто не любишь, потому так говоришь.

— Я его ненавижу!

— Почему же не уходишь из этого дома? Тебе некуда идти?

— Разве ты не видел охранников? Они меняются и дежурят круглые сутки.

— И тебя не выпускают на улицу?

— Да. Он не хочет, чтобы я убежала.

У Димы возникло множество вопросов. Ему хотелось узнать, что случилось с мамой девочки, почему отчим держит её взаперти, как он собирается поступить с ней в будущем, но Дима не стал ни о чём спрашивать, потому что потерял бы только время. А надо было что-то предпринять, пока Владимир Павлович не вернулся.

Для этого очень важно было найти в лице этой девочки союзницу. Она может быть полезной, потому что лучше знает обстановку. Сам же Дима даже не имел представления, как далеко от лица его увезли.

— Ты тоже хочешь убежать? — спросил Дима девочку.

— Что без толку хотеть, если это невозможно! — воскликнула Вера, и глаза её заблестели от набежавших слёз.

Она и впрямь поверила, что отчим привёл мальчика, чтобы ей одной не так было скучно и чтобы она чем-то занялась, хотя бы рисованием. Владимир Павлович всегда говорил, что

любит падчерицу и готов ради неё пойти на всё. Девочка не верила и боялась отчима.

На самом деле ей и впрямь не грозила опасность со стороны отчима. Каким бы жестоким ни был Барин, где-то в глубине его чёрной души находился маленький уголок, в котором жила любовь. Он об этом никому не посмел бы признаться, но это было так. В каждом злодее сидит сентиментальный человек.

Он любил свою жену, взял её с ребёнком и очень сожалел о её гибели. Но у него не было другого выхода. Она догадывалась о его подлинных занятиях и могла донести органам. Эта женщина была способна на такой шаг, потому что сама была честной и выходила за Барина, видя в нём порядочного человека.

Подручники Барина устроили так, что её не стало, и никто не сомневался, что в своей смерти была виновата она сама.

Любовь к ней не умерла, осталась в глубине души Барина, и теперь она была направлена на Веру, которая очень походила на мать. Но, видимо, планета Барина была такова, что даже его любовь приносила людям страдания.

Вера жила в золотой клетке, только от этого было не легче. Клетка и есть клетка.

Полностью уверившись, что девочка готова бежать куда глаза глядят, потому что не может простить отчиму гибель матери, Дима стал думать, как можно перехитрить охранников и оказаться по ту сторону забора.

— Они очень хитрые, — сказала девочка. — Их не проведёшь.

— Мы тоже хитрые, — таинственно ответил Дима.

— Что ты придумал?

- Есть одна мысль.
  - Говори же!
  - Будешь беспрекословно делать то, что я скажу. Хорошо?
  - Ладно.
  - С собой ничего не брать.
  - Ничего-ничего?
  - Если есть деньги...
  - Я могу взять. Сколько?
  - Не знаю. Сколько есть. С деньгами мы уже не пропадём.
  - А куда мы убежим? Где будем жить?
  - Поедем к бабушке... Вернее, в бабушкин дом. А там видно будет. Что-нибудь придумаем.
  - А как мы убежим?
  - Следи за мной. Когда махну рукой, беги.
  - А как ты махнёшь? — и девочка по-разному стала махать рукой. — Ну, как?
  - Ты права. Можешь не понять. Тогда договоримся так: если я возьмусь за нос, пора бежать.
  - А ты не можешь просто сказать?
  - Не та ситуация, чтобы разговаривать.
- Дима явно не всё продумал и поэтому говорил общими словами, отчего Вера никак не могла понять, как и что ей предстоит делать.
- Следи за мной так, — сказал Дима, — чтобы охранники тебя не заметили. Потом я возьмусь за нос. Ты сама поймёшь, что тебе делать, если мне удастся сделать то, что я задумал. Понятно?

Через десять минут на крыльце дома появился важный Дима с мольбертом на боку. Он пошёл по двору, приглядываясь ко всему и порой долго оставаясь на одном месте.

Охранники сразу его заметили и насторо-

жились. Они следили за каждым движением мальчика.

Потом Сеня всё-таки не выдержал и подошёл к нему.

— Что потерял? — спросил он.

— Ищу, — неопределённо ответил Дима.

— А что?

— Натуру.

— Это какую ещё натуру?

— Мне нужно каждый день рисовать. Понимаете? Чтобы рука не отвыкла. Вот вы же часто стреляете в мишень?

— А как иначе?

— Вот и я должен держаться в форме.

— А что искать-то? Вон дерево рисуй.

— Не выразительно. Не интересно. Не так свет падает.

В это время Дима уставился на Гришу, который сидел всё в той же позе.

— Колоритный типаж, — задумчиво сказал Дима. — По пояс был бы голым — просто Голиаф.

— Кто?

— Или «Мыслитель» Родена.

— Ну, ты горазд пудрить мозги! — хохотнул Сеня. — Слышь, Григорий! Мыслителем тебя обозвал.

— Получит по шее... Ты рисунки глянь... Художник! Может, липовый...

Дима предвидел, что они захотят его проверить, и рисунки прихватил. Сеня просмотрел их и подал приятелю. Тот долго разглядывал, словно что-то в них понимал.

— Я такие видел, — сказал он вдруг.

— Где? — поинтересовался Сеня.

— На выставке. Люська меня туда затащила. Она же чокнутая!

— Давайте я вас нарисую, — предложил Дима. — Всё равно же сидите.

— О! — пришёл в восторг Сенья. — Подаришь Люське свой портрет — обалдеет баба. Точно говорю!

— Вы садитесь сюда, — уже распоряжался Дима. — Так лучше солнечный свет падает. Надо, чтобы был контраст. Можете оба. В обнимку. Два друга, два богатыря.

Одуревшим от скуки охранникам показалось забавным позировать перед мальцом. Благо, никакой опасности нет. Сидеть они будут рядом с гаражом, хотя и спиной к открытой двери, но ближе к ней, а юнец занял место в сторонке, так что не юркнет при желании. Да куда он от них денется? Цыплёнок!

Поставив деревянную скамью в метрах десяти от двери, охранники разделись до пояса, сели в обнимку и напрягли мышцы для большей солидности.

Дима установил мольберт и стал рисовать.

— Только не шевелитесь. Стоп, одну минуту! Нужно соответствующее настроение. Музыкачку бы, а?

— Это запросто, — бодро отозвался Сенья, сходил в гараж и на всю мощь включил приёмник.

— Годится?

Дима показал ему большой палец.

Всё это время Вера пряталась за густыми кустами смородины.

— Замерли! — крикнул Дима и коснулся рукой носа.

Он делал вид, что вдохновенно рисует, гремела музыка, застыли охранники, а Вера бесшумно пробежала за их спиной и нырнула в дверь гаража.

Как настоящий художник, Дима временами вглядывался в охранников. Что-то вдруг его не устроило. Он показал рукой, чтобы Гриша чуть поднял голову. Тот сделал, да не так. Дима недовольно покачал головой, подошёл к парням. Он своими руками изменил поворот головы Гриши, отступил назад, снова шагнул к ним и поправил руку Сени, лежавшую на плече Гриши. За этим занятием он очутился за спиной охранников. Хватило секунды, чтобы пробежать несколько метров, юркнуть в гараж, захлопнуть за собой дверь и задвинуть запор.

Гриша и Сеня не сразу поняли, что случилось. Они минуту ещё сидели в нелепых позах, но художник куда-то явно пропал. Охранники всполошились, кинулись к закрытой двери.

— Где ключи?! — завопил Сеня.

— В гараже. Где ещё?

— Придурок!

Сеня заметался перед воротами, которые были надёжно заперты. И в гараж не попасть. Они сами оказались в западне.

— Ломай стену! — приказал Сеня.

— Хозяин мне шею сломает за это, — не согласился Гриша.

— Ломай, говорю!

— Не буду.

— Не поймает щенят, он пристрелит обоих. Люське собрался портрет подарить! Охламон! Ломай!

Но Гриша стену не стал крушить. Он без особых усилий при своей медвежьей силе вырвал шифер. Они пробрались в гараж через крышу.

— В машину! — скомандовал Сеня.

Они вскочили в синюю «Вольво», Гриша за-

вёл мотор и рванул вперёд. Передние шины громко зашипели, выпуская воздух.

— Убью! — закричал Сеня, когда увидел, что случилось.

Дима успел поставить под колёса гвозди, они-то и прокололи шины.

— Давай за ними! — махнул рукой Гриша и помчался вперёд не раздумывая.

Его гнал страх перед Бариним. Сеня отрёшённо махнул рукой и бросился за другом. Если им повезёт и они поймают беглецов, то всё обойдётся, а в любом ином случае лучше не возвращаться назад, если хочешь ещё пожить на белом свете.

За это время Дима и Вера углубились далеко в лес, благо особняк Барина в числе ещё трёх таких же богатых построек стоял среди векового сосняка. А в лесу Дима чувствовал себя уверенно, частые прогулки по окрестностям пошли на пользу.

— А теперь куда? — спросила Вера, когда они остановились отдышаться.

— Мы далеко от Коломны? — поинтересовался Дима.

— Километров тридцать, я так думаю, будет.

— Дорогу знаешь?

— Я ездила с отчимом на машине.

— Дождёмся вечера и доберёмся на попутных.

— А зачем нам в Коломну?

— Есть одно важное дело, — ответил Дима.

Его лицо приняло серьёзное и таинственное выражение.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

КАНДИДАТ МЕНЯЕТ ПЛАНЫ

Не доезжая до Коломны, Кандидат свернул налево и погнал машину по лесной дороге. Вскоре «Мерседес» остановился у полуразрушенного дворца за высоким деревянным забором.

«Так вот где Барин соорудил себе логово!» — подумал Мастер.

Когда они вышли из машины, в воротах показался широко улыбающийся Барин.

— Всё-таки я в тебе не ошибся, старый друг! — обнял он Мастера и похлопал его по спине. — Я никогда не заблуждался на твой счёт...

— Я тоже, — хмуро бросил Мастер.

Его ответ можно было расценивать как угодно, но Барин был настроен так благодушно, что не насторожился, а обнял поочерёдно всех участников операции.

— Я вызвал Губастова из Москвы, — сказал он. — Уже мчится сюда наш милый химик, чтобы поскорее нас всех обогатить. Ещё пару часов назад мы были нищими крысами, к вечеру мы станем богачами.

— Свою часть работы я выполнил, — объявил Мастер. — Теперь твой черёд выполнять своё обещание.

Улыбка исчезла с лица Барина, и он начал деловито распоряжаться.

— Занесите чемоданы с деньгами в лабораторию, — приказал он троим подручным.

Выждав минуту, Мастер утрюмо спросил:

— Ты оглох?

— Понимаешь, я планировал расплатиться с тобой теми деньгами, которые ты добудешь, — со вздохом признался Барин. — У меня, видишь ли, ветер свистит в карманах. Но чтобы из той полуистлевшей бумаги, которую вы притаранили, сделать новенькие хрустящие купюры, потребуется время. Так что тебе придётся потерпеть...

— При чём здесь деньги?! — взорвался Мастер. — Эта дрянь меня сейчас не интересует! Я хочу видеть сына!

— Ах да, точно! — словно запамятавав, хлопнул себя по лбу Барин. — Извини, я в последнее время стал такой рассеянный... Ну, конечно, он здесь. Ждёт тебя. Идём, отведу к нему. Кандидат, проводи нас!

По тону приказа Кандидат моментально сообразил, что никакого сына тут нет. Значит, шеф хочет, чтобы Кандидат прикрыл его собой, если Мастер вдруг разбуянится.

«Какую игру затеял этот паразит?» — растерянно подумал Кандидат, направляясь к дворцу, и незаметно сунул свой пистолет за спину.

Его особенно поразило то, что Мастер не почуял опасности и послушно направился за шефом к руинам. Он напоминал Кандидату хищника, который бредёт напрямиком в ловушку. Опять Мастер доверился Барину!

«Должно быть, он утратил чутьё из-за того, что не чаёт поскорее сына увидеть! — покачал головой Кандидат. — Вот что значит отцовская

любовь! Она ослепляет и оглушает... Хорошо, что у меня нет детей!..»

Барин уверенно шагал впереди, Мастер следовал за ним, а Кандидат замыкал шествие, готовый в любую секунду выхватить из-за спины снятый с предохранителя пистолет.

Спустившись в подземелье, они направились по длинному коридору. Сквозь узкие окна в самом верху стены проникал солнечный свет. В лучах солнца были заметны плавающие в воздухе пылинки.

Барин резко остановился у высокой окованной железом двери с массивной ручкой и дёрнул её на себя.

— Мне пришлось подержать мальчика некоторое время здесь, — извиняющимся тоном произнёс он. — Но ты ведь понимаешь, это для его же безопасности...

Мастер непроизвольно шагнул к порогу. Оказавшийся сбоку от него Барин сделал едва уловимый жест рукой — это был сигнал Кандидату.

Кандидат выхватил из-за спины пистолет, замахнулся, подскочил к Мастеру сзади и ударил рукояткой по затылку.

Издав едва слышный стон, Мастер рухнул на пол.

Кандидат сунул пистолет обратно за спину, подхватил лежащего под мышки и затащил вглубь подвальной комнаты.

В этот момент Барин, самодовольно улыбнувшись, вдруг захлопнул дверь камеры.

Кандидат опешил и лишь изумлённо выжал из себя:

— Да ты что? Совсем рехнулся?

По другую сторону двери послышался хо-

хот, а затем дверь распахнулась. Барин держался за живот от смеха.

— Да я просто пошутил! Ах ты, мой кандидат криминальных наук! Шуток не понимаешь, что ли? Я просто представил, как будет здорово, когда Мастер очухается и сообразит, что снова оказался в дураках! Что бы он с тобой сделал!

— Дурак ты, и шутки у тебя дурацкие! — огрызнулся Кандидат, поспешно выходя в коридор.

— Не такой уж и дурак, если Мастер прохлаждается тут, а чемоданы с деньгами у меня в лаборатории, — вновь захохотал Барин, плотно прикрывая дверь и задвигая тяжёлую защёлку. — И ты тоже не забывай, кто здесь хозяин! Я заказываю музыку. А вы все под неё только пляшете! Так-то, танцор...

Выйдя во двор, Барин посмотрел, прищурившись, на небо и потянулся до хруста в суставах.

— А почему ты не убил Мастера? — недоумевал Кандидат. — У нас ведь был уговор накануне: если взмахнёшь кулаком — я пускаю пулю ему в затылок, если ладонь будет выпрямлена — только оглушаю. Или я что-то перепутал?

— Ничего ты не перепутал, — успокоил Барин помощника. — Мне самому казалось, что это проще пареной репы — грохнуть вначале Мастера, а затем его щенка. Но пока мы шли по коридору, меня вдруг осенило: а стоит ли резать курицу, которая несёт золотые яйца?

— Мастер не сильно смахивает на курочку, — усомнился Кандидат в правоте шефа. — За ним глаз да глаз нужен...

— Я подумал, что добытые сегодня деньги тоже когда-нибудь кончатся, — продолжал Ба-

рин, — и потребуется грабануть ещё один фургон. А кто это сделает лучше Мастера?

Кандидат скептически усмехнулся:

— После того, как ты его дважды объёгорил...

— Но его сын по-прежнему у меня в руках, — напомнил Барин. — А коли так, Мастер по-прежнему у меня на крючке. Он будет добывать мне деньги, чтобы продлить дни жизни своему одарённому сыночку...

— Ты его недооцениваешь, — покачал головой Кандидат. — Я поработал с этим типом пару дней и кое-что понял...

Барин презрительно вскинул брови:

— Да неужели?

— Мастера надо иметь или в качестве друга, или в качестве трупа, — заявил Кандидат.

Барин рассмеялся.

— Дружить со мной он вряд ли станет, а убить его никогда не поздно...

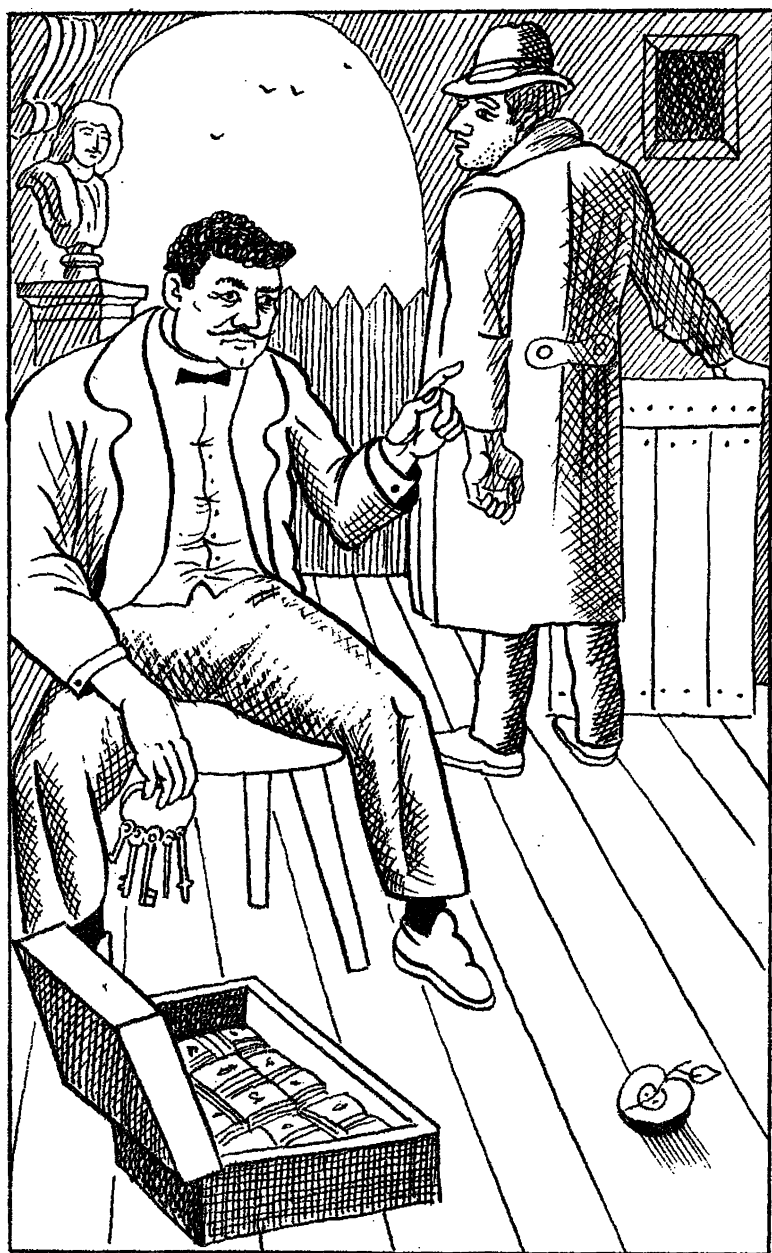
— У тебя, конечно, уже не получится стать его партнёром, — продолжал размышлять вслух Кандидат. — Разве попробовать мне? Этот Мастер и впрямь может быть очень полезен...

— Что ты мелешь? — раздражённо прервал подручного Барин. — Садись-ка лучше за баранку, отгони отсюда подальше тачку да и сожги вместе со всеми уликами.

Кандидат послушно направился к машине, но перед тем, как сесть за руль, счёл нужным упрекнуть:

— Зря ты всё-таки не послушался меня... Лучше бы тебе было как бы самоустраниться, а я стал бы напарником Мастера.

— Вали отсюда, напарничек! — сердито рявкнул Барин. — Он ещё тут распоряжаться вздумал!..

Глядя вслед отъезжающей машине, Барин удивлённо подумал: «Неужели Кандидат всерьёз решил составить мне конкуренцию? Неужели начал самостоятельно мыслить? На него это совершенно не похоже...»

Барин напрасно недооценивал своего помощника.

Образно говоря, «правая рука» Барина уже давно мечтала о том, чтобы стать «головой», Кандидат втайне думал о том, чтобы самому стать во главе банды, лично вершить все дела. Он полагал, что провёл большую школу у босса и научился, как проворачивать аферы. Барин уже не устраивал Кандидата, наоборот — мешал.

«Я всю жизнь пробегал в шестёрках, — размышлял Кандидат, выезжая с просеки на Рязанское шоссе. — Всю жизнь был кандидатом в начальники. Пора самому становиться боссом! Сегодня мой день! Или пан, или пропал!..»

Он понимал, что долго «светиться» на оживлённом шоссе, где полным-полно машин милиции, наверняка получивших уже ориентировку на белый «Мерседес», опасно. Поэтому, не доезжая до Коломны, промчавшись по мосту через Оку, Кандидат свернул направо, на пустынную просёлочную дорогу, ведущую в сторону посёлков Маливо и Макшеево.

«Кто мне станет мстить, если я убегу Барина? — сосредоточенно размышлял Кандидат. — Пожалуй, никто. Ни один столичный «авторитет» не заступится за эту собаку. Он у всех назимал денег, сидит в долгах, как в шелках, и в ус не дует. Когда Барин откинется, никто слезу не уронит. И тут я выступлю благодетелем, начну

расплачиваться по его долгам... Конечно, все сразу забудут, что когда-то я был всего лишь мальчиком на побегушках... Наши громилы тоже не особенно станут переживать. Они не доверяют шефу после того, как по его милости пятерых наших парней загребли легавые во время той неудачной операции... Этим достаточно пообещать, что буду беречь их драгоценные шкуры и вдвое увеличу оклад!»

Проехав километров десять по незаасфальтированной дороге, Кандидат заметил впереди еловый лес. Дорога через него состояла из одних выбоин и рытвин, поэтому Кандидат отъехал недалеко от опушки. Выйдя из салона, он открыл багажник, достал канистру с бензином и облил капот, крышу салона, сиденья и дверцы.

«Но самое главное, надо заручиться помощью Мастера, — прикидывал Кандидат, сунув канистру обратно в багажник. — Он, конечно, будет мне благодарен за то, что подарю ему труп Барина. Но как заставить его и дальше работать на меня?..»

Он чиркнул зажигалкой и бросил её внутрь салона. Алым пламенем почти мгновенно вспыхнула кожаная обивка. Поджигателя обдало струёй раскалённого воздуха, и он быстро зашагал в сторону просёлочной дороги.

«Барин пытался приручить Мастера с помощью страха, а я просто подкупию его! — осенило Кандидата. — Верну ему сына и щедро расплачусь за работу. Большие деньги изменят любое мировоззрение. Да и податься Мастеру будет некуда. Он ничего другого не умеет, кроме как чистить инкассаторов и сейфы. Будет как миленький работать на меня!..»

Отойдя от леса километра два, Кандидат ог-

лянулся. Чёрный дым столбом поднимался над верхушками елей. Огонь перебросился на ближайшие деревья и кустарники.

«Вторую неделю засуха, — лениво подумал Кандидат. — Выгорит этот лесок дотла. Никакие эксперты не обнаружат здесь моих отпечатков пальцев. Вот и славно!»

Он сунул руку сзади за пояс и ощупал рукоятку пистолета.

«Барин уже мёртв, — подумал Кандидат. — Только ещё не знает об этом. Бедняга, мне его даже жаль!..»

И на самом деле Барин никак не ожидал, что пробил его смертный час.

К тому времени, когда Кандидат добрался до Голицынского дворца, в подземной лаборатории уже кипела работа. Из Москвы приехал Губастов и сразу же приступил к реставрации первой партии старых купюр. Ему помогали те самые трое подручных, которые утром вместе с Мастером «брали» денежный фургон.

Сидя на своём любимом месте в кожаном кресле в углу, Барин лично следил за тем, как идёт работа. Рядом с креслом находился столик на колёсах, сервированный бутылкой «Мартини», тремя хрустальными стаканами и дыней, нарезанной дольками.

— Ну, как там наш белый «Мерс»? — поприветствовал Барин вошедшего Кандидата.

— Белый «Мерс» от копоты стал чёрным, — отрапортовал Кандидат.

— Молодец! — похвалил шеф и налил вина во второй стакан. — Угощайся. Мы все сегодня славно потрудились.

— Не откажусь, — подошел Кандидат к столу.

— Я тут думал о Мастере, — добавил Барин, пригубив из своего стакана. — И решил, что он нам поможет ещё в одной операции. Затем я сдам его ментам, а сыночка буду высылать ему в зону в посылках, частями...

Осушив залпом стакан, Кандидат, зная, что сейчас шеф безоружен, изрёк:

— Идиотский план. Да и сам ты порядочный кретин. Я давно тебе это хотел сказать, да всё как-то времени не было.

Услышав такую ересь, Губастов и трое подручных изумлённо уставились на Кандидата.

Барин первым сообразил, что лично для него запахло жареным. Его реакция была молниеносной: вскинул ногу и ударил Кандидата в живот. Тот согнулся от боли и начал падать на пол. Барин вскочил на ноги.

Но Кандидат, падая, выхватил из-за спины пистолет, прицелился и нажал курок.

Две пули угодили Барину в лоб. Нелепо взмахнув руками, босс рухнул обратно в кресло и откинул голову на спинку. Обычно это была его любимая поза. Кандидат улыбнулся, вспомнив об этом.

Губастов и трое подручных по-прежнему оторопело глядели на него, не понимая, что, собственно, произошло.

Кандидат поднялся на ноги, спихнул труп Барина с кресла, уселся на его место и, направив пистолет на них, хрипло поинтересовался:

— Кто-нибудь имеет что-нибудь против? Можете высказывать свои возражения...

После минуты напряжённого молчания Кандидат сказал:

— Барин привык рисковать нашими жизнями. Это нехорошо. Сам он не подставлял свой лоб под пули... Отныне я буду заботиться о вашей безопасности. Делайте то, что я вам скажу, и можете быть спокойны — мент до вас не доберётся, пуля не долетит. А чтобы вы поняли, что я не попусту мелю языком, объявляю вам приятную новость. Ваш оклад повышается в два раза. Ещё вопросы есть?

Вопросов не последовало. По выражению лиц слушателей Кандидат понял, что переворот завершился благополучно.

— Продолжайте работать, — велел Кандидат Губастову. — К утру мне надо иметь сорок миллионов.

Он встал с кресла и со всей силы пнул ногой мёртвого Барина.

— Сколько я натерпелся из-за тебя! — с ненавистью прошипел он, затем, быстро успокоившись, приказал двум подручным: — Утащите эту падаля подальше в лес и закопайте.

Мастер очнулся в крошечной тьме. Стены комнаты, в которой он лежал, не имели оконных прорезей. Он ощущал ноющую боль в затылке. От холода онемели спина и поясница: сырые стены и пол камеры казались ледяными.

Мастер застонал от бессильной злобы. Он был готов к тяжелейшему поединку с Бариним, но тот снова в два счёта обставил его.

Ощупью он добрался до стены, встал на ноги и попытался определить, где выход. Обнаружив дверь, он обследовал пальцами все выемки и щели. Если бы у него только был под рукой подходящий инструмент, он взломал бы эту

дверь изнутри в считанные минуты! Но он, растяга, даже от пистолета поспешил избавиться сразу после операции!

— Ну, как можно быть таким дураком?! — воскликнул он в сердцах.

Голос прозвучал глухо во влажном воздухе комнаты.

Теперь Мастер не мог ни сесть, ни лечь: холод камней пронимал его до костей, обжигал кожу. Так он и стоял, прислонившись лбом к двери и переминаясь с ноги на ногу. Порой он едва не терял равновесие. Стоял ли он с открытыми глазами или с закрытыми — вокруг царил всё тот же мрак. Мастер даже начинал бредить, ему казалось, что он — на самом дне бездны. Бездны, из которой не выбраться ни ему, ни его сыну...

Он не знал, сколько времени прошло, когда в коридоре раздались торопливые шаги, затем оглушительно лязгнул замок и дверь распахнулась.

На этот раз Мастер потерял равновесие и во весь рост растянулся на полу. И хотя был вечер, струившийся из коридорных окон свет едва не ослепил его. Мастер прикрыл глаза ладонями, и до его слуха донёсся самодовольный голос Кандидата.

— Жизнь — удивительная штука, порой такие кренделя выписывает, что просто диву даёшься, — изрекал он философские афоризмы собственного сочинения. — Вот вроде жил на свете плохой парень по фамилии Баринов. Он много крови тебе попортил. И жил на свете хороший парень по кликухе Кандидат, который должен был слушаться плохого парня по кликухе Барин. И вот однажды Кандидат увидел, как несправед-

ливо Барин обошёлся с Мастером. Сердце Кандидата воспыхало праведным гневом...

— Хватит мне лапшу на уши вешать, — потребовал Мастер, отводя ладони от лица, но не открывая глаз.

— ...И Кандидат немного убил Барина, — закончил рассказ о себе в третьем лице Кандидат. — А знаешь, почему он это сделал? Потому что Кандидат — честный человек. Кандидат хочет, чтобы всё было по-справедливому.

— Я вижу, у Кандидата быстро развивается параноидальная шизофрения, — открыл глаза Мастер. — О себе как о постороннем говорят только душевнобольные...

— Да брось ты! — рассмеялся Кандидат. — Уже и пошутить нельзя!

— Хороша шуточка! — возмутился Мастер. — Где эта гнида, твой шеф?

— Предположительно на глубине двух метров под землёй на северо-востоке от этой конуры, — серьёзно ответил Кандидат. — И это — не шутка. Кстати, прости за то, что огрел тебя по башке пистолетом. Барин приказал, но мне этого делать не хотелось. Он собирался убить тебя. Так что ты мне обязан жизнью, не забывай об этом...

— Жалко, — тихо произнёс Мастер.

— Кого жалко? Барина? — изумился Кандидат.

— Жалко, что не я его пристрелил, — пояснил Мастер. — У меня было несколько вариантов, как ему отомстить... Один из них — загнать эту мразь в зону лес валить лет так на пятнадцать...

— Поздно пить боржоми, когда почка отказала, — рассмеялся Кандидат, который прямо-

таки излучал дружеское расположение и радость. — Поздно сожалеть о трупe. Его уже не оживить. Давай лучше подумаем о нашем сотрудничестве.

Он взял Мастера под руку и направился с ним по коридору к лаборатории.

— Ты сказал о «нашем сотрудничестве»? — хмурясь, уточнил Мастер.

— Да нам с тобой цены нет! — распинался Кандидат. — Да мы с тобой такие дела натворить можем, что любую там сицилийскую мафию заткнём за пояс! Как правопреемник Барина я берусь выполнить все его обязательства. Ты получишь обещанные тридцать миллионов и сыночка. Трать деньги, как вздумается, поезжай с сыном, куда хочешь. Но в тот момент, когда мне понадобится, ты должен по первому зову явиться ко мне. Как тебе мои условия?

Помолчав, Мастер хмыкнул:

— Я что-то не пойму, в чём именно ты меня хочешь надуть?

— Да ни в чём! — с жаром воскликнул Кандидат. — В кои-то веки я решил сделать доброе дело, и меня сразу же заподозрили в обмане!

— С тебя станется, — буркнул на ходу Мастер.

Они вошли в ярко освещённую лабораторию, и Мастер в изумлении остановился

— Так вот что представляет из себя тайна этого дворца! — воскликнул он. — Вот так хоромину отгрохал Барин!

— Почти всё это сделано мной, — поспешил заявить о своих заслугах Кандидат. — Ну, так что ты мне ответишь?

Мастер протянул ему руку:

— С тобой приятно иметь дело. Полагаю, ты будешь вести себя честно со мной. Иначе

накличешь большие неприятности на свою голову.

Кандидат пожал протянутую руку и самодовольно воскликнул:

— Эх, нравится мне быть боссом! Вот такая жизнь по мне!..

На следующее утро партия обновлённых купюр в тридцать миллионов рублей была уложена в два чёрных дипломата.

Эти дипломаты Кандидат, который всю ночь провёл в лаборатории, передал Мастеру, отсыпавшемуся в соседней комнате.

— Вот тебе деньги, вот ключи от машины Барина, а вот адресок Бариновой дачи, — зевая, протянул Кандидат клочок бумаги. — Там сейчас два человека из охраны, приёмная дочка Барина и твой Димуля. Охранникам передай, что Барин скопытился, но перед смертью передал полномочия своему горячо любимому заместителю.

— Обязательно передам, особенно о «горячо любимом», — усмехнулся Мастер.

Кандидат протянул ему сотовый телефон.

— По этой штуке я буду поддерживать связь с тобой, — предупредил он.

— До встречи! — попрощался Мастер, сел в машину и уехал из дворца.

Кандидат остался в полной уверенности, что отныне этот человек у него «на крючке» и будет служить ему не за страх, а за совесть.

«Он в ловушке!» — подумал довольный собой Кандидат и отправился отдыхать. И подручным он милостиво позволил отдохнуть, но с тем, чтобы с вечера и до следующего утра продолжать работу.

А Мастер в тот момент тоже подумал:

«Он в ловушке».

Выехав на Рязанское шоссе, он остановил машину на обочине и набрал номер по сотовому телефону.

— Базанов слушает, — раздался на другом конце провода голос следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре России.

— Это Мастер. Барин убит. Его место занял Кандидат. Вся группа в развалинах дворца. Лаборатория находится в подzemелье. Сейчас они отдыхают. Можешь взять их без шума.

Базанов рассмеялся.

— Значит, всё произошло, как мы и планировали?

— Не совсем, — поморщился Мастер. — Я хотел расквитаться с Бариним. А за меня это сделал Кандидат. Один подонок другого ухлопал. Но ты поспеши взять их с поличным. У них там старых денег — не пересчитаешь...

Он подробно описал, как добраться до полуразрушенного Голицынского дворца.

— А ты сейчас где? — попросил следователь.

— Еду забирать сына, — устало произнёс Мастер. — Кандидат мне целиком доверяет. Дал адрес дачи Барина, говорит, что Дима там.

— Помощь не потребуется? — спросил Базанов. — Я сейчас по тревоге всю нашу группу подниму. Так что и тебе могу прислать в подкрепление десяточек парней.

— Да что там трудного — сына забрать! — отказался Мастер. — Созвонимся через три часа.

— Договорились. Я еду к Коломне с группой захвата.

Мастер отключил телефон и завёл мотор.

Ещё в те времена, когда следователь Базанов вёл его дело, он пообещал Мастеру:

— Если поможешь мне взять с поличным Барина и его шайку, будешь амнистирован.

Тот разговор Мастер не забывал все годы своего заключения. И когда к нему неожиданно-негаданно приехал на свидание Кандидат, сразу же известил об этом Базанова. Следователь приказал ему:

— Играй по их правилам. Беги из зоны. Заручись доверием Барина. Мы не сможем следить за тобой: Барин сразу почувствует слежку. Поэтому действуй на свой страх и риск. Когда увидишь, что можно брать их с поличным, дай мне знать.

Всё это время Мастер жил надеждой увидеть, как на Барина наденут наручники. Он очень сожалел, что не довелось увидеть этого. Но больше он не хотел думать об этом мерзавце, слишком большое место занявшем в его жизни. В конце концов, он получил по заслугам!

Сейчас Мастер думал о предстоящей встрече с сыном. Что он скажет мальчику, который его никогда не видел? Чем он сможет доказать, что на самом деле является его отцом?..

Спустя два часа Мастер разыскал дачу Барина под Воскресенском. Но к его величайшему удивлению, там никого не оказалось: ни охранников, ни детей.

Мастер пробрался во владения Барина через открытый гараж, обошёл весь участок и даже проник в дом, для чего не понадобилось взламывать двери: всё было нараспашку. Нигде никаких следов борьбы или поспешного бегства.

Мастер вернулся к гаражу и стал изучать всё, что его окружало.

Стоял мольберт. Значит, сын рисовал.

По первым наброскам было видно, что он рисовал двоих людей, сидевших рядом. Это могли быть охранники. Кому ещё тут быть?

Машина стояла со спущенными шинами передних колёс. Случайно это не могло произойти.

А почему развёрнута часть крыши гаража?

Усевшись на скамью, на которой прежде сидели опрометчивые натурщики, Мастер задумчиво смотрел себе под ноги и прикидывал, где искать сына.

«Я-то полагал, что игра закончилась, — думал Мастер. — А она, оказывается, ещё продолжается... Но по каким правилам пойдёт эта игра? И кто её пока ведёт? Надо взять инициативу».

Он хотел было позвонить Базанову, но передумал. Сын — это забота самого Мастера. А чем поможет Базанов? Он тоже не знает, где теперь Дима.

Тут могут быть две версии. Или Кандидат препятал Диму, чтобы держать Мастера на коротком поводке. Или мальчуган устроил побег. На эту мысль наводили многие приметы: и развороченная крыша гаража, и машина со спущенными колёсами.

Надо бы осторожно расспросить соседей. Хотя жильцы таких дворцов стараются ничего не видеть и не знать: моя хата с краю.

Однако он не поленился обойти соседей и порасспросить, куда подевались обитатели дачи. Никто не мог дать ему вразумительного ответа. И когда он уже совсем было отчаялся, его подозвала старушка, которая шла по тропинке из леса.

— Не из милиции, милоч? — спросила она.

— Как догадались, бабушка? — весело отозвался Мастер.

— У меня глаз намётанный, — похвасталась старушка. — Интересуешься?

— Интересуюсь.

— Я так думаю, что сбёгли они.

— Кто?

— Девчонка с мальчонкой. Сама видела, как выбежали из гаража. Двери-то открыты были. И кинулись в лес. А потом уже эти появились.

— Кто «эти»?

— Охрана, я так думаю. Они следом побежали. Здоровые такие бугаи.

— Сколько их?

— Да двое было. Всю ночь дверь гаража открыта, никого нет, хозяин не появляется. Прямо не знаю, что и думать. Хотела в милицию звонить, так сын не велит. Говорит, затаскают, замучают допросами как свидетельницу.

— Всю ночь, говорите? Когда это случилось?

— Вчера, к обеду уже. Я только кофию попила и пошла прогуляться. Мне врачи прописали после кофию променад делать. Уже в леску была, как оглянулась чего-то и вижу: бегут мальчонка-то с девчонкой.

Мастер поблагодарил старушку и направился в указанную сторону.

Прошли чуть ли не сутки. Попробуй выясни теперь, где Дима и эта неизвестная девчонка. Что-то о ней говорил Кандидат. Вроде воспитанница или падчерица Барина.

Одно утешало и обнадеживало: если бы охранники поймали их, то вернулись бы в особняк. Они-то не знают, что Барин откинул копыта. Но их нет. Значит, ребята в бегах.

Углубившись в лес, Мастер опустился на землю и задумался.

Идти просто, чтобы идти, смысла нет.

Надо прикинуть, куда мог направиться Дима.

Как поступил бы сам Мастер на его месте?

Если бы отец знал получше сына, то было бы легче представить себе его логику. Но он совершенно не знал Диму. Зато он хорошо знал себя. И Мастер подумал, что безошибочно вычислит дальнейшие действия сына, если народная пословица не врёт: яблоко от яблони недалеко падает.

Отцу страстно захотелось, чтобы сын пошёл характером в него. У мальчика жизнь сложится более удачно, но он должен походить на отца.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

МЕСТЬ

Встревоженные тем, что упустили беглецов, охранники буквально набрасывались на каждого встречного и расспрашивали об исчезнувших девчонке и мальчишке. Но детей никто не видел.

Не такой был Дима простака, чтобы обзаводиться ненужными свидетелями. При виде прохожего, идущего через лес, Дима и Вера прятались.

Не имея никаких сведений, Гриша и Сеня весьма опечалились, они понятия не имели, в каком направлении им идти.

— Что будем делать? — спросил своего напарника Сеня.

— А кто его знает! — пожал плечами Гриша.

— Думай! — рявкнул Сеня и тут же спохватился. — Хотя, чем тебе думать? Дерево и то умней.

— Ты давай потише! — обиделся Гриша. — Умник нашёлся! Ты старший, ты и виноват больше.

— Между прочим, твоё время дежурства было.

— Это кто сказал? — вызверился Гриша, до глубины души возмущённый наглой ложью приятеля. — Я своё отдежурил и отдыхал.

Но Сеня настаивал на своём, и напарники чуть не подрались. Но тут Гриша схватился за голову:

- Мысля пришла!
- Неужто? — съязвил Сеня.
- Ты погоди скалить зубы. Я вот что подумал: а что если они это самое... Того, значит...
- Ты можешь более внятно изъясняться?
- Я и изъясняюсь! А что, если они на шоссе подались?
- Зачем?
- Как это зачем? Чтобы удрать!
- Куда?
- Об этом я ещё не подумал — куда, — увял Гриша.
- А я тебе скажу — в Коломну. Нет у них другого пути.
- Нет, это верно.
- В Коломне они на вокзал подадутся, чтобы оттуда уехать в Москву.
- А зачем в Москву? — не понял Гриша.
- Там проще-простого следы замести.
- Ага! Понял.
- Так вот, Гришуня, мы их схватим на подъезде к городу.
- Это как? Столько машин, все не проверишь.
- А мы и не будем стараться. Это за нас сделают ребята на посту автоинспекции. Там кое-кого я знаю. Скажем, что ищем детей своего босса, которых украли. Большое вознаграждение можно получить, мол. Клонут за милую душу.

Дима и Вера вышли на шоссе. Вера сказала, что это единственная дорога в Коломну. Отчим всегда ездил по ней.

— Не магистраль, — сказал Дима, окидывая взглядом побитую машинами дорогу.

Видимо, по ней больше ходили грузовые машины местных хозяйств.

— Но это и лучше, — решил Дима. — Меньше будет милиции.

— Ты боишься милиции? — удивилась Вера.

— Да не боюсь я никого! А только сейчас нам нельзя встречаться с милиционерами. Они обязательно спросят, кто мы такие? Почему одни? И задержат.

— Так ведь это лучше, чем нас поймают охранники.

— Может оно и лучше, но мне не с руки. Я должен кое-что посетить, а они только помешают.

— Я с тобой не пойду, — вдруг заявила Вера и уселась на сухую траву.

— Что такое? Почему?

— Потому что ты ничего не говоришь мне. А если мы идём вместе, то нечего скрывать, куда.

— Пожалуй, ты права, — немного подумав, проговорил Дима. — Но я не хотел говорить потому, что это касается твоего отчима.

— Ты же знаешь, как я к нему отношусь.

— Дело в том, что он прикидывается благодетелем и даже меценатом. Купил старинный дворец. Я поверил ему, что он хочет его реставрировать, чтобы люди увидели погибшую былую красоту.

Вера засмеялась.

— Он меценат? Какой же ты наивный! Да он никому не сделает добра.

— Тогда зачем ему дворец? — спросил Дима.

— Не знаю.

— Я там видел рабочих.

— Что-то опять задумал, — предположила Вера.

— Но что? Именно это я и хотел выяснить. И ещё... Моё похищение каким-то образом связано с Голицынским дворцом. Я не могу пока сказать — каким именно образом, но тут есть какая-то связь. Надо во всём разобраться...

— Ты ищешь неприятности на свою голову. Мой отчим очень опасный человек.

— Тем более надо ему помешать.

— А что мы можем?

— Мы узнаем, зачем ему понадобился дворец и что он там затеял. Вдруг он надумал разрушить такую старину. Это знаешь, как называется? Варварством — вот как! Я не могу допустить...

Вера сказала, что она восхищается благородством Димы, но предпочла бы держаться подальше от отчима. Надо предупредить взрослых, ту же милицию, и пусть они разбираются с этим человеком.

Но как ни убедительны были доводы Веры, Дима настоял на своём. Он даже сказал в сердцах:

— Раз боишься — не ходи. Я один пойду.

— А я куда без тебя? — поинтересовалась Вера.

— Тогда молчи и не отговаривай меня.

— А я, между прочим, есть хочу.

— Потерпи.

— А если я не могу терпеть? У меня всегда после переживаний просыпается аппетит.

— С девчонками только свяжись!

— А ты часто с ними связывался?

— Я-то? — Дима геройски посмотрел на Веру, но не смог соврать. — Да нет. У меня и друзей-то... никого.

— И у меня никого.

— Вот и будем идти вместе, — подвёл итог Дима. — а еды я тебе раздобуду в деревне.

Мастер думал. Он задавал себе один-единственный вопрос: что бы он сам делал на месте Димы? Как бы он сам поступил?

С малых лет Мастер не прощал обид. Когда был ещё мальчишкой, его пробовали дразнить Вислоухим. На обидчика он набрасывался с такой яростью, что его стали побаиваться. Даже самый сильный мальчишка в классе по прозвищу Дока сильно струхнул, когда в его горло вцепился этот малявка, который был на целую голову ниже.

Мастер не прощал обиды. Из-за этого во многом так неудачно и сложилась его жизнь. Из-за этого он потерял жену. Они тогда поссорились по пустяку. Она накричала на него, говорила много обидных слов, как ему тогда показалось. Он надулся.

Вот этого не надо было делать, и жизнь сложилась бы иначе. А тогда он обиделся. Жена села в машину и повела её сама. Если бы за рулём был он, то не случилось бы столкновение с грузовиком. Она всегда плохо водила машину.

Сын мог пойти в отца. А если это так, то он постарается отомстить Барину, который его похитил. Из разговоров с Бариним и Кандидатом Мастер знал, что сын любил бродить возле Голицынского дворца. Там его и заприметил Барин.

Дима мог направиться туда. Но что он затеял? Не будет же драться со своим обидчиком.

Мастер вспомнил себя в том же возрасте и улыбнулся. В то время в голову лезли самые невероятные мысли. Он был от природы авантюристом. Это его и привело на тюремные нары. После смерти жены он пережил тяжёлые месяцы. Именно тогда на его пути попался Барин. С деньгами было туго, а если говорить конкретней, то он не имел и гроша в кармане. Мастер согласился на авантюру, чтобы добыть немножко денег.

Но Барин был хитрей его. Он сумел повернуть так, что Мастер стал обязан ему. А Мастер никогда не нарушал данного им слова. Так он постепенно стал работать на Барина.

Когда Барин решил, что Мастер ему больше не нужен, не моргнув глазом он сдал его правоохранительным органам.

Мастеру не удалось отомстить Барину, но он стремился к тому. Почему же Диму не может одолевать то же чувство мести? Мальчик не знает, что Барина уже нет в живых.

Окончательно убедившись в том, что Дима направился к Голицынскому дворцу, Мастер поспешил к шоссе пешком.

Между тем незадачливые охранники проторчали напрасно несколько часов на посту автоинспекции. Ни в одной машине мальчика и девочки не оказалось.

Уже к утру один шофёр сказал, что видел на перекрёстке мотоцикл с детьми, но там их было трое. Это в пяти километрах от города. Он ещё удивился, что ребята едут одни и почему-то не по дороге, а по просёлку. На развилке они свернули влево.

Сеня и Гриша бросились туда на попутной машине. Когда выбрались на развилке из машины, то поняли, что зря спешили.

— Куда теперь? — развёл руками Гриша.

— Да, — опечалился Сеня, — ищи ветра в поле.

— Лопухи мы! — стукнул себя по лбу Гриша. — Чего ж машину отпустили?

— Ну ты даёшь! А как бы ты не отпустил её?

— Связать шофёра и все дела.

— Нет, я на такое не пойду. С милицией я не ссорюсь, а дружу.

— Что же теперь делать? — спросил Гриша.

— Надо к Барину.

— Он нам голову свернёт.

— Это ещё посмотрим, а я не хочу терять деньги. Он сколько тебе должен?

— Тысячу баксов.

— Хочешь их потерять?

— Ты что? Да я их зубами вырву...

— Вот и вырвем, — сказал Сеня. — Скажем: если не рассчитается, детей не увидит. Прикинемся, что мы этих щенят спрятали. Понял план?

— Ну, ты и голова! — восхитился Гриша. — Я знаю, где Барин. Тут близко. Я как-то сопровождал его. Он в развалинах дворца что-то химичит.

Мальчик и девочка встретили в деревне своего ровесника, который назвался Витей. Он накормил их. Витя гостил у деда, местного пасечника. Дед уже сильно состарился и не ездил на мотоцикле с коляской, который стоял в сарае.

Дима смекнул, что с Витей надо быть откро-

венным. Он и Вера рассказали о том, что с ними случилось, как они убежали и какие страшные люди их преследуют. Потом Дима, немножко поколебавшись, поделился с Витей своими планами. Он даже сам не ожидал, что Витя так загорится желанием разузнать, что же происходит в старинном дворце.

— Я думаю, — сказал он, — что они в подвалах замка прячут украденных детей.

— Все может быть, — согласился Дима.

— Тогда мы спасём детей, — воскликнул Витя. — И про нас напишут в газетах.

— Ты так хочешь прославиться? — спросила мальчика Вера.

— Нет, — ответил Витя.

— А зачем тогда газеты?

— Я показал бы деду. А то он вечно мной недоволен. Всё я делаю не так, как надо. А тут прочитает и поймёт, что его внук не самый никудышный.

— Тогда едем, — сказал Дима.

Витя не стал долго раздумывать. Когда дед уснул, ребята выкатили мотоцикл из сарая.

— Я вас повезу просёлочными дорогами, — сказал Витя. — Мы даже ни разу не выедем на шоссе.

Уже было темно, ехали с зажжёнными фарами. Витя и в самом деле оказался хорошим знатоком этих мест. Он привёз ребят прямо к Голицынскому дворцу, но остановился поодаль, чтобы их не заметили.

Мальчики и Вера решили провести разведку. Для этого они замаскировали мотоцикл, забросав его еловыми лапами. Сами же устроились в удобном месте, откуда можно было наблюдать за всем происходящим.

Они были заняты разведкой почти целый день. Кстати, Дима видел Мастера, когда тот вечером уезжал из дворца. Если бы он знал, что это его отец! Но он его принял за одного из бандитов.

Мальчики и девочка видели все передвижения. И самое главное, они стали свидетелями того, как двое закапывали какого-то убитого человека. Но они не могли знать, что это был Барин.

К вечеру Дима до конца продумал свой план и решил поделиться с друзьями.

— Мы убедились, что это бандиты, — сказал он.

— Надо заявить в милицию, — предложил Витя.

— Нет, — твёрдо заявил Дима. — У меня есть свой план.

— Выкладывай.

— Вы видите пруд?

— Да.

— Этот пруд был вырыт ещё в прошлом веке. Дубовые шлюзы давно не работают, они сильно погнили. Никому до них нет дела. Если их разрушить, а это нетрудно, то вода хлынет в подвалы дворца. Вот что мы должны сделать.

— А если там дети? — спросил Витя.

Дима долго думал, потом сказал друзьям:

— Подождите меня.

— Ты пойдёшь один? — спросил Витя.

— Я хорошо знаю дворец и проверю, нет ли в подвалах детей.

Это было как раз в тот момент, когда Мастер и Кандидат договорились о дальнейшем сотрудничестве. Мастер уехал в надежде найти

сына, а Кандидат со своими людьми решил отдохнуть.

Диме удалось проникнуть в подвал. Он подходил к дверям и тихонько стучал. В ответ никто не отзывался. Потом он обнаружил мастерскую и по валявшимся в углу старым купюрам догадался, что тут происходит.

Вернувшись к друзьям, Дима рассказал обо всём увиденном.

— Это на него похоже, — сказала Вера. — Он делает деньги.

— Вот мы и устроим маленькое наводнение, — сказал Дима, — затопим лабораторию.

Это было почти в то время, когда Сеня и Гриша оказались на перекрёстке, а Мастер на попутной катил в сторону Коломны. Он вышел из машины на том же самом перекрёстке, что и охранники. Автомобиль покатил дальше, а Мастер стал ждать какую-нибудь другую машину, которая бы шла в сторону Голицынского дворца.

И тут он увидел грузовик. Но одновременно заметил выпешших из леса двух здоровых мужчин. Он увидел их в метрах сорока от себя. Они голосовали. Грузовик остановился. Мастеру пришло в голову, что это те самые ребята, о которых говорила старушка. Они спешат по следу Димы и девочки.

Мастер рванул вперёд с такой прытью, словно сдавал стометровку. Когда он подбежал, Гриша и Сеня уже забрались в кузов. Мастер сунул водителю сторублёвку и тоже запрыгнул в кузов.

Машина покатила вперёд. Сеня и Гриша утаивались на Мастера. Потом Сеня спросил:

— Из местных?

— А вы? — вопросом на вопрос ответил Мастер.

— Тебя спрашивают, ты отвечай.

— А то что?

— А то плохо будет, — спокойно сказал Гриша.

— Из соседней деревни, — соврал Мастер. — К теще еду, блинов захотелось.

— Шёл через лес? — спросил Сеня.

— Тут другой дороги нет.

— Не встречал мальчишку и девчонку? Наши дети заблудились.

Сомнений не оставалось — это были преследователи Димы и девочки.

— В лесу бы искали, — сказал Мастер, прикидывая, сможет ли управиться с такими битюгами. — Куда же вы едете?

— Тут задаём вопросы мы, — сказал Сеня.

Оба они сидели, привалясь к спинке кабины шофёра. Хорошая, надёжная позиция! Накинуться на них было бы бессмысленно. И тут Мастер резко показал рукой в сторону и крикнул:

— Вон они!

Гриша кинулся к борту кузова.

— Где?

Быстрым движением Мастер опрокинул Гришу за борт. Он видел, как детина свалился на обочину, перевернулся несколько раз и вскочил. Шофёр стал тормозить, видимо, заметив вылетевшего из кузова человека.

— Гони! — крикнул Мастер. — Это бандиты!

До смерти испуганный водитель рванул вперёд.

— Сам выскочишь или помочь? — спросил Мастер Сеню.

Тот вскочил на ноги.

— Сейчас ты сам летаешь, — с угрозой произнёс он.

Машину мотало на колдобинах, а двое нацелились друг на друга, словно боксёры на ринге. Мастер понимал, что противник во много раз сильнее его и победить можно только ловкостью. И в тот момент, когда Сеню метнуло влево, когда он обеими руками ухватился за борт, Мастер в прыжке ногами ударил его в спину, а сам упал на дно кузова. Он услышал вопль и понял, что противник полетел за борт.

Витя оказался довольно практичным человеком, ему каждое лето приходилось общаться с дедом, крестьянином, и тот многому научил мальчика.

Когда подошли к шлюзу, Витя тут же стал прикидывать, как можно открыть его. А Вера спросила Диму:

— Зачем же они, эти твои древние люди, выкопали пруд, который может их затопить?

— Во-первых, не древние, а люди прошлого века, — ответил Дима.

— А зачем?

— Этого я не знаю, — честно признался Дима. — Но зря они ничего не делали. Значит, бывали обстоятельства, когда надо было затапливать подвалы.

— Глупое предположение, — фыркнула Вера.

— А может быть, — невозмутимо продолжал Дима, — они это сделали из каприза.

— Из какого же каприза?

— Просто так им захотелось.

— Тоже неубедительно.

— Вы сюда говорить пришли? — спросил Витя.

— Я хочу знать, — упрямо сказала Вера, — почему пруд выкопали выше, когда нужно ниже.

— А что тут неясного? — удивился Витя. — Они не хотели носить воду ведрами. Она сама сбегала по трубам. Своего рода водопровод.

— Это похоже на правду, — успокоилась Вера, как будто для неё было сейчас важнее всего выяснить, зачем так высоко выкопали пруд.

Но на самом деле она очень хотела, чтобы ребята бросили свою затею и убрались отсюда, пока живы. Она боялась Барина. Но с другой стороны, Вера прекрасно понимала, что мальчишек не отговорить, они чувствуют себя героями и для них нет ничего важнее на свете, чем совершать смелые поступки. Так уж устроены мальчишки.

Сколоченный из толстого дуба шлюз потемнел от времени, оброс ракушками и даже с виду был гнилым. Но разворотить его мальчишкам всё-таки было не под силу.

И тогда Витя сказал:

— Нужен дрын.

— А что это такое? — спросила девочка.

— Вага.

— Ты можешь говорить по-русски? — возмутилась девочка.

— А я говорю по-китайски? — спросил Витя.

— Я видел, что тебе нужно, — заявил Дима. — Строители привезли их сюда.

Мальчики обошли дворец с другой стороны и притащили две длинные жерди. Витя пристроил их так, что получились рычаги.

— На этот я буду давить, а на тот — вы, — сказал он. — Только по команде.

Рычаги сделали своё дело — гнилая плотина развалилась и через неё хлынула вода.

И тут произошло то, чего никак не ожидали юные борцы с бандитизмом. Откуда-то появились милицейские машины. Из них выскочили ребята с автоматами и моментально окружили дворец. Это нагрянула группа Базанова, которому позвонил Мастер.

— Бежим! — крикнул Дима.

Ребята бросились к лесу. Они успели скрыться ещё до того, как кольцо вокруг развалин дворца сомкнулось.

— А почему мы убежали? — спросила Вера, тяжело переводя дыхание.

— Да, почему? — резонно спросил Витя. — Мы же заодно.

— А если это банда? — возразил Дима. — Просто переодетая в милицейскую форму. Тогда как?

На это не нашлось ответа ни у Веры, ни у Вити.

— Посмотрим, что будет дальше, — сказал Дима.

Между тем в подвале, который начала заливать вода, раздались вопли. Оттуда выскочили сонные люди Кандидата и он сам. Когда они увидели так много милиционеров перед собой, то невольно подняли руки.

Шофёр остановил машину, когда Мастер постучал кулаком по кабине. Он дрожал от страха и боялся даже выглянуть наружу. Мастер спрыгнул на землю.

— Где развалины дворца? — спросил он, останавливаясь рядом с дверцей водителя.

— Там, — махнул рукой шофёр.

— Долго идти?

— Тут не больше версты. Подвезти?

— Нет. Много шума. Кати, браток.

Мастер в знак приветствия поднял руку и побежал через лес. Он не знал, что там происходит, и хотел появиться незаметно. Но достигнув дворца, он увидел тесно сгрудившихся людей Кандидата и обступивших их милиционеров.

Мастер спросил, где Базанов. Милиционер показал в сторону пруда. Там стояла группа людей и среди них Базанов. Тот очень удивился появлению Мастера.

— Ты откуда? — спросил он.

— Как видишь, по тебе соскучился, — хмуро пошутил Мастер.

— Не нашёл сына? — догадался Базанов.

— Да вроде напал на след, — задумчиво произнёс Мастер, глядя на раскуроченные шлюзы.

Заметив его взгляд, Базанов сказал:

— Кто-то действовал на свой страх и риск.

— Кажется, я догадываюсь — кто, — усмехнулся Мастер и посмотрел на лес. — Ну-ка, погромче скажи кое-что. — Мастер показал на мегэфон, висевший на груди Базанова.

Притаившиеся в ельнике ребята услышали голос Базанова:

— Дима, ты хочешь увидеть отца? Он рядом со мной. Выходи!

— Я не понял, — сказал Витя. — Какого отца?

— Откуда он может быть здесь? — вслух подумал Дима.

— Твой отец милиционер? — спросил Витя.
— Какое там! — с досадой воскликнул Дима. — Он сидит в тюрьме.

— Ничего не пойму, — растерянно произнёс Витя.

— Долго тебе толковать, — сказал Дима. — А если честно — я и сам ничего не понимаю. Что же делать?

— Откуда они узнали, что мы здесь? — недоумевала Вера.

— От верблюда, — огрызнулся Дима.
— Чего ты грубишь? — обиделась Вера.
— Потому что ты задаёшь глупые вопросы.
— А ты знаешь ответ? — пристала Вера.
— Не знаю я, откуда они узнали, что мы здесь!

— Вот видишь. А говоришь — глупый вопрос.

— Значит, не ко времени.
— Ты не психуй, а решайся, — сказала Вера.
— Легко сказать! — заметался Дима. — А если это ловушка?

— Какая ловушка? — возмутилась Вера. — И что мы такого сделали? Идём.

Она взяла его за руку и повела. Дима не стал сопротивляться, только посмотрел на Витю. И тот тоже поднялся на ноги и пошёл.

Все трое вышли из мелкого ельника. Они вышли на открытое место. И им навстречу двинулся человек. Дима усиленно вглядывался в него. Что-то неуловимо знакомое почудилось ему в этом человеке, но он не мог понять что.

— У вас одинаковая походка, — сказала Вера.

Она отпустила Димину руку и остановилась.

Витя застыл рядом. А Дима даже не заметил этого. Он шёл навстречу человеку, у которого была точно такая же походка, как и у него.

— Так, ребята, — сказал Базанов, — нам тут больше делать нечего.

Усадив в рафик арестованных, милиционеры устремились к машинам.

Тут из леса вышли усталые Сеня и Гриша, преисполненные желания получить у Барина заработанные баксы.

— Ещё двое, — сказал Базанов. — Заберите! А сын и отец шли навстречу друг другу.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ.	
<i>Любимый холм.....</i>	3
ГЛАВА ВТОРАЯ.	
<i>Новая афера Барина.....</i>	34
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.	
<i>Серьезная угроза .....</i>	51
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.	
<i>Барин находит выход.....</i>	74
ГЛАВА ПЯТАЯ.	
<i>Похищение Димы.....</i>	87
ГЛАВА ШЕСТАЯ.	
<i>Бегство Мастера .....</i>	102
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.	
<i>Подготовка операции.....</i>	119
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.	
<i>Дерзкий план.....</i>	139
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.	
<i>Кандидат меняет планы .....</i>	151
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.	
<i>Мсть.....</i>	172

Литературно-художественное издание

Конев Егор Федорович

СТАРЫЙ ДВОРЕЦ

Для среднего школьного возраста

Ответственный за выпуск Н. В. Клакоцкая

Подписано в печать с готовых диапозитивов 28.09.99.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,08. Тираж 11 000 экз. Заказ 2246.

Фирма «Современный литератор». Лицензия ЛВ № 319
от 03.08.98. 220029, Минск, ул. Красная, 5 — 12

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ISBN 985-456-329-4

9 789854 563299 >

ДЕТЕКТИВ для девочек
и мальчиков

СТАРЫЙ ДВОРЕЦ